

**Труды Коми отделения
Академии военно-исторических наук**

Выпуск 6

Сыктывкар 2008

УДК 947 (470.13)

Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук. – Сыктывкар, 2008. – Вып. 6. – 224 с.

В очередной сборник трудов включены материалы, посвященные, главным образом, истории периода Великой Отечественной войны, увековечению памяти павших защитников Отечества, подготовленные как уже известными специалистами-историками, так и начинающими исследователями.

Для широкого круга читателей.

Редакционная коллегия

к.и.н., академик АВИН **А.Ф.Сметанин** (председатель), д.и.н., академик АВИН **И.Л.Жеребцов** (зам. председателя), к.и.н., член-корр. АВИН **И.О.Васкул** (отв. секретарь), к.и.н., член-корр. АВИН **Е.Н.Боле**, к.и.н., член-корр. АВИН **Д.В.Милохин**, к.и.н., член-корр. АВИН **А.Д.Напалков**, д.и.н., академик АВИН **А.А.Попов**, к.и.н., член-корр. АВИН **М.В.Таскаев**, д.и.н., академик АВИН **В.И.Чупров**

Ответственный редактор выпуска – д.и.н. И.Л. Жеребцов
Составители выпуска – д.и.н. И.Л. Жеребцов, к.и.н. Е.Н. Боле
Рецензент – д.и.н. М.А. Мацук

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству ученых и краеведов, занимающихся изучением истории Первой мировой, гражданской, Великой Отечественной и иных войн, различных аспектов военно-исторического знания. Статьи, заметки, публикации документов и другие материалы для очередных выпусков «Трудов Коми отделения Академии военно-исторических наук» принимаются преимущественно в электронном варианте и оформленные таким же образом, как статьи, публикуемые в данном сборнике.

Почтовый адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, ответственному секретарю «Трудов Коми отделения АВИН» Васкулу И.О. Тел.: (8212) 244924 (зам. председателя редколлегии И.Л.Жеребцов), (8212) 241702 (отв. секретарь И.О.Васкул).

E-mail: zherebtsov.hist@mail.komisc.ru; secr.hist@mail.komisc.ru

© Коми отделение АВИН, 2008
© Авторский коллектив, 2008
© И.Л.Жеребцов, отв.ред., 2008

ЮБИЛЕЙ АКАДЕМИИ

В 2008 г. исполнилось 10 лет со времен организации Академии военно-исторических наук. Академия военно-исторических наук – добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан на основе общности интересов ученых-гуманитариев, военнослужащих, внесших значительный вклад в развитие науки и практики, военно-патриотического воспитания, деятельность которых направлена на развитие знаний в области военно-исторических наук, популяризации истории боевого прошлого России.

Учредительное собрание Академии состоялось в Санкт-Петербурге 30 апреля 1998 года. В собрании участвовали известные ученые Н.И.Барышников, Б.П.Белозеров, Н.Я.Гребнев, М.В.Ежов, Н.Д.Козлов, Ю.И.Колосов, М.И.Фролов, другие видные историки, общественные деятели, военные, педагоги. Президентом АВИН был избран доктор военных наук, профессор, генерал-майор Илья Павлович Горелов, возглавлявший Пушкинский филиал Военного Инженерно-Космического института (это учебное заведение стало на первом этапе работы Академии базовой организацией АВИН), вице-президентами – Н.Д.Козлов и М.И.Фролов, ученым секретарем – Н.Я.Гребнев. Позднее, после избрания Н.Я.Гребнева вице-президентом АВИН, ученым секретарем был избран О.А.Дроздов. Руководящим органом стал Совет Академии. Устав Академии зарегистрирован в Министерстве юстиции РФ 22 июня 1998 года. В конце 1998 г. состоялось второе собрание АВИН, на котором к членам Академии – санкт-петербуржцам присоединились исследователи из других регионов России. В настоящее время в АВИН 15 региональных отделений: Адыгейское, Алтайское, Верхне-Волжское, Волго-Вятское, Калининградское, Карачаево-Черкесское, Карельское, Коми, Кузбасское, Санкт-Петербургское, Средне-Волжское, Татарстана, Уральское, Южнороссийское, Южноуральское. Региональные отделения создаются

Советом АВИН и утверждаются Общим собранием Академии. Высшим органом регионального отделения также является Общее собрание. Председатель регионального отделения избирается на Общем собрании отделения сроком на два года.

Высшим органом АВИН является Общее собрание. В период между собраниями руководство деятельностью Академии осуществляют Совет АВИН и президент АВИН. В октябре 2004 г. президентом АВИН был избран глава администрации Пушкинского района Санкт-Петербурга, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор Михаил Иванович Каратуев, вице-президентами – Н.Я.Гребнев, Э.М.Филиппов, М.И.Фролов, ученым секретарем – А.М.Голик, затем – А.В.Махнытко. АВИН учредила свои почетные звания и награды. И.П.Горелов и М.И.Фролов были избраны почетными академиками. Ряд активных членов АВИН был награжден медалями «За заслуги» и «За отличие».

Главной целью Академии военно-исторических наук являются пропаганда славных боевых традиций Вооруженных Сил, участие в военно-патриотическом воспитании населения. Среди важнейших задач АВИН – концентрация усилий ученых на решении актуальных задач военной истории России; активное содействие развитию и эффективному функционированию научного потенциала знаний в области военной истории; содействие становлению и развитию прогрессивных форм организации научно-исследовательских работ и учебного процесса по гуманитарным дисциплинам в системе образования; выявление и анализ значимых тенденций развития социальных процессов в современном обществе, социальных последствий принимаемых решений с целью содействия выработке рекомендаций по управлению социальными процессами и решению социальных задач; содействие формированию нового поколения ученых, интересующихся проблемами военной истории.

По инициативе и при участии АВИН в Санкт-Петербурге и регионах было проведено множество научных конференций и семинаров, среди которых такие крупные форумы, как конференции «Ленинградская эпопея – феномен мировой истории», «60 лет со дня снятия блокады Ленинграда и освобождения Ленинградской области» и др., опубликована большая серия монографий, сборников научных статей по военно-исторической и патриотической тематике. Проблемы военной истории активно обсуждались в средствах массовой информации. Много внимания уделялось популяризации научных знаний, поисковому движению.

Действительными членами (академиками) АВИН могут быть избраны доктора наук; членами-корреспондентами – кандидаты наук, занимающиеся исследованиями проблем военной истории, патриотическим воспитанием,

популяризацией научных знаний, членами академии – лица, не имеющие ученых степеней, но активно содействующие работе АВИН. Избрание членов-корреспондентов производится региональными отделениями. Окончательное решение о приеме действительных членов принимается Общим собранием (конференцией) Академии. Кандидаты на вступление в АВИН должны представить анкеты (личный листок по учету кадров), копии документов об ученой степени и ученом звании, списки научных и научно-популярных трудов и учебных пособий, личное заявление с просьбой о приеме и рекомендации двух членов АВИН. Уставом АВИН предусмотрен вступительный и ежегодный членский взносы.

Учредительное собрание Коми отделения АВИН состоялось в Сыктывкаре 19 октября 2001 г. Учредителями Коми отделения АВИН являлись кандидат исторических наук, доцент А.Ф.Сметанин, доктор исторических наук И.Л.Жеребцов, доктор исторических наук, профессор В.И.Чупров. Председателем КО АВИН был избран А.Ф.Сметанин, ученым секретарем – И.Л.Жеребцов. 6 декабря 2001 г. седьмое Общее собрание Академии военно-исторических наук постановило создать Коми отделение АВИН, утвердить А.Ф.Сметанина председателем, И.Л.Жеребцова – ученым секретарем отделения, избрать А.Ф.Сметанина, И.Л.Жеребцова и В.И.Чупрова действительными членами (академиками) АВИН. Базой для деятельности Коми отделения АВИН стал Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. В последующее время через Коми отделение в АВИН вступили еще пять академиков, 12 членов-корреспондентов и два члена академии (из Сыктывкара. Кирова, Котласа и Архангельска). Члены коми отделения АВИН неоднократно выступали с докладами, посвященными военно-исторической тематике, на научных конференциях. В ряд публикаций («История Коми с древнейших времен», «Коми край: очерки о десяти веках истории», «Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен» и др.) вошел обширный материал об участии жителей Коми в борьбе с польскими интервентами в начале XVII в., в Отечественной войне 1812 г., Крымской войне, Русско-японской войне, Первой мировой войне, гражданской войне, Великой Отечественной войне и др. Группой ученых велись исследования в рамках темы «Коми АССР в годы Великой Отечественной войны».

Силами Коми отделения АВИН выпущены пять сборников трудов, шестой вы держите в руках, сдан в печать седьмой том. В подготовке материалов для трудов КО АВИН участвуют не только члены Академии военно-исторических наук, но и другие ученые и краеведы Республики Коми и других регионов России. Эти издания неизменно вызывают большой интерес специалистов и широкой общественности.

Вклад коми историков в развитие военно-исторических исследований, пропаганду научных знаний, патриотическое воспитание, научно-организационную работу был по достоинству оценен руководителями Академии. А.Ф.Сметанин, И.Л.Жеребцов, М.В.Таскаев были удостоены медалей Академии военно-исторических наук «За заслуги», А.Д.Напалков и А.И.Таскаев – медалей «За отличие».

*А.Ф.Сметанин, академик Академии военно-исторических наук,
председатель Коми отделения АВИН*

*И.Л.Жеребцов, академик Академии военно-исторических наук,
ученый секретарь Коми отделения АВИН*

СТАТЬИ

И. Б. Циркунов*

ФИНСКИЙ МИФ И СТРАТАГЕМА МАННЕРГЕЙМА

*«Советский Союз победил,
но Финляндия вышла на второе место».
Финский народный юмор*

В 2008 г. исполнилось 90 лет с момента получения Финляндией независимости. Внешне спокойный, без помпезности акт обретения независимости на деле обернулся серьезной борьбой Финляндии за свой суверенитет. В истории немало примеров, когда народ страны ведёт длительную борьбу за свою независимость, а получив её мирно живёт и развивается. А вот в истории Финляндии сценарий был несколько иным.

Прошедший двадцатый век оставил многочисленные страницы славы и позора в истории человечества. К числу жестоких и бесславных дел можно отнести две мировые войны. Как бы мы не осуждали войны, именно на войне, как и в других видах искусства, наилучшим образом открываются такие качества личности, как сила духа, любовь к своей Родине, к своему народу. Вот лишь один исторический эпизод: подвиг римского воина Сцеволы Гая Муция. Лучше остаться без руки, чем без Родины, лучше быть почитаемым своим врагом, чем презираемым своим народом! Новые времена рожают новых героев и новые образы. К числу героев ушедшего века можно отнести Карла Густава Маннергейма. Для финского народа он был несомненным героем. Для русских – противником, но противником геройским. Противник, которого трудно упрекнуть в безнравственности и жестокости, противник, о котором так долго молчали, так как трудно было говорить хорошо, а сказать плохо было нечего.

Со школьной скамьи нам хорошо было известно о войне с фашистами, гражданской войне, войне 1812 года, о том, как Пётр Великий выиграл

* Циркунов Игорь Борисович (Мурманск) – кандидат экономических наук, доцент кафедры отечественной истории Мурманского государственного педагогического института.

сражение под Полтавой, об Александре Невском, а вот о войне с Финляндией почти ничего не знали. О причинах войны, о её ходе и результатах, как правило, писали и говорили скупно. О войне с Финляндией можно было больше узнать, беседуя с друзьями и знакомыми. Они рассказывали о своих дедах, которые принимали участие в боевых действиях, а некоторые из них погибли на этой войне. Наверно, так и рождаются легенды и мифы. Это, возможно, один из первых мифов прошлого столетия, с которым мне пришлось столкнуться. Неомифологическое сознание было характерно для всего двадцатого века и имело широкое распространение как в культуре, так и в исторической науке. Однако, как мне теперь кажется, мы имеем дело с управленческим мифом.

Идеологическое противостояние Советского Союза и всего остального мира создало множество мифов не только общекультурного и политического характера, но экономического и управленческого. К числу таких мифов можно отнести и миф о маленькой и злобной Финляндии, которая готова была напасть на СССР. Финляндия дважды воевала с Советской Россией в прошлом веке и даже построила оборонительный рубеж, который получил имя Маннергейма. Уже тогда казалось странным, зачем стране нападающей, а именно так советская пропаганда представляла Финляндию, оборонительная линия Маннергейма. Эта странность породила в моем неомифологическом сознании то, что носит название бинарной оппозиции (Руднев, 1999. С. 38). С одной стороны Маннергейм – противник, враг, агрессор – тот, кто нападает, но зачем ему заниматься созданием оборонительной линии? С другой стороны, Маннергейм – расчётливый политик, руководитель сопредельного государства, который вполне сознательно возводил укрепления вдоль своей границы на востоке, не для обороны ли? Попытаемся найти ответы на эти вопросы с позиции теории управления, отталкиваясь от некоторых исторических и политологических фактов. При этом рискуем создать ещё один управленческий миф.

Карл Густав Эмиль Маннергейм (04.06.1867–27.01.1951) являлся потомком древнего шведского дворянского рода. С момента рождения Маннергейма в его жизни было много символического. Символичным было даже место рождения будущего руководителя Финляндии. Он родился в усадьбе в Лоухисаари, ранее принадлежащей старинному роду Флемингов. Эта усадьба в XIX в. перешла во владения Маннергеймов. К фамилии Флемингов принадлежал маршал Клаус Флеминг, видный полководец времён Дубинной войны (1596–1597), который был ещё и наместником Финляндии (Клинге, 1996. С. 34–37). Карлу Густаву Маннергейму было уготовано судьбой, стать регентом, маршалом, главнокомандующим и президентом Финляндии. Карл Густав был первым из трёх поколений Маннергеймов,

который посвятил себя военной карьере. Он был удостоен высшего военного звания маршала Финляндии (Маннергейм, 2003. С. 5). Парадоксально, но Маннергейм, которого оценивают как одного из образованнейших людей своего времени, знающего несколько европейских языков, офицера русской армии, человека, который оказал огромное влияние не только на историю Финляндии XX в., но и на ход исторического развития всей Северной Европы, ставшим символом национальной стойкости, в контексте культуры Западной Европы, получил прекрасное образование на востоке в буквальном и переносном смысле. После окончания кадетского корпуса Финляндии Маннергейм продолжил обучение в России, которая, как известно, является восточным соседом современной Финляндии, а некогда была метрополией. Последующая военная карьера и «практика» управления Маннергейма проходила также на Востоке.

Поступлению в Николаевское кавалерийское училище предшествовали изнурительная подготовка по программе университетского экзамена и совершенствование русского языка, который был для Маннергейма иностранным. После блестящего окончания этого училища в 1889 г. – служба в Польше в драгунском полку, далее – женитьба и карьера кавалергарда. Но русско-японская война нарушила спокойную военную службу при дворе императора. Карл Густав пошёл на войну добровольцем, что вызвало неудовольствие генерала Брусилова. На русско-японской войне Маннергейм заболел, что дало ему небольшую передышку. Короткий отпуск был прерван и Маннергейм по заданию Генштаба отправился в восточную экспедицию. Через всю Центральную Азию от российского Туркестана до столицы Китая пролегал его конный маршрут. С 1906 по 1908 г. Маннергейм преодолел сотни километров верхом на лошади по горным тропам и пустыням. Одной из замечательных встреч Карла Густава была аудиенция с Его святейшеством Далай-ламой в Утае. По окончании этого удивительного путешествия Маннергейм был приглашён для доклада к Николаю II, где и передал подарки Далай-ламы императору. (Маннергейм, 2003. С. 9-44). После короткого отпуска Маннергейм оказался на фронтах Первой мировой войны. Последние зачёты и экзамены Маннергейм сдавал очень серьёзному противнику – германской армии. Генерал-лейтенант Маннергейм оставил службу в русской армии по идейным соображениям. Он не принял новой власти большевиков, не примкнул к белому движению. Маннергейм был лично знаком с некоторыми русскими генералами, которые впоследствии стали лидерами белого движения, в том числе и с генералом Деникиным. Карл Густав реально оценивал и хорошо знал способности и возможности русского генералитета. Маннергейм принял главное решение в своей жизни, он посвятил всего себя делу борьбы за независимость Финляндии.

Трудно говорить о столь незаурядном человеке, каким был барон Маннергейм, опираясь только лишь на его объёмные, но в то же время малоэмоциональные воспоминания. В них нет крайних характеристик лицам, которые были ему симпатичны или вызывали чувство неприязни. В этих воспоминаниях нет места личным переживаниям, чувству восторга от увиденного и пережитого, чувствам радости и печали от встреч и расставаний с людьми, чувству горечи от поражений и предательства. По воспоминаниям Маннергейма можно лишь сказать, что он был одинаково беспристрастен в общении с друзьями и противниками, свободно держался на встречах с европейскими монархами, общался с российским императором и Далай-ламой. Но это совсем не значит, что Карл Густав Маннергейм не испытывал никаких чувств. Его воспоминания не оставили нам сведений о его страстях, кроме увлечения лошадьми, о том, чем интересовался и что занимало ум барона. Нам неизвестно, как офицер русской армии, кавалергард из свиты императора не просто принял республиканский строй, а был фактически его создателем. Регент Маннергейм в 1919 г. утвердил форму правления в Финляндии, которая остаётся неизменной и по сей день (Клингге, 1996. С. 119-122). У нас нет фактического материала, который бы поведал нам о том, где и как Маннергейм совершенствовал свои познания шести языков. Будучи прекрасно образованным человеком своего времени и, обладая недюжими интеллектуальными способностями, нам также неизвестно, каким образом барон занимался самообразованием.

Маннергейм вряд ли был знаком с китайским учением о тридцати шести стратагемах. Слова, вынесенные в заголовок, надо рассматривать как метафору. Однако в иносказании заголовка можно увидеть тезис о том, что Маннергейм обладал стратагемным мышлением полководца и политика, который мы попробуем доказать.

Синологи давно пришли к мысли, что рекомендации китайских стратагем можно найти в письменных источниках, созданных в других странах. Задолго до создания китайских стратагем мысли о хитрости и уловках при ведении войны можно обнаружить в ассирийских анналах XVIII в. до н.э. В Ветхом Завете, в исландской «Эдде», в арабских источниках также содержатся ссылки и прямые указания на использование хитрости и обманных действий для одержания победы и достижения поставленных целей (Зенгер, 1995. С. 32-34). У многих народов существуют схожие приёмы поведения и методы ведения борьбы в близких по существу ситуациях. Особенно ярко это проявляется в пословицах и поговорках. Да и само слово «стратагема» латинского происхождения, а не китайского, несмотря на то, что учение было создано на Востоке. Секст Юлий Фронтин (около 30 г. н.э. – около 103 г. н.э.), государственный и военный деятель римской империи,

написал несколько произведений. Самое известное из них называется «Военные хитрости (Стратегемы)» (Фронтин, 1996). Название книги Фронтин «Strategemata» в множественном числе восходит к древнегреческому strategema (Зенгер, 1995. С. 23-25). Слово это постепенно приживалось в европейских языках и в XX в. закрепилось окончательно. В русском языке можно найти два варианта написания этого слова. В русском переводе Фронтин – «стратегема» и в переводе произведения Харро фон Зенгера – «стратагема».

Отличить стратагему от стратегии легко. Если стратегия – это правильно задуманная на принципах военной науки операция, то стратагема – это военная хитрость, т.е. то, что приходит на ум уже в ходе самой кампании (Фронтин, 1996. С. 14).

Тридцать шесть китайских стратагем являются квинтэссенцией военной и дипломатической мудрости. Китайское военное искусство и дипломатия зиждятся «... на знании глубочайших законов реальности или, точнее, на понимании глубокого двусмысленного статуса видимого мира, который одновременно является и не является реальностью. Ибо обман возможен лишь там, где до конца сохраняется ощущение подлинности происходящего. В известном смысле иллюзия и есть самое надёжное свидетельство правды» (Тридцать шесть стратагем, 1998. С. 8).

Стратагемность мышления видимо присуща не каждому полководцу. Наверное, поэтому есть проигравшие и победившие, есть талантливые и бездарные военачальники. Бесспорным будет наше утверждение о том, что Карл Густав Маннергейм был выдающимся политиком и талантливым полководцем. Маннергейм отличался способностью мыслить быстро и остро, молниеносно реагировать на изменения ситуаций и стремительно находить хитроумные выходы из трудных положений. Конечно, сам Маннергейм не отдавал себе отчёт в том, что он обладает приёмами стратагемного мышления. Дело не в том, что Карл Густав не мог рефлексировать и давать самооценку собственным мыслям и поступкам, а в том, что в те годы сам термин «стратагема» ещё не имел широкого распространения. Долгая военная карьера развила способность Маннергейма мыслить и стратегически, и стратагемно. Масштабность политических действий и мощь противников и временных союзников давали возможность Маннергейму применять различные стратагемные приёмы.

Маннергейм был не только выдающимся европейским политиком, но и мифотворцем XX века. Борьба с идейными противниками за воплощение своей идеи – идеи независимости неизбежно порождали большие и малые мифы. Бинарность мира и тем более мира политического, где наряду с реальностью и осязаемостью своей страны, Родины и народа присутствует идея государственности, свободы и независимости, почти всегда приводит

к политическим катаклизмам и даже к войнам. Такая бинарность является хорошей почвой для создания политических мифов. Для политического управления нужны не только научные теории, идеологические платформы, но и мифы, в которые верят до поры до времени и которые разрушают.

Не будем обсуждать вопрос, в какой степени государства являются независимыми. Видимо, независимость, как политологическая категория весьма условна. Однако сейчас всеми воспринимается, как данность, независимость Финляндии. Но как можно было отстоять независимость небольшого государства, экономика которого находилась в крайне плачевном состоянии? С другой стороны, как можно было сохранить независимость, располагаясь в стратегически важном балтийском регионе, находясь как бы между молотом Германии и наковальней СССР? Один из способов управления в ситуации противостояния с сильными государствами и строительства государственности – это создание мифов. Два мифа в отношениях между Финляндией и Советским Союзом лежат на поверхности: красная угроза и Великая Финляндия.

Оставим за пределами нашей статьи вопрос о том, кто и в какой последовательности создавали эти мифы. Уточним лишь то, в какой мере эти мифы были мифами. Ещё лет двадцать назад миф о красной угрозе Финляндии рассматривался бы советским исследователем как пропагандистские измышления представителей буржуазной демократии. Вряд ли у советского правительства и лидеров коммунистической партии были реальные цели захвата Финляндии и уничтожения её независимости. Хотя нам теперь известны условия «добровольного» вступления в семью народов СССР стран Балтии: Эстонии, Латвии и Литвы. Однако территориальные притязания у Советского Союза к Финляндии были. А это дало отличную почву для создания мифа о красной угрозе. Этот миф для финской стороны был прекрасным стимулом для разыгрывания антисоветской карты в правительстве Финляндии и поддержания боевого духа финских вооружённых сил.

Миф о Великой Финляндии, т.е. о присоединении Карелии к Финляндии, был мифом и для Финляндии, и для СССР. Трудно объяснить, как бы удалось Финляндии отвоевать или выкупить территорию Карелии, но этот миф был удобен обеим сторонам – Финляндии и Советскому Союзу. Финской стороне он был нужен, чтобы конкретизировать цели для политиков и вооружённых сил. Братский карельский народ просто «нуждался» в соединении с Финляндией и по языковым основаниям, и по историко-культурным причинам. Для советской стороны этот миф был на все сто процентов мифом. Именно им объяснялась необходимость присоединения финской территории в непосредственной близости от Ленинграда для того, чтобы граница была

максимально удалена от города, для усиления обороноспособности страны в целом.

Маннергейм находился в сложной политической и управленческой ситуации почти всё время своей активной военно-политической деятельности. С одной стороны, главнокомандующего не всегда поддерживали финские политики и государственные деятели. С другой стороны, Маннергейму нужно было молниеносно лавировать в битве гигантов, следить за тем, чтобы не быть раздавленным или Германией, или Советским Союзом. Оценивая деятельность Маннергейма с позиции стратегического подхода, можно предположить следующее.

Финляндия накануне Второй мировой войны находилась в непростой военно-политической ситуации. В этот период времени на исторической арене действовали несколько сильных государств, различные политические силы, возникало много разных союзов, в которых каждая сторона искала выгоду для себя. Тяжёлое решение, которое Карл Густав Маннергейм вынужден принять и заключить союз с Германией, шло вразрез с его недавними эмоциональными переживаниями, ведь генерал не так давно воевал против германской армии. С одной стороны, Маннергейм – бывший офицер русской армии, с другой стороны – идейный противник большевизма. Но трезвый политик не может опираться на свои переживания прошлых лет. Принятое Маннергеймом решение на союз с Германией лучшим образом характеризует не эмоциональность этого решения, а его стратегическую мудрость. Действия Маннергейма точно вписываются в двадцать третью китайскую стратегию. Эта стратегия гласит: «Дружить с дальним и воевать с ближним» (Тридцать шесть стратегий, 1998. С. 122) или «Объединиться с дальним врагом, чтобы побить ближнего» (Зенгер, 1995. С. 348). «Войну против отдалённого противника вести трудно, а союз с ним заключить легко. Союз же с ближним партнёром, если он вдруг прервётся, грозит поражением» (Тридцать шесть стратегий, 1998. С. 122). В данном контексте первый из предложенных нами мифов о красной угрозе раскрывается в полной мере. Используя этот миф и действуя в соответствии с двадцать третьей стратегией, Маннергейм пошёл на союз с Германией.

Величие барона и маршала Финляндии в том и заключается, что он в нужное время воспользовался другим мифом. Мифом о Великой Финляндии и подходящей для этих целей стратегией.

Эта китайская стратегия очень точно, на наш взгляд, отражает позицию Маннергейма в заключительной фазе противостояния Финляндии и Советского Союза. Семнадцатая стратегия звучит следующим образом: «Бросить кирпич, чтобы заполучить яшму» (Зенгер, 1995. С. 348; Тридцать шесть стратегий, 1998. С. 94). Выдавать поддельное за подлинное, заставлять

думать о безделице как о бесценной вещи, обменивать то, что ценится дёшево, на то, что стоит дорого – вот истинное значение этой стратагемы. Конечно же, любые территориальные потери не лучшим образом сказываются на имидже государства, но следует иметь в виду, чем государство могло бы поступиться, ведя борьбу за целостность своей территории. Участвуя в войне против СССР на стороне Германии и подогревая идею Великой Финляндии, Маннергейм активно действовал в Карелии. «Финский народ, возможно, ожидал, что армия сначала захватит Выборг и Карельский перешеек. Я не говорю о тех кругах общества, которые питали надежды на дальнейшее продвижение войск, вплоть до Ленинграда! Поскольку я всегда считал, что такая попытка не в интересах нашей страны, то с самого начала ясно заявил президенту республики: ни в коем случае не буду руководить наступлением на Ленинград. Наступательная операция на перешейке, проведённая на такой ранней стадии, заставила бы противника полагать, что целью её является захват Ленинграда, и при этом одними лишь нашими силами, поскольку немцы в это время находились далеко от этих мест. Можно было полагать, что русские сосредоточат против нас крупные силы и нанесут сокрушительный удар... Вместо наступления на Карельском перешейке я принял решение наступать на участке севернее Ладоги с двух сторон озера Янисярви, имея ближайшей целью выход на берег Ладоги западнее и восточнее города Сортавала и в дальнейшем выйти на государственную границу» (Маннергейм, 2003. С. 381). Отказ от штурма Ленинграда и концентрация усилий на захват ладожской Карелии, которую рассматривали как житницу Финляндии, говорит в пользу того, что миф о Великой Финляндии раскручивался в полном объёме. Когда же ход военных действий на Карельском фронте в корне изменился, финская сторона стала принимать меры к скорейшему заключению мирного договора с СССР. В жертву был принесён миф о Великой Финляндии и территория Карелии, оккупированная финской армией. Однако «яшма» независимости осталась за Финляндией.

Чувство горечи о тех бурных и трагических военных событиях, событиях, которые пережили финский и советский народы, лишь один раз прозвучало в воспоминаниях маршала, как оборванная струна. «... полковник Паяри храбрым броском ворвался в деревню Майнила, известную событиями начала Зимней войны, деревню, на проходящей через которую столетней границе мы могли бы стоять нейтральными соседями, а не ненавистными врагами, если бы только захотел Советский Союз» (Маннергейм, 2003. С. 392). Однако как бы драматично не складывалась история двух наших стран, для Маннергейма оказалась непреложной одна истина – лучше быть вторым и независимым, чем первым ... бриллиантом в короне Российской империи.

Таким видится нам проявление стратагемного мышления маршала Маннергейма. Надо сказать, что это не единственный пример стратагемности в истории XX в., но, пожалуй, самый яркий и результативный. В ходе использования Маннергеймом стратагемных приёмов на карту был поставлен не исход сражения и не успех переговоров для подписания дипломатического протокола, а независимость Финляндии и её государственная целостность. Результат – блестящий!

Литература и источники

1. Зенгер Х. фон. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия. / Отв. ред., автор предисл. и коммент. В.С. Мясников; Пер. с нем. А.В. Дыбо. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1995. – 384 с.
2. Клинге М. Очерк истории Финляндии. – Хельсинки: Иизд-во «Отава», 1996. – 176 с.
3. Карл Густав Маннергейм. Мемуары. – М.: Вагриус, 2003. – 512 с.
4. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.
5. Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха / Перевод с кит. В.В. Малявина. – М.: Белые альвы, 1998. – 192 с.
6. Фронтин. Военные хитрости (Стратегемы). – СПб.: Алетейя, 1996. – 232 с.

Л. Л. Тарасов*

ПО СЛЕДАМ МАРШАЛА РОКОССОВСКОГО В КОМИ

Занимаясь изучением истории Северо-Печорской железной дороги (ныне – Сосногорское отделение Северной железной дороги), неоднократно консультировался со старейшим ветераном Галиной Степановной Седьяковой (1921 г.р., стаж работы на железной дороге с 1941 г.), которая, пребывая в преклонных годах, сохранила ясность ума. Вспоминая этапы спецпереселенцев и заключенных, проходивших с 1930-х гг. через ее родную дер. Ляли Княжпогостского района, она рассказала эпизод, представляющий исторический интерес, так как связан с малоизвестной страницей биографии выдающегося полководца XX в.

Долгие годы вел переписку с однополчанами мой отец – майор запаса Тарасов Лев Тарасович (1922–2004 гг.), прошедший войну от начала до победного конца. Письма приходили из разных концов – из Армении, Алтая, Москвы, Оренбургской, Горьковской и других областей страны. Почти каждое лето родители выезжали на встречу с ветеранами войны в заранее оговоренные районы – места боевых действий фронтов, которыми командовал Рокоссовский (Центральный, Белорусские 1 и 2-й): Чернигов, Гомель, Минск, Калининградская область (Восточная Пруссия). В июле 1988 г. я выехал вместе с ними в Орловскую область, где отмечали 45-летие победы на «Огненной дуге». В памяти остались их воспоминания о буднях фронтовых, товарищах и своем командующем – Рокоссовском. С какой теплотой, даже восторженностью, свойственной скорее людям молодого поколения, говорили о нем солдаты Великой Отечественной, находящиеся в преклонных годах. Так говорят обычно о самом близком человеке, Рокоссовский был из их числа. Вот фрагменты бесед. «Знали, был репрессирован, сидел в лагере. Немало было среди нас таких – сам «сидел» или «сидели» родные... Бытует, что штрафники просились именно к Рокоссовскому... Да, а сколько баек было про место его заключения – то Сибирь, то Колыма, то еще где-то, и везде кто-то видел его, чуть ли не вместе тачку катали... Верили мы ему как никому более. Знали, что любит солдат, ценит жизнь людей и не злоупотребляет штыковыми атаками на танки врага...».

В Большой Советской Энциклопедии говорится: родился Константин Константинович Рокоссовский 9 декабря 1896 г. в г. Великие Луки Псковской губернии в семье железнодорожника. Сам военачальник в автобиографии

*Тарасов Лев Львович (Сосногорск) – преподаватель истории, руководитель краеведческого объединения учащихся.

пишет: «Родился в г. Варшаве в 1896 году в рабочей семье. Отец – рабочий машинист на Риго-Орловской, а затем Варшавско-Венской железной дороге. Умер в 1905 году. Мать – работница на чулочной фабрике. Умерла в 1910 году». Уроженцем Польши считают его историк А.В. Антонов-Овсеенко (работа «Сталин и его время»), маршал А.В. Василевский (мемуары «Дело всей жизни»). Исследователи биографии маршала (Ю.А. Лубченков, И.И. Свистунов, В.И.Кардашев) отмечают факт рождения именно в Великих Луках, называя имена родителей: отец – Ксаверий Юзеф Рокоссовский, поляк, а мать – Антонина Овсянникова, русская, работавшая учительницей до переезда семьи в начале XX в. из Великих Лук в Варшаву, входившую тогда в состав Российской империи. Рано оставшись без родителей, Константину пришлось ограничиться четырехклассным образованием и устроиться на работу – трудился в Варшаве каменотесом.

В 1914 г. ушел добровольцем на фронт Первой мировой войны, имел четыре награды за храбрость. А после 1917 г. в Красной Армии раскрывается полководческий талант: путь от командира эскадрона до командира дивизии корпуса, три ордена Красного Знамени, орден Ленина. Блестящая перспектива, но в 1937-м арест, пытки, обвинения в шпионаже в пользу Польши и Японии, поскольку жил в Польше и отец-поляк, а на Дальнем Востоке служил. В источниках, включая мемуары «Солдатский долг», нет сведений о местонахождении Рокоссовского после ареста. В автобиографии от 4 апреля 1940 г. коротко: «С августа 1937 г. по март 1940 г. находился под следствием в органах НКВД. Освобожден в связи с прекращением дела». Немного полнее у А.В. Антонова-Овсеенко в книге «Сталин и его время»: «Зимой 1939 г. командира корпуса Константина Рокоссовского перевели в Бутырскую тюрьму. Рокоссовскому со следователем повезло. Ему, уроженцу Польши, могли «пришить» шпионаж и расстрелять, а его всего-навсего отправили в лагерь. Он угодил в Княж-Погост, севернее Котласа, откуда его освободили в 1940 году».

Обычно этапируют в лагеря после вынесения приговора. Скорее всего, так было и с Рокоссовским. Неясно, где он находился с момента ареста в 1937 г. до начала 1939 г.? С этапом в Княжпогост Коми АССР связано воспоминание Г.С. Седьковой – последнего очевидца, помнящего Рокоссовского-заклученного.

«Сколько я этих этапов перевидала! И в Лялях, пока училась в школе и жила с родителями, и в Княжпогосте, где в 1941 году пошла учиться на железнодорожника, и потом, когда работала на станциях дежурной, поездным диспетчером. А в Лялях до 1937 года был лагпункт на противоположном берегу Выми. Обычно от Котласа до села Усть-Вымь (пристани Вогвазино) везли по Вычегде на баржах. Там был перевалочный пункт,

оттуда дальше, в Княжпогост, отправляли или тем же водным путем, уже по Выми, или по сухопутному тракту. Километров 55 будет пешком, миновать нашу деревню Ляли никак не могли. Это потом уже, в 1940-м, когда была построена железная дорога от Котласа до Княжпогоста, Усть-Вымь и Ляли остались в стороне..

Одним из этапов в середине июля 1939 года привели в деревню заключенных. Колхозники работали в поле – стоговали сено в шести километрах. А мы, несколько девчонок, прибежали в деревню пораньше. Я подошла к своему дому с граблями и вилами. Вижу, на земле лежат, спят люди – грязные, худые, а на крыльце сидят конвоиры с винтовками. Испугалась их, а они подозвали, спросили: «Зачем пришла?» Отвечаю: «Я здесь живу». Пропустили. Через час пришли родители. Мама разговорилась с охраной. Ей сказали, что привели 102 заключенных, да самих стрелков 9 человек. Двое суток без еды. Хорошо, что заключенные политические, не шумят, терпят. В Усть-Выми должны были пополнить запасы, но что-то напутали, и этап пошел без продовольствия. Мама сказала, что человек десять она сможет накормить. Тут стали подходить другие деревенские, тоже пообещали подсобить. Подошел и Иван Викентьевич Попов, по-коми его звали Вик-Вань, а прозвище было «герой» из-за участия в гражданской войне. Он любопытствует: «Что за люди?» И вдруг кто-то из заключенных в военных галифе, но без сапог, в ботинках, позвал его по имени-отчеству. Впился Попов взглядом в позвавшего, и вдруг бросился к нему: «Командир!» Обнялись, поцеловались. Конвой всполошился: «Стрелять будем!» Попов отвечает: «Меня застрелишь – пятерых «иванов» без отца оставишь. Посадят, как этих заключенных, и будешь так же валяться на земле». Конвой пытается отогнать его. Мама наша просит: «Пустите их сюда, на крыльцо, пусть поговорят». Тут и отец вмешался – выругался и поддержал маму: «Пусть поговорят. Никуда ваш осужденный не убежит». Конвой махнул рукой. Так и просидели однополчане на крыльце нашего дома. А мы – рядом. Слушали. Оказывается, тот военный был командиром Попова в гражданскую войну – Рокоссовским. Попов являлся ординарцем, за лошадьми ухаживал.

Иван Викентьевич попросил мою маму, Веру Ивановну, принести что-нибудь поесть для своего командира, о котором очень уважительно отзывался, и тот хорошо помнил своего бойца, раз по имени-отчеству позвал. Мама принесла пол-литра молока, кусок хлеба, сказав при этом, что много есть сразу нельзя. Потом досыта накормит. Подошел председатель нашего колхоза «Путь социализма» Алексей Николаевич Каракчиев. Ему уже доложили, что этап пришел голодный. Велел сельчанам сходить за картошкой на склад. Принесли ведер пять, тут же развели костер, стали варить. ДЕРЕ-

венские женщины несут молоко, хлеб. Потом зарезали колхозного бычка, сварили суп.

Ночевали осужденные в Лялях, около заброшенной часовни, но самого Рокоссовского отвели в часовню. Может, особую честь оказали, видя отношение к нему жителей, а, может, беспокоились, что Вик-Вань надумает его укрыть – тайга рядом. Мама принесла в часовню одеяло, чтобы ночью не замерз. В фуфайке, которая была у Рокоссовского, особо не обогрешься. А в полдень следующего дня всех перевезли на другой берег и повели в Княжпогост дальше. Через две недели оттуда пришла весть Попову: Рокоссовский работает истопником в бане. Иван Викентьевич постоянно приезжал к своему командиру, приносил передачи. Не могу с уверенностью сказать, в ведомстве какого лагеря он числился – Устьвымлага или Северного железнодорожного. В марте 1940 года (Седьякова настаивает на этой дате – Л.Т.) пошел Иван Викентьевич в Княжпогост и узнал, что Рокоссовский переведен. Куда – неизвестно. Но в конце апреля 1940-го получили Поповы из Москвы посылки – в двух упаковках были брюки для Ивана Викентьевича, юбка для его жены Павлы Петровны, гостинцы детям – их действительно пятеро было: Иван (он на фронте потом погибнет), Илья, Николай, Альберт, Володя. В письме передавался привет и моим родителям».

Неплохим было хозяйство «Путь социализма», организованное в 1929 г. Выращивали яровую пшеницу, ячмень, овес, лен. Содержали стадо коров, а в личных хозяйствах – своя скотина, огороды, даже табак выращивали предприимчивые ляльцы. Попади этап в другую деревню – полуголодную (каких было немало в годы колхозного строительства), не было бы, возможно, такого хлебосольного приема. Конвоиры не пошли на обострение конфликта с И.В.Поповым и, соответственно, с его земляками, так как часто пользовались гостеприимством сельчан – поесть, выпить, помыться в бане. Не будем скрывать и очевидное: иногда местные охотники помогали охране в поисках беглецов в тайге. Разногласия бывали обычно на уровне руководителей колхозов и лагерей по поводу отбираемых у колхозов угодий.

Княжпогост, Княжеский Погост – село на берегу вычегодского притока Вымь, известное по Жалованной грамоте великого князя Московского Ивана Третьего. Едва ли он получил бы известность за пределами Коми, если бы не ГУЛАГ, рождение которого на наших землях в начале 1930-х гг. связано с Ухто-Печорскими лагерями (Ухтпечлаг). Сначала на спецпоселение в окрестности пригнали крестьян с семьями, включая детей, – живите, кулаки, выживете – ваше счастье. Потом в 1936 г. рядом с селом возникает поселок строителей с названием Железнодорожный (с 1985 г. – г. Емва), но и в официальной, и неофициальной обстановке чаще будут фигурировать насе-

ленный пункт и железнодорожная станция под старым названием – Княжпогост.

А.И.Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» писал: «Княжпогостский пересыльный пункт составил из шалашей, утвержденных на болоте. Каркас из жердей охватывался рваной брезентовой палаткой, не доходящей до земли. Внутри шалаша двойные нары из жердей же, в проходе – жердевой настил. Через настил хлопала жидкая грязь. В разных местах зоны переходы тоже шли по хлипким жердочкам, и люди там и сям сваливались в воду и мокрядь. Кормили всегда затирухой из крупяной сечки и рыбных костей». В 1938 г., еще до прихода этапа с Рокоссовским, Ухтпечлаг распался на отдельные лагеря и Княжпогост стал центром Северных железнодорожных лагерей (Севжелдорлаг) с лагпунктами, разбросанными по 1200-километровой длине от Котласа до Воркуты, да еще 370 км от Котласа на запад – до станции Коноша на магистрали «Москва – Архангельск». В Княжпогосте идет процесс обустройства. Здесь располагались Управление лагеря, Комендантский отдельный лагерный пункт (ОЛП), дивизион охраны, железнодорожный полк НКВД, авиационное подразделение, лагпункт № 10, ОЛП сельхоза «Центральный», автобаза, строительно-монтажное отделение и т.д. Был создан даже свой крепостной театр из заключенных-артистов. Естественно, была и баня с прачечной, где и работал Рокоссовский.

Кто только не побывал в Княжпогосте в 1930–1940-е гг.! Люди всех профессий, национальностей, возрастов. Будущие лауреаты Государственной премии, Герои Социалистического Труда и Герои Советского Союза. Были и коллеги К.К.Рокоссовского – военачальники: С.Н.Богомяков, И.С.Терехов, А.А.Шапоровалов, Г.Х.Эйхе, Н.В.Лисовский (вот кому вдвойне было обидно, ведь в гражданскую войну Лисовский здесь, на Севере, воевал за установление Советской власти, командуя войсками Пинего-Печорского края). Бывший начальник Военно-Воздушной Академии им. Жуковского, начальник Управления военно-учебными заведениями РККА комкор А.И.Тодорский, награжденный четырьмя орденами Красного Знамени, прибыл из Котласа примерно в одно время с Рокоссовским – в августе 1939 г. Но Александра Ивановича направили дальше Княжпогоста – на территорию нынешнего Сосногорского района строить трассу Чибью (Ухта) – Крутая, которая считалась гибельной. Там спас его от смерти Илья Николаевич Тарасов. Тарасов родился в 1914 г. в Тверской губернии, как и Тодорский, в 1934-м закончил медтехникум в Ленинграде, а на следующий год получил 10 лет по статье 58-10 за «антисоветскую пропаганду». Будучи этапированным в Коми работал фельдшером на строительстве тракта к Крутянскому газовому месторождению. После реабилитации, оставшись в Сосногорском районе с семьей, – санитарным врачом. Умер в 1998 г., успев оставить свое воспоми-

вание: «Дали Тодорскому 15 лет лишения свободы. После московских тюрем привезли вместе с другими в Котлас (не одновременно ли с Рокоссовским? – Л.Т.), а оттуда в Ухтижемлаг, на 36-й км строившейся дороги. Он страшно был истощен, но держался молодцом. Слабости старался не показывать. Я попросил начальника освободить Тодорского от общих, т.е. самых тяжелых, работ и направить ко мне санитаром, как раз в это время у меня не было помощника. Начальник разрешил. Александр Иванович стал поправляться. А тут началась война с Финляндией, Тодорский просился на фронт, все же имел боевой опыт – был комкором, по-нашему, генерал-лейтенант. Так что ему ответили? «Нет комкора Тодорского, есть зека Тодорский». Вот из-за этого страна и проигрывала сражения. Некому было командовать – всех крупных и средних командиров пересажали, расстреляли. Весной 1940-го А.И.Тодорского отправили в лагпункт под Ухтой – в Ветлосян. Там он работал в столярной мастерской. Знаю, затем был этапирован в Сибирь. Зачем только с места на место гоняли, ведь это лишняя работа даже для самих ГУЛАГовских начальников? После смерти Сталина Тодорский добился реабилитации одним из первых – в 1955 году. Руководил комиссией по пересмотру дел репрессированных».

Такое отступление мы сделали недаром. Во-первых, есть общее в судьбах двух военачальников: оба боевые командиры, имели по четыре ордена, возраст примерно одинаковый (Тодорский лишь на два года старше), оба отвергли ложные обвинения и сумели избежать казни. Тодорский, как отмечено в его «деле», даже обвинил высшее руководство в развязывании террора против собственного народа: «Нынешняя обстановка напоминает времена Ивана Грозного, когда исчезали один за другим бояре». Говорил, что страх нагоняется до третьего поколения. Скорее всего, и Рокоссовский в ходе «финской кампании» зимы 1939–1940 гг. просился на фронт, но получил свободу уже после «пирровой» победы, доказавшей ослабление мощи Красной Армии. Тодорский первым из военачальников раскрыл глаза общественности на массовость репрессий в отношении Красной Армии и Флота. Но, как потом выяснилось, число жертв оказалось еще страшнее...

Первым начальником Севжелдорлага был Семен Иванович Шемена, ставший генерал-майором в 1943 г. Он многое сделал для наведения порядка в своем ведомстве и даже по отзывам заключенных характеризуется с положительной стороны. У нас нет сведений (и едва ли у кого-либо они будут), принял ли участие Шемена в трудоустройстве Рокоссовского на привилегированную работу банщиком, что освобождало человека от изнуряющей каторги на лесоповале или на строительстве трассы. Но кто-то ведь принял участие. Обычно такие места занимали «блатные» – уголовники, представляя другим, особенно «политическим» по ст. 58 УК РСФСР (по этой

статье проходил и Рокоссовский), валить лес, катать тачки, таскать тяжелые носилки и умирать от голода, холода, болезней... Доброхоты были, конечно, и среди самих заключенных. Вспомним хоть рассказ И.Н.Тарасова про помощь комкору Тодорскому. Аналогичный случай был и в системе Устьвымлага, когда спасли жизнь жене председателя ВЦИК, Верховного Совета СССР М.И.Калинина, устроив ее стирать белье, а не трудиться на «общих» работах.

Может возникнуть вопрос: почему пришли к выводу, что Рокоссовский был направлен именно в Севжелдорлаг, а не в Устьвымлаг, также имевшем в Княжпогосте лагерное отделение, тем более, что Г.С. Седьякова не может с уверенностью утверждать что-либо на этот счет? Убедительно ли будет, если скажем, что военачальник такого ранга, четырежды орденоносец, в случае прикрепления к Устьвымлагу обязательно должен быть поближе к центру Устьвымлага – в с. Вожаель, чтобы держать его под особым контролем – мало ли что может произойти, а вдруг им поинтересуются из Москвы или сильные покровители вызволят из неволи. Были же такие случаи, например, с академиком П.Ф.Здродовским, ведущими геологами Ухтпечлага И.Н.Стрижовым и Н.Н.Тихоновичем. Логическим пояснением нахождения Рокоссовского именно в Севжелдорлаге послужит дальнейший материал.

Казалось бы, все ясно: и Седьякова (а потом мы встретились еще с одним уроженцем Ляли, подтвердившим изложенное – Ангелиной Николаевной Поповой, по мужу Бойчук), и исследователь А.В.Антонов-Овсеенко, говоря о пребывании Рокоссовского в Коми, упоминают только Княжпогост, откуда он вышел на свободу. Но не так все просто. Быть в одной «связке» с полководцем пожелали и другие населенные пункты...

27 января 1961 г. на Северном флоте затонула советская подводная лодка. Будучи заместителем министра обороны СССР и главным инспектором этого министерства, маршал Рокоссовский вылетает на Кольский полуостров для выяснения причин аварии. Государственная комиссия вынесла свое заключение, и обратно в Москву маршал возвращается... через Воркуту. Крюк немалый. В сопровождении 1-го секретаря Воркутинского горкома КПСС А.А. Попова и председателя горисполкома Е.Г. Разварина военачальник осматривает достопримечательности и заключает: «Да, Воркута изменилась с тех пор». Сын тогдашнего лидера воркутинских коммунистов А.Попов, рассказывая про этот визит, относит выражение «с тех пор» к довоенному периоду, не уточняя год. Далее он поясняет, что отец и потом уже в Москве не раз встречался с Рокоссовским и вел с ним беседы о заполярном городе, который так интересовал собеседника. Воркутинцы связывают появление в их городе будущего маршала с 1940 г. Народная молва не обделила вниманием такую выдающуюся личность. Что, дескать, когда его освобождали, то потребовали сдать все банные принадлежности и высти-

ранное белье, иначе «век свободы не видать», а в ответ услышали: «Я не полечу в Москву, пока вы мне не вернете генеральскую форму». И будто бы эту форму доставили из самой Москвы, так как генеральских чинов в Воркуте среди сотрудников лагеря не было, после чего охрана выстроилась, отдавая честь уезжавшему генералу. Конечно, к этим слухам не стоит относиться серьезно: станет заключенный, не зная, что его ждет в Москве, требовать для себя генеральскую форму, а начальник лагеря, получив приказ свыше об отправке именитого заключенного в Москву, ставить условия о сдаче банных тазиков. За подобное своеволие можно потерять не только погоны. Полно слухов о том, что у Рокоссовского на фронте целые дивизии были скомплектованы только из «зеков», что, естественно, также не достоверно.

Интересный сюжет опубликовал научный сотрудник Воркутинского музея. Ссылка делается на источник информации – бывшую заключенную А.А.Куусинен (жена бывшего руководителя финских коммунистов). Суть в следующем. Рокоссовский в Воркуте был денщиком у конвоира по фамилии Бучко, которому после освобождения прислал лаконичное письмо: «Гражданин начальник! Меня сделали генералом армии. Пайка здесь приличная. Ваш бывший денщик Рокоссовский». Мог ли иметь какой-то конвоир своего денщика, да еще в таком звании, пусть даже и осужденный? Не по Сеньке шапка. Реальнее, что Рокоссовский был банщиком. С этой «профессией» его связывают и в Княжпогосте, и в Воркуте, об этом говорят Седькова, воркутинец А.А.Попов, народная молва. Находит это подтверждение и в книге В.С.Гроссмана «Жизнь и судьба», где есть эпизод: «Мне сегодня Митрич, у которого я гостевал, рассказывал, как Рокоссовского прямо из лагеря в командармы произвели: стоял в барачной умывалке и портянки стирал, а за ним бегут: скорей! Ну, думает, портянок достирать не дали, а его накануне допрашивал один начальник и малость помял. А тут его на «дуглас» (самолет – Л.Т.) – и прямо в Кремль». Труд «банщика» – это любая работа, связанная с баней, прачечной: топить печь, делать уборку, принимать и стирать белье, выдавать чистое. И то, что Рокоссовский стирал портянки, согласуется с вышесказанным...

По железной дороге отъездом от Воркуты к югу – в соседний Интинский район, на станцию Кожим. По легенде, бытовавшей в пос. Кожим-рудник, Рокоссовский какое-то время пребывал на участке с названием Шпалорезка, от которой до наших дней дошли пеньки от елей, срезанных на шпалы. Неподалеку находятся каменоломни, где заключенные разбивали камень для опор строившегося тогда Кожимского железнодорожного моста Северо-Печорской магистрали. Что делал там бывший комкор – будущий маршал Константин Рокоссовский: превращал елки в палки шпал или, может, восстанавливал навыки отрочества, когда трудился каменотесом в Варшаве?

Возможен ли такой маршрут: Княжпогост, что на 1368-м километре магистрали «Москва – Воркута», затем за 600 км к северу Кожим, еще за 300 км Воркута? Объяснение одно: заключенный находился в Севжелдорлаге, в ведении которого была тысячекилометровая магистраль со всеми расположенными там лагпунктами-станциями, поэтому переброска от Княжпогоста – столицы лагеря – на любую станцию не исключена. Тем более, в 1940 г., когда отдельные участки магистрали уже пущены в эксплуатацию, а там, где дорога еще строилась, существовали параллельные грунтовые тракты, по ним можно было гнать этапы. Этот факт отмечали многие очевидцы.

Разделение Северных железнодорожных лагерей на два самостоятельных участка произойдет летом 1940 г., уже после освобождения Рокоссовского. А пока Княжпогост является сердцем этого монстра. Естественно, что отправка затребованного Москвой военачальника такого ранга последует не из периферийной Воркуты, а из административного центра лагеря. Возможно, и на упоминавшемся Гроссманом «дугласе» – сначала из Воркуты в Княжпогост, а **оттуда** (вспомним слова Антонова-Овсеенко) в Москву.

На вопрос: «Упомянул ли о Воркуте Рокоссовский при разговоре в Лялях со своим ординарцем?» – Седьякова ответила: «Разговор шел на нашем крыльце, а я ведь уже была старшекласницей и многое понимала, да и не раз еще между собой в деревне обсуждали эту встречу, беседу Попова со своим командиром. Насколько помню, Рокоссовский говорил, что срок дали 10 лет лагерей. Что сначала отправили через Вологду в Архангельск, дальше должны были поплыть морским путем до устья то ли Оби, то ли Печоры, а оттуда в Воркуту. Но потом из Архангельска перевезли в Котлас, затем к нам. Попов, посещавший Рокоссовского в Княжпогосте, про его отправку дальше – в Воркуту – речи не вел».

Может быть, Попов не делился этой информацией с сельчанами, остерегаясь, что за разглашение будут последствия такими, что, выражаясь его же словами, «пятерых иванов оставит без отца»? Допускаем и такое: просто сам не знал – не имел с заключенным свидания на определенном промежутке времени.

В апреле 1940 г. военачальник, уже освобожденный, находится на лечении в Сочи (с этого и начинаются его мемуары «Солдатский долг»). Тюрьмы и лагеря ГУЛАГа в Коми не прошли бесследно. Затем в звании генерал-майора направляется в поход в Бессарабию (Молдавию). Кстати, этапы из этого южного края в том же 1940 г. проследовали через Ляли. Гнали их на Сереговские солеварни, известковый завод, на заготовку дров, погрузку барж. Очевидцы, среди них и Седьякова, говорили, что очень сильно люди страдали от непривычных холодов, от голода тоже. Что-то продавали из

вещей, и тихо-тихо умирали, хотя местные жители и старались поддерживать бедолаг. Но есть ли вина Рокоссовского в этой трагедии народа?

Потом началась большая война, прославившая Рокоссовского как наиболее талантливого полководца в истории. И снова предстояли встречи с жителями земли Коми, в том числе и с заключенными лагерей, но уже в ином качестве – Полководца, Маршала Советского Союза, Дважды Героя Советского Союза.

Боевой путь К.К.Рокоссовского изложен во многих публикациях. Антонов-Овсеенко, сам перенесший испытания в Печорских лагерях, пишет, что тюремные переживания остались с Рокоссовским навсегда. От пребывания в заключении утвердилось отвращение к хамству, методам деятельности НКВД и сочувствие к согражданам, лишенным элементарных прав. Свое отношение к ним полководец выразил в мемуарах «Солдатский долг»: «Жизнь убедила меня, что можно верить даже тем, кто в свое время по каким-то причинам допустил нарушение закона. Дайте такому человеку возможность искупить свою вину и увидите, что хорошее возьмет в нем верх, любовь к Родине, к своему народу, стремление во что бы то ни стало вернуть их доверие сделают его отважным бойцом». И так называемые «штрафники» платили ему взаимностью. Командующий пользовался исключительной популярностью в войсках, об этом рассказывали ветераны-фронтовики.

Через военкоматы Коми АССР на защиту страны ушли свыше 170 тыс. чел., среди них не только уроженцы Коми, но и оказавшиеся в нашем крае по разным причинам, в том числе из семей «кулаков» и более 100 тыс. бывших заключенных лагерей ГУЛАГа. Из семьи оренбургских «кулаков» – Н.Ф.Гущин, ушедший в 1942 г. добровольцем на фронт и ставший там Героем Советского Союза (погиб в 1944 г.). В один год с ним погиб, подорвав себя и врагов последней гранатой, Герой Советского Союза С.М.Черепанов – тоже из семьи спецпереселенцев-«кулаков». Герой Советского Союза Н.В.Оплеснин, погибший в 1942 г., – внук расстрелянного за православную веру священника. Недавно узнали о судьбе бывшего заключенного Печорлага Н.С.Бойкова. Родился в Белоруссии в 1920 г., по этапу направлен в Коми отбывать наказание, а в июле 1943 г. добился отправки на фронт. Рядовой 74-й стрелковой дивизии 13-й армии Центрального фронта (командующий Рокоссовский) Бойков за форсирование Днепра осенью 1943 г. удостоен звания Героя, но гибель помешала ему получить золотую Звезду. Заключенный Печорских железнодорожных лагерей И.М.Воротынцев ушел на войну в 1943 г. и в тот же год за подавление огневой точки противника был удостоен звания Героя Советского Союза. Ореховский Г.С. – полный кавалер орденов Славы, бывший «зек» Печорского лагеря – геройски погиб в 1944 г. при проведении операции «Багратион» по осво-

бождению Белоруссии. Один из организаторов этой операции, генерал армии К.К.Рокоссовский, за высокий полководческий талант получил в тот год погони Маршала Советского Союза.

Привели всего несколько примеров, когда героями стали те, кого безжалостный диктаторский режим причислял к «врагам народа». Конечно, не надо идеализировать всех заключенных. Были и враги, бандиты. Та же Г.С.Седьякова, работавшая в войну поездным диспетчером, стала свидетелем, как с одного из эшелонов с заключенными, следовавшими на фронт, повыскакивали на станции Седвож уголовники. Стали грабить торговую лавку, разобрали четыре ящика с косами-«литовками» и, пока ехали до Сосногорска, успели из них сделать себе подобие сабель, угрожая которыми отобрали в Сосногорске у дежурного милиционера наган. Имелись случаи грабежа бежавшими бандитами жителей деревень в районах Коми. Парадоксально, что этих насильников, воров власть считала «социально близкими» и противопоставляла «политическим»...

Неоднократно встречался с К.К.Рокоссовским генерал Дмитрий Георгиевич Дубровский – уроженец Коми, член Военного совета 61-й армии, которая на разных этапах войны входила в составы Брянского, Центрального, 1-го и 2-го Белорусского фронтов, которыми командовал Рокоссовский. Послужной список полковника в отставке Степана Ильича Турьева совпадает с Рокоссовским: бои на Дальнем Востоке, Забайкалье, КВЖД, Маньчжурии. А в годы Великой Отечественной войны Турьев – командир стрелковой дивизии. С генерал-полковником Вячеславом Александровичем Малышевым, уроженцем Сыктывкара, не мог не встречаться Рокоссовский, так как Малышев в годы войны возглавлял наркомат танковой промышленности. На разных должностях Министерства обороны трудились выходцы из Коми: фронтовики генерал-полковник А.И.Одинцов, генерал-майор А.И.Калинин, генерал-майор А.Н.Жилин, капитан 1-го ранга Г.И.Стрекалов. Наш земляк, ученый-историк Василий Геннадьевич Торопов, с ноября 1944 по октябрь 1945 г. работал шифровальщиком в штабе фронта у Рокоссовского и чуть ли не ежедневно доставлял ему сводки. Из рук Рокоссовского Торопов в День Победы получил орден Красной Звезды. О своем командующем он высказывается так: «Сдержан и уравновешен. У него выработаны твердые нормы, согласно которым командиру положено всем своим поведением, внешним видом, вплоть до мелочей, внушать войскам чувство спокойствия, ощущение хозяина положения. Ровен в любых обстоятельствах. Люди, встречавшиеся с ним, с трудом могли вспомнить случай, когда Рокоссовский выходил из себя, гневался. Строгая, благородная внешность, подтянутость, выражение лица – задумчивое, серьезное. Немногословен, прост в общении, человек исключительно высокой культуры». А 24 июня 1945 г. маршал

Рокоссовский командовал парадом Победы на Красной Площади. Прошли перед ним фронтовики-победители, среди них и танк экипажа лейтенанта М.Н.Шулепова, уроженца Коми АССР, а механиком-водителем этого танка был другой земляк – В.Я.Оботуров.

После Парада очередная ссылка, пусть и почетная. Полководца, овеянного народной любовью и славой, Сталин отправил в качестве министра обороны в Польшу, где отношение народа к политическому режиму в СССР было далеко не благоприятным, невзирая на то, что Красная Армия освободила эту страну от фашизма. На родине отца маршал стал мишенью нескольких покушений националистов, помнивших расстрел солдатами НКВД в 1940 г. в Катынском лесу польских военнослужащих и представителей интеллигенции, этапирование своих родных в советские концлагеря, на каторгу, в том числе и в Севжелдорлаг – в Коми, где сам Рокоссовский существовал на грани жизни и смерти. «Какая горькая судьба! – признавался Константин Константинович. – В России меня считают поляком, а в Польше – русским». Наверное, давая такую оценку своей судьбе, имел в виду и годы тюрем, этапов, в частности, в Коми. К.К.Рокоссовский скончался в 1968 г. в возрасте 72 лет.

Трудно представить число жертв Второй мировой войны, если бы жизнь такого талантливого военачальника прервалась по прихоти следователя НКВД, охранника, уголовника, которые хоть и жили на земле Коми, но не олицетворялись с народом нашей республики, отношение которого к вынужденным переселенцам, к «врагам народа» отличалось от пропагандируемого государственным аппаратом? Одним из примеров проявленного коми народом простого человеческого участия к опальным согражданам является случай в дер. Ляли, в которой всю войну с жадностью вслушивались в сводки Совинформбюро, радуясь победам **своего** полководца, особенно восторгался Вик-Вань, восклицая каждый раз: «Это мой командир!». Память о пребывании К.К.Рокоссовского в Лялях передавалась детям. Сейчас все они разъехались. И.В. Попов умер вскоре после войны – в 1947 г., его супруга скончалась в 1980 г. Один из пяти «иванов» Ивана Викентьевича и Павлы Петровны, Иван Иванович, погиб на фронте, а остальные четверо братьев перебрались к женам в другие населенные пункты.

Сейчас в деревне Ляли, что на правом берегу Выми, жизнь замерла, дома разрушаются. Только в одном сохранялся очаг – в доме бобыля Василия Степановича Седьякова (1928 г.р.), брата Галины Степановны. Разъехались потомки Поповых, Каракчиевых, Гамитиных, Седьяковых, основавших колхоз «Путь социализма» и помнивших бесконечные этапы, препровождаемые на «великие стройки сталинской пятилетки». Зато на противоположном берегу, где проходит современное шоссе из Сыктывкара на Княжпогост и Ухту, разросся поселок с одноименным названием.

Е. Н. Боле*

«ВРАЖДЕБНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ» МОБИЛИЗАЦИИ

Непосредственно во фронтовой обстановке Великой Отечественной войны, когда германские войска уверенными темпами продвигались на восток, командованием Красной (Советской) Армии были найдены действенные методы борьбы с дезертирами – изданы теперь уже широко известные приказы, преследовавшие цель предотвращения фактов дезертирства с поля боя путем создания штрафбатов и заградотрядов. Однако как явление, дезертирство (уклонение от службы в армии) проявилось еще в ходе мобилизации людских ресурсов на фронт. При проведении мобилизационных мероприятий выявлялись разнообразные по своей мотивации случаи уклонения от армии. К ним можно отнести религиозные (соблюдение христианских заповедей), социальные (беспокойство за семьи), психологические (страх смерти, неверие в победу). Разнообразными были формы протеста мобилизуемых – от вербальной (публичные высказывания гражданской позиции по отношению к войне как таковой и собственного участия в боевых действиях) до физической (во избежание мобилизации на фронт осуществление умышленного членовредительства, самоубийств). По фактам дезертирства или уклонения от мобилизации в годы Великой Отечественной войны (на материалах Коми АССР) можно судить об общественных настроениях и психологической готовности населения к защите Родины.

Дезертирство – умышленное самовольное оставление военнослужащим (военнообязанным при мобилизации) воинской части, либо неявка его в воинскую часть (к месту службы) с целью уклонения от военной службы [1]. С целью пресечения подобных случаев, принимались нормативные акты, направленные на укрепление дисциплины в армии. Приказом Наркома обороны СССР С.К. Тимошенко «Об уголовной ответственности за самовольные отлучки и дезертирство» от 8 июля 1940 г. был объявлен Указ Президиума Верховного совета СССР «Об изменении пунктов «а» – «г» ст. 193 Уголовного кодекса РСФСР». Согласно Указа, пункты «а» – «г» ст. 193 УК РСФСР излагались в следующей редакции: а) самовольная отлучка рядового и младшего начальствующего состава продолжительностью до двух часов, совершенная впервые, влечет за собой предание товарищескому суду или наказание в дисциплинарном порядке; б) самовольная отлучка, совершенная

*Боле Елена Николаевна (Сыктывкар) – член-корреспондент Академии военно-исторических наук, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

теми же лицами свыше одного раза до двух часов хотя бы один раз, влечет за собой предание суду военного трибунала с направлением в дисциплинарный батальон на срок от шести месяцев до двух лет; в) деяния, предусмотренные пунктом «б» настоящей статьи, совершенные в военное время, влекут за собой лишение свободы на срок от трех до семи лет; г) самовольная отлучка свыше суток признается дезертирством и влечет за собой лишение свободы на срок от пяти до десяти лет, а в военное время высшую меру наказания – расстрел с конфискацией имущества [2].

Соответствующие изменения были внесены в Уголовные кодексы союзных республик. Всем командирам и начальникам всех степеней в своей практической деятельности по насаждению советской воинской дисциплины строго приказывалось неуклонно руководствоваться объявляемым Указом Президиума Верховного Совета СССР. В документе говорилось: «Указ дает начальникам острое и действенное оружие по искоренению самовольных отлучек и дезертирства. Указ сделать достоянием всего личного состава частей, военно-учебных заведений и учреждений Красной Армии. Строго следить, чтобы не было ни одного красноармейца и младшего командира срочной службы и призванных из запаса, не знающих об уголовной ответственности, которая грозит за самовольные отлучки и дезертирство из части как в мирное, так и в военное время» [3].

Ценнейший материал по истории Великой Отечественной войны дают документы политотдела Военного комиссариата Коми АССР. Здесь сосредотачивалась информация со всех районных военкоматов республики, после обобщения которой она направлялась в вышестоящие органы. Все годы своей деятельности политотдел военкомата руководил политико-воспитательной работой среди личного состава всех районных и городских военкоматов, в пределах компетенции сотрудничал с партийными и комсомольскими организациями. К функциям политотделов военкоматов относилось и отслеживание фактов уклонения от воинского учета и призыва по мобилизации. Так, политотдел военкомата Коми АССР 24 октября 1942 г. издал директиву, в которой отмечалось: «Из предоставляемых райвоенкоматами политдонесений видно, что отдельные военкомы безответственно относятся к составлению этого важнейшего политического документа, а подчас отделяются просто отпиской... в результате чего отдельные важнейшие политические факты, имеющиеся в районе, не освещаются (дезертирство, членовредительство). Например, в Железнодорожном р-не имеется 29 случаев дезертирств, райвоенком обязан был охарактеризовать эти преступные факты, но он даже не подумал об этом» [4].

На местах одним из главных способов воспитания моральных качеств будущих воинов была проводимая среди населения политмассовая работа.

Она велась с военнообязанными как до, так и во время мобилизации партийными и военными органами. Заведующим военным отделом Коми обкома ВКП(б) Лодыгиным в докладе от 2 сентября 1941 г. отмечалось: «Военкомат Коми АССР недостаточно требует от райвоенкомов тщательного изучения каждого призываемого в Красную Армию, в результате вместо тщательной проверки политико-морального состояния каждого призываемого райвоенкомы ограничиваются лишь представлением НКВД списков отправляемых за 2 часа до отправки людей. Райвоенкомы и Сыктывкарский горвоенком недостаточно серьезно относятся к комплектованию командным и политсоставом по отправке команд до места предназначения военнообязанных». По мнению партийных структур, все это могло способствовать проникновению в армию «прямо враждебных элементов» [5]. Постановление бюро Коми обкома ВКП(б) «О проведении перерегистрации всех военнообязанных рядового и начальствующего состава запаса и призывников 1922–23 годов рождения» от 20.12.1941 г. обязало военкома Коми АССР, начальника политотдела военкомата Коми АССР и секретарей РК ВКП(б) обратить особое внимание на выявление уклоняющихся от призыва по мобилизации, тщательно проверять подлинность предъявляемых документов и правильность сообщаемых данных [6]. Результат не замедлил: в период проверки воинских документов у мужского населения по Железнодорожному району были задержаны четыре человека, работавших на производстве без специальных разрешительных документов на бронирование, они были немедленно направлены в Красную Армию [7].

В ходе отправки людей в Красную Армию, как говорилось в документах политотделов, «имелись единичные случаи аморальных поступков». Военнообязанный Макаров «сознательно не вставал на учет, чтобы избежать призыва в армию». Макаров был исключен из рядов ВКП(б), взят под стражу и привлечен к судебной ответственности. Военнообязанный Габов подал в призывную комиссию заявление о том, что в годы гражданской войны он служил в Белой армии. Председатель комиссии задал вопрос Габову «зачем вы это заявление подали», на что последний ответил: «Я слышал, что кто служил в Белой армии, тех в Красную Армию не берут». Военнообязанный Сорвачев подготовил сухари и лыжи, чтобы во время мобилизации «идти на охоту». Сорвачев был взят под стражу. Военнообязанный Суранов произвел подделку документа – заключение медкомиссии путем стирания приставок «не». Свой поступок Суранов признал. Как участник гражданской войны, по личной просьбе Суранов был направлен в Красную Армию, к уголовной ответственности не привлекался. В беседе Суранов заявил: «Я положил на себя черное пятно, обязуюсь его искупить на фронте по борьбе с немецкими оккупантами» [8].

Заведующий военным отделом Коми обкома ВКП(б) Лодыгин, давая инструкции о проведении перерегистрации военнообязанных с 25 декабря 1941 г. по 10 января 1942 г., особое внимание требовал обращать на выявление уклонявшихся от призыва по мобилизации и дезертиров. Соответственно, к дезертирам относили и военнообязанных граждан, которые уклонялись от призыва и не являлись в военкоматы на переосвидетельствование. В сомнительных случаях производилось расследование, фигурантов передавали суду военного трибунала. Лица, не явившихся в пятидневный срок на перерегистрацию и не представивших документы неявки по уважительным причинам, арестовывали и предавали суду дезертиров и уклонистов от мобилизации [9]. В результате проведенного в декабре 1942 г. переосвидетельствования по Прилузскому району Коми АССР в числе уклонявшихся от учета было выявлено три человека, один из них был признан годным к несению строевой службы, остальные – негодными. В их числе был гражданин Дымов, 1892 г.р., на военном учете не состоял. На переосвидетельствовании выяснилось, что он нигде не работал, отказывался ехать на лесозаготовки и считал себя больным. Комиссия дала ему направление в больницу на исследование и назначила в четырехдневный срок вернуться в райвоенкомат с результатами обследования. На исследование Дымов так и не поехал, а накануне явки в военкомат повесился у себя на квартире. Другой гражданин Худяев, 1899 г.р., нигде не состоял на учете. Врачебной комиссией был признан годным к несению строевой службы и позже был призван в РККА. За нарушение правил учета был оштрафован на 50 руб. Гражданин Можегов, 1905 г.р., проживал без документов о негодности к несению строевой службы. Врачебная комиссия подтвердила его негодность. Кроме того, был выявлен еще один уклонявшийся от воинского учета – гражданин Вертинский, по роду занятий представившийся как кочующий цыган. Он проживал без военного документа и по вызову на врачебную комиссию не явился. Материал на него был передан в органы НКВД для розыска и привлечения к ответственности [10]. По результатам перерегистрации в феврале 1942 г. по Коми республике за нарушение правил военного учета 20 чел. были подвергнуты денежному штрафу от 25 до 100 руб. Кроме этого, по Кожвинскому району в период перерегистрации было взыскано штрафов за нарушение правил учета более чем на 7 тыс. руб. [11].

Боязнь попасть в армию вынуждала прибегать к самым крайним мерам, от членовредительства до самоубийств. Так, призывник Сысольского района 1924 года рождения гражданин Чесноков, кандидат в члены ВКП(б), чтобы избежать призыва в армию отрубил себе палец левой руки. За преднамеренное членовредительство (как указано в документе) он был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу [12].

Отчетные документы военкоматов по вопросам наличия фактов уклонения от службы позволяют судить о том, что к концу Великой Отечественной войны военкоматами Коми «работа по морально-боевому воспитанию» была налажена. В отчете «Об итогах приписки граждан 1927 года рождения и о ходе подготовки к призыву» отмечалось: «Проведенная работа обеспечила хорошую и своевременную явку призывников. За время приписки не было ни одного аморального явления и уклонения от приписки» [13].

Гражданская вольность заканчивалась с момента получения повесток на мобилизацию. Обязанность соблюдения воинской дисциплины наступала уже на пунктах сбора. Однако в короткие сроки переориентироваться к соблюдению новых правил сугубо штатским людям было непросто. Мобилизованный Козлов во время следования из Сыктывкара, проезжая на пароходе мимо родной деревни на пристани с.Коквицы, сошел с него. На следующей пристани он на этот же пароход явился и начальнику команды доложил, что он ходил попрощаться с отцом и матерью и на лошади пароход догнал, т.е. на пристань приехал раньше, чем пароход. Тем не менее, этим поступком Козлов совершил самовольную отлучку, грубо нарушил воинскую дисциплину [14].

В целом, факты уклонения от мобилизации и дезертирства из армии в пути следования в войсковые части были единичными. Об этом свидетельствуют цифры. Так, с 10 июля по 12 сентября 1941 г. по Печорскому окружному военкомату было направлено в армию 1970 чел. Опозданий, отставаний (не вовремя явились) имели место всего пять случаев, дезертировали (вовсе не явились на отправные пункты) три человека [15].

По количественным параметрам среди молодежи (призывных возрастов) уклонение или отказы от службы в армии были меньше в сравнении с военнообязанными старших возрастов. Возможно, это связано и с тем, что меньшим было внимание к состоянию здоровья военнообязанных старших возрастов: именно среди этих категорий чаще были распространены случаи симуляции, не соответствовавших призыву в армию болезней. В июле 1941 г. призванный Наумов, беспартийный, в течение двух дней упорно настаивал, что у него болят уши и он ничего не слышит. После проверки медицинской комиссией Наумов был признан здоровым и годным к службе в Красной Армии. Материал о нем был передан прокуратуре г.Сыктывкара для расследования. Как симулировавший свою болезнь и пытавшийся уклониться от службы в армии Наумов был осужден и приговорен к восьми годам лишения свободы [16].

Годность к несению воинской службы определялась медицинскими комиссиями с особой жесткостью. По докладам администраций лагерей, в беседах между собой некоторые заключенные высказывали, что их в армию

зачислили неправильно, ссылаясь на болезнь и слабость здоровья. В документах зафиксированы случаи, что «заклученные договорились написать в военкомат, чтобы им сделали повторный медицинский осмотр и освободили от воинской службы совсем» [17].

По установленному в военное время порядку существовала цензура. К уголовной ответственности привлекались граждане за высказывания по отношению к сложившейся ситуации на фронтах, по формам и порядку проводимых на фронт мобилизаций. Этому во многом способствовало издание Президиумом Верховного СССР Указа от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». По данному Указу виновные в соответствующих действиях карались по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от двух до пяти лет [18]. Как отмечает исследователь Н.Д. Козлов, в годы Великой Отечественной войны регулированию и регламентации административно-правовыми мерами подвергалась и духовная сфера жизни народа, общественное сознание. Действия, многие из которых в мирное время заслуживали лишь морального осуждения, в условиях войны приобретали повышенную общественную опасность и подлежали суровому наказанию [19]. На две недели раньше вышеназванного Указа, Совет Народных комиссаров СССР издал постановление № 1750 от 25 июня 1941 г., в соответствии с которым все без исключения граждане СССР обязаны были в пятидневный срок сдать органам Наркомата связи во временное хранение (на время войны) радиоприемники всех без исключения типов назначения, как индивидуального, так и коллективного пользования. Использование радиоприемных установок коллективного слушания разрешалось только учреждениям, предприятиям, клубам, ленинским уголкам, общественным организациям и только в определенные часы. За неисполнение сроков постановления виновные несли уголовную ответственность. Суженное заседание СНК Коми АССР обязало председателей всех исполнительных комитетов советов депутатов трудящихся представить в двухдневный срок Наркомату связи необходимые складские помещения пригодные для обеспечения хранения принятой аппаратуры, а также обязало НКВД и НКГБ Коми АССР оказать содействие органам Наркомата связи в реализации постановления в указанный срок [20].

Полного сокрытия правдивой информации о ситуации на фронтах, предпринимаемое правительством подобными средствами, осуществить все же не удалось. Информация о превосходстве сил противника различными способами доходила и до глубокой периферии. В Усть-Куломском районе счетовод колхоза «Вильпоз» Напалков в конце августа 1941 г. среди колхозников, уезжавших в Красную Армию, агитировал: «что винтовкой

действовать против немцев не надо» [21]. Разумеется, его размышления, выраженные в слух о превосходстве технической оснащенности противника, повлекли обвинение по статье распространения ложных слухов. Другой пример, 29 августа 1942 г. в Летском районе заседала выездная сессия Верховного Суда Коми АССР, которая рассматривала уголовное дело по обвинению в проведении «контрреволюционной агитации, направленной на поражение Красной Армии немецко-фашистским захватчиком и покорение СССР фашистской Германией». Материалом предварительного судебного следствия было установлено, что подсудимый Белоусов в феврале 1942 г. «распространял среди мобилизованных разные провокационные и клеветнические измышления, призывал последних по прибытии на фронт сдаваться в плен фашистам. Одновременно с этим вел агитацию среди рабочих против выпуска государственных займов и вещевого лоторея. Во время подписки на заем и на лоторею призывал рабочих не подписываться, указывая при этом, что советская власть занимается обманом и этими займами уничтожает свой же народ, что лоторея никакой пользы не дает, тут же распространял клеветнические слухи о голоде и нищете советского народа». Белоусов, 1909 г/р, русский, грамотный, спецпереселенец из Воронежской области был признан виновным по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР и как «враг народа» и «агент фашистской Германии» подвергнут высшей мере наказания – расстрелу [22].

Неоднозначное отношение к мобилизации на фронт было и среди заключенных лагерей ГУЛАГа НКВД СССР. Многие из них восприняли мобилизацию на фронт как возможность реабилитации своего социального статуса в обществе, как обретение личной свободы. Заключенный Верхне-Човской ИТК Коурин, 1918 г/р., говорил: «Я еду в армию с желанием, это даст мне возможность снять судимость и восстановиться в комсомоле. После окончания войны мне не будет сестно, что я в военный период находился в заключении». Заключенный Изьюров, 1908 г/р.: «Иду в армию с большим желанием, в борьбе с фашизмом сниму с себя пятно и восстановлюсь в партии». Заключенный Севжелдорлага Волик: «Вы еще почитаете обо мне в газетах и увидите в списках Героев Советского Союза. Я этого добьюсь». Однако были прямо противоположные высказывания тех, кто отнеслись к уходу на фронт враждебно. В отчетах администрации ГУЛАГа о настроениях заключенных отмечалось, что среди большинства преобладали патриотические настроения и даже озлобленных или сломленных преследованиями людей не покидала тревога за судьбу Родины и только незначительная их часть надеялась получить свободу благодаря германскому оружию [23]. Конкретные примеры: заключенный Севжелдорлага Крагель высказался так: «Я согласен отбыть второй срок в лагере, чем идти в армию, наша отправка на фронт не спасет положение и Советский Союз все равно будет разбит, я

им не вояка». Отправка в армию Крагеля была отменена, сам же он был намечен к аресту [24]; заключенный Иванов, 1913 г/р., осужденный тройкой НКВД на пять лет по ст. СВЭ, заявил: «Пусть меня освобождают и посылают на фронт, я им навоюю. Мое дело только сидеть в лагере и то не работать». Иванов от призыва в армию был отведен [25]. Таким образом, находясь в местах лишения свободы, открытым выражением своего отношения к происходящему в стране, заключенные получали по второму сроку отбывания наказания, и тем самым избегали нежелательной для себя мобилизации на фронт.

Неверие в победу и связанная с этим боязнь гибели на фронте были характерны не только для заключенных. Аналогичное выступление имело место и среди гражданского населения. В частности, в с. Усть-Кулом учитель неполной средней школы Юдин «хвастливо заявил, мол я поеду в армию, чтобы помочь сдаче Москвы». За подобные выступления к уголовной ответственности он привлекался не в первый раз [26]. Призванный в ноябре 1942 г. военнообязанный Усть-Цилемского района, бывший работник ВОХР НКВД, разбронированный из спецучета с согласия командира дивизиона, как нарушавший систематически дисциплину в ВОХРе гражданин Баталкин, 1910 г.р., перед отправкой пришел на сборный пункт в выпившем виде, отказался ехать в армию, заявив райвоенкому: «Хоть режьте на месте, хоть дайте мне 10 лет, все равно не поеду». Баталкин был передан в НКВД для привлечения к уголовной ответственности.

Протестные высказывания по поводу мобилизации были и на религиозной почве. По данным переосвидетельствования по Ухтинскому РВК, в январе 1944 г. был зафиксирован случай на нефтешахте. Рабочий Иванов отказался от переосвидетельствования и говорил: «Я религиозный и верю только Богу. Мне переосвидетельствование не нужно. Я не хочу брать оружия против человека, это мне не позволит моя совесть» [27]. Он категорически отказался от мобилизации и был арестован через органы НКВД*.

Встречались отказы от мобилизации среди граждан, уже находившихся на отправных пунктах. Забота о семьях и родных, которых они оставляли в тылу, неосторожно оброненные фразы по этому поводу приводили порой к неожиданным последствиям. В Усть-Вымском районе гражданин Тырин

*Например, во время войны и по данным на 1948 г. в Воркутинском лагере находились 15 христиан-последователей Церкви Свидетелей Иеговы, одного из поздних течений в протестантизме, основанного Чарлзом Расселом. Вследствие некоторых особенностей это вероисповедание считается сектантским и еретическим движением как католиками и православными, так и ортодоксальными протестантскими конфессиями. Свидетели Иеговы выступают против государственных структур, несения воинской обязанности и др.

после определения его для отправки в РККА, когда команда была построена для отправки на санобработку, самовольно вышел из строя, заявил: «Пока не дадите денег за сплавные работы, в армию не пойду». Тырин был арестован и привлечен к ответственности. Аналогичное явление имело место в Сыктывдинском районе. Как записано в политдонесении, «кроме пьянки среди военнообязанных был случай уклонения от отправки в Красную Армию со стороны Кузиванова (Вьльгортский с/с). Последний так же был арестован и привлечен к ответственности по законам военного времени». «По законам военного времени» были вновь привлечены гражданин Вахнин, 1908 г/р., судимый по ст. 61 УК на 2 года, отбывавший срок наказания в Верхне-Човской ИТК и гражданин Подиков, 1910 г/р, судимый по ст.146 УК на 6 месяцев, которые вместе говорили: «Берут в армию и говорят, что мы свободны, а на самом деле держат под конвоем и не дают возможности увидеться с семьей» [28].

Небезынтересны настроения бытового характера. В августе 1942 г. инструктор всевобуча Сысольского РВК старший лейтенант Мальцев по вопросу о питании заявил: «Один выход есть отсюда, напиться пьяным, первый раз дадут 15 суток, второй раз под суд, а потом на фронт, а здесь при таком руководстве и питании сдохнешь». Мальцев был закреплен к закрытой столовой райпартактива, но и этим он остался не доволен, настаивал на закреплении всей его семьи к закрытой столовой. «Компетентные товарищи» провели с Мальцевым беседу и указали на его неправильные разговоры, что он не учел обстановки, в которой тогда жили. В политдонесении указывалось на то, что «райвоенком получил задание изучить, откуда, по какой причине Мальцев вел такие разговоры, тогда как он питался не хуже других командиров» [29].

Отметим, что дезертирство в ходе мобилизации людских ресурсов на фронт не было характерно для тылового региона как массовое явление, так как выявленные и изложенные факты все же единичны. Стремление избежать мобилизации на фронт было присуще отдельным гражданам, что в свою очередь подтверждает высокую сознательность, моральное воспитание граждан советского общества, и, безусловно, дает оценку бдительной работе соответствующих органов. Имевшие место случаи трусости, членовредительства, свободомыслия, расцененные по законам военного времени как дезертирство и уклонение от мобилизации в армию, никак не отменяют и не обесценивают героизм советского народа в период Великой Отечественной войны.

Литература и источники

1. Советская военная энциклопедия. – М.: Воениздат, 1977. – Т. 3. – С. 128.
2. Русский архив. Великая Отечественная. (Приказы Народного Комиссара Обороны СССР. 1937 – 21 июня 1941 г.). – М.: ТЕРРА, 1994. – Т. 13(2-1). – С. 154-155.
3. Там же.
4. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Хр. 2. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 6. Л. 423.
5. НАРК. Хр. 2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 833. Л. 72.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 22. Д. 1390. Л. 146-147.
7. НАРК. Хр.2. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 16. Л. 97об.
8. НАРК. Хр.2. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 7. Л. 16.
9. НАРК. Хр.2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 822. Л. 109-109об.
10. НАРК. Хр.2. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 11. Л. 12.
11. НАРК. Хр.2. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 7. Л. 8об.
12. НАРК. Хр.2. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 7. Л. 97об.
13. НАРК. Хр.2. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 15. Л. 15.
14. НАРК. Хр.2. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 2. Л. 65.
15. НАРК. Хр.2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 833. Л. 80.
16. НАРК. Хр.2. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 2. Л. 65, 72.
17. НАРК. Хр. 1. Ф. Р-605. Оп. 4. Д. 113. Л. 8.
18. Козлов Н. Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 г. – СПб., 1995. – С. 110.
19. Там же.
20. НАРК. Хр. 1. Ф. Р-605. Оп. 4. Д. 60. Л. 18, 20.
21. НАРК. Хр.2. Ф. 1. Оп. 3. Д. 822. Л. 39.
22. НАРК. Хр. 1. Ф. Р-605. Оп. 4. Д. 111. Л. 7.
23. Кузьмичев И.В. Штрафники // Сержант. – 2000. – № 14. – С. 25.
24. НАРК. Хр. 1. Ф. Р-605. Оп. 4. Д. 113. Л. 8.
25. НАРК. Хр. 1. Ф. Р-605. Оп. 4. Д. 113. Л. 8.
26. НАРК. Хр.2. Ф.1. Оп.3. Д.822. Л.39.
27. НАРК. Хр.2. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 16. Л. 52-53.
28. НАРК. Хр. 1. Ф. Р-605. Оп. 4. Д. 113. Л. 8.
29. НАРК. Хр.2. Ф. 2978. Оп. 3. Д. 6. Л. 304.

В. Н. Бубличенко*

**ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕТСКИХ
ТРУДОВЫХ КОЛОНИЙ НКВД ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА
РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Различные причины объективного и субъективного характера заставляют современных исследователей обращаться к проблемам Великой Отечественной войны. В научный оборот вводятся новые неизвестные или мало-доступные документы, что в свою очередь расширяет и формирует новую источниковую базу [1]. Появляется возможность более объективно и полно рассмотреть различные события войны, дать им более целостную характеристику. Современная историография Великой Отечественной войны, значительно расширившись по охвату поднимаемых проблем, пополнилась достаточно серьезными научными публикациями [2].

В то же время правомерно вести речь о недостаточной изученности ряда концептуально важных аспектов войны. Речь в данном случае может идти об организации и функционировании в этот период детских трудовых колоний НКВД, являвшихся по своей сути закрытыми учреждениями для перевоспитания малолетних правонарушителей. Среди исследователей преобладает изучение принудительного труда в исправительно-трудовых лагерях системы ГУЛАГа для взрослого контингента заключенных без отдельного рассмотрения учета трудовой деятельности несовершеннолетних [3]. Следует признать, что обе проблемы тесно связаны между собой, но в то же время их нельзя отождествлять.

Целью данной работы является анализ организации производственной деятельности детских трудовых колоний НКВД СССР, функционировавших на территории Европейского Севера страны в годы Великой Отечественной войны. Использование информации из Государственного архива Российской Федерации, Национального архива Республики Коми, а также архивов Архангельской области позволяет реализовать ее.

Начавшаяся война с фашистской Германией способствовала увеличению детей, оставшихся без родительского попечения. Доказательством такого положения служит анализ численности подростков, прошедших через детские приемники-распределители. Так, если с 1935 по 1940 г. общее количество таких подростков составило 73252 чел., то четвертый квартал 1943 г. и первый квартал 1944 г. позволили органам внутренних дел страны выявить

*Бубличенко Владимир Николаевич (Ухта) – кандидат исторических наук, преподаватель Ухтинского государственного технического университета.

наличие 109 433 беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних [4]. Причину данного положения официальные органы видели в увеличении сирот в результате войны. Подростки теряли отцов, уходивших сражаться на фронт, а матери отдавали все силы, работая на производстве в тылу, не в состоянии в полной мере заниматься воспитанием подрастающего поколения. Разумеется, часть безнадзорных детей училась в школах Наркомпроса, ремесленных училищах или школах ФЗО. Как справедливо отмечает историк И.С. Писаренко, государство, создавая комиссии по устройству детей-сирот и общественные инспекции по охране детства, тем самым принимало меры для обеспечения нормальных условий жизни, воспитания и обучения таких юношей и девушек [5].

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что отсутствие воспитательного воздействия со стороны родителей и не всегда оптимально поставленная работа в школах и ремесленных училищах способствовали увеличению преступности среди числа безнадзорных подростков. Рост безнадзорности и беспризорности среди несовершеннолетних приводит к увеличению их численности в детских закрытых учреждениях НКВД. Так, если в конце 1943 г. численность осужденных подростков в детских трудовых колониях составляла 18530 чел., то на протяжении следующего года этот показатель вырос до 33225 чел. [6].

К началу 1930-х гг. становилось ясно, что только воспитательно-педагогическими методами решить проблему подростковой преступности невозможно. Обеспечить трудовое перевоспитание правонарушителей трудовые дома были не в состоянии. Являясь по своей сути мелкокустарным производством, они формировали у воспитанников простейшие профессиональные навыки, не создавая условий для их социализации после отбытия наказания. Развитие промышленного производства в стране, необходимость в квалифицированных специалистах способствовали поиску новых форм в решении данной проблемы через подготовку из числа правонарушителей «индустриальных рабочих». Снижение официальных показателей количества заключенных в возрасте до 24 лет с 42,8% в 1926 г. до 34,7% в 1930 г. [7], общее недовольство подростков-правонарушителей существующей уголовной политикой и решимость руководства Главного Управления местами заключения идти на реформы способствовали реорганизации, начиная с 1930 г., трудовых домов в школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Подчиняясь Наркомату юстиции, они были открытыми, полукрытыми и закрытыми, дифференцированно организовывая процесс исправления различных категорий правонарушителей. Школы ФЗУ поддерживали связь с промышленными предприятиями, заключали договоры о подготовке квалифицированных рабочих, необходимых для производства специаль-

ностей, что не могло не сказаться положительно на результатах их деятельности.

Судебная практика после принятия постановления ЦИК и Совнаркома от 7 апреля 1935 г. значительно расширяла применение уголовного наказания в виде лишения свободы к подросткам, что приводит к необходимости создания учреждений нового типа. Изолировать большой контингент малолетних преступников школы ФЗУ были не в состоянии не только в силу их недостаточного количества, но и в связи с изменением возраста воспитанников. Обучать рабочим профессиям и готовить специалистов из детей 12-14-летнего возраста достаточно сложно. В связи с этим изоляторы, трудовые колонии и приемники-распределители подчиняются НКВД СССР, а подростков старше 14 лет направляют в школы ФЗУ или на промышленные и сельскохозяйственные предприятия [8]. После выхода из такого заведения воспитанники должны были владеть какой-нибудь профессией. «Всех подростков, – отмечалось в приказе НКВД № 0108 от 23 сентября 1937 г., – принятых в колонии для несовершеннолетних, на основе сталинской Конституции подготавливает в кратчайший срок к трудоустройству на предприятиях промышленности и сельского хозяйства путем привития им моральной устойчивости, трудовых навыков...» [9].

Таким образом, факты свидетельствуют, что в 1930-е гг. руководство страны постепенно склоняется к насильственным методам решения проблемы подростковой преступности. Важно учесть и то обстоятельство, что составной частью данной политики является организация трудового производства в закрытых учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей.

Фашистская агрессия ускоряет процесс эволюции системы детских трудовых колоний в пенитенциарной системе страны. Постановление Совнаркома СССР № 659 от 15 июня 1943 г. и приказ НКВД СССР № 0246 от 21 июня того же года, предусматривающие создание Отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (ОБДББ), увеличивают количество колоний для несовершеннолетних. На Европейском Севере страны создаются Белозерская, Шекснинская и Красавинская трудовые колонии в Вологодской области; в Коми АССР на базе одного из лагерных пунктов Ухтижемлага открывается Ухтинская детская трудовая колония. В дополнение к уже существующей Архангельской трудовой колонии «Конвейер» принимается решение о формировании на базе Емцовской ИТК для взрослых трудовой колонии для несовершеннолетних.

Таблица 1

Численность несовершеннолетних заключенных в детских трудовых колониях НКВД Европейского Севера России в 1943–1945 гг.

Регион	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Архангельская обл.	630	1292	726
Вологодская обл.	–	944	843
Коми АССР	312	441	429

Источник: ГА РФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 17. Л. 15об., 25об. 26об. Д. 38. Л. 11, 36, 37; ГУ РК «НАРК». «Архивохранилище № 1». Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 29. Л. 73. Д. 31. Л. 11. Д. 51. Л. 43; Архив информационного центра УВД по Архангельской области. Ф. 41. Оп. 1. Д. 11. Л. 4.

Как свидетельствуют данные табл. 1, создание новых закрытых учреждений для малолетних правонарушителей приводит к увеличению их численности в 1944 г. по колониям Архангельской области. Учитывая, что один из цехов колонии «Конвейер» еще с начала войны выпускал боеприпасы для нужд фронта, а основной профиль производства в Емцовской трудколонии предусматривал изготовление специальной тары, можно вести речь о создании двух взаимосвязанных между собой производств на территории Европейского Севера страны.

Следует отметить, что за первое полугодие 1944 г. детские колонии НКВД выпустили продукции на 52 млн. руб., изготовление боеприпасов при этом составило 105% от плановых показателей. В числе детских учреждений закрытого типа, достигших наибольших результатов была колония «Конвейер» Архангельской области [10]. Нельзя не учитывать то обстоятельство, что высокие показатели являлись следствием высокой эксплуатации детского труда со стороны руководства колониями. Исследовательница А.Ю. Горчева отмечает нередкие случаи гибели подростков при производстве боеприпасов [11]. В то же время привлечение несовершеннолетних к изготовлению стратегически важной продукции в условиях недостатка рабочих рук во время войны диктовалось объективными причинами.

Организация производства боеприпасов в детских закрытых учреждениях встречала ряд трудностей. Так, в ходе организации производства корпусов для минометных мин в трудколонии «Конвейер» к лету 1942 г. увеличилось количество брака, достигшее в общей сложности 50% [12]. Основной причиной такого положения стало нарушение технологического процесса при выпуске готовой продукции. В то же время план по металлообработке и выпуску сельхозпродукции за тот же период был выполнен.

Детские трудовые колонии, создаваемые на Европейском Севере, имели различную материально-производственную базу для создания благоприятных условий в организации своей производственной деятельности.

Белозерская колония, открытая на базе ремесленного училища к началу 1944 г., имела в своем распоряжении слесарно-механические мастерские, не обеспеченные в нужном количестве станками и тисками, что позволяло задействовать на изготовлении гвоздей, ручек и на других мелких работах только 50-70 воспитанников. Остальной же контингент несовершеннолетних, не занятых производственным трудом, нарушал дисциплину. Основной профиль производства, состоящий в подготовке токарей, слесарей, кузнецов и столяров, не выполнялся [13].

Аналогичные трудности испытывала и Ухтинская детская трудовая колония. На момент своего образования в августе 1943 г. для производственной деятельности она не имела мастерских. Оборудование производственных помещений для них потребовало дополнительного времени. Только в феврале-марте следующего года стало возможным запланировать охват производственным обучением 250 воспитанников, но крайнее истощение большинства из них не позволило добиться намеченного [14]. Ситуация изменяется к ноябрю 1944 г. К этому времени участие несовершеннолетних в производстве возрастает до 208 чел. в день, а среднеквартальный выпуск продукции на каждого работавшего достигает 195,7%. Отсутствие металла изменяет планируемый ассортимент. Выпускаются в основном изделия из дерева [15].

Таблица 2

План выпуска продукции по столярной и слесарно-механической мастерским Ухтинской детской трудовой колонии на 1945 г.

Наименование продукции	Количество, шт.	Разряд работ	Суммарная стоимость в отпускных ценах
Кресла детские	500	4	24,4
Стол� детские	200	4	13,6
Табуретки	500	3	9,5
Тумбочки прикроватные	300	4	18,5
Стол� простеночные	400	4	23,3
Комоды	75	4	23,9
Полки для книг	600	3	15,0
Стулья п/мягкие	400	4	21,6
Этажерки для книг	300	4/5	21,4
Вешалки настенные	1000	4	22,5
Чемоданы, сундуки	200	4/5	18,3
Игрушки разные	1200	3/4	8,2
Скобяные изделия	10720	3/5	130,7
Сельхозинвентарь	1400	3/4	14,0
Молотки разные	300	3/4	6,5

Источник: ГУ РК «НАРК». «Архивохранилище № 1». Ф. Р-298. Оп. 1. Д.5. Л. 45, 46.

Анализ планового задания для трудовой колонии, расположенной в г. Ухте на 1945 г. (табл. 2), позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, его реализация предусматривала наличие у воспитанников довольно высоких квалификационных навыков, находящихся на уровне не ниже третьего разряда. Следует отметить, что полностью добиться таких показателей в реальной обстановке не представлялось возможным в связи с отсутствием как необходимого количества мастеров производственного обучения, так и наличия соответствующего оборудования в мастерских. Инструмент для них, привезенный из Ухтинского лагеря в предшествующем году, вышел из строя. Столярные верстаки, сделанные как временные, являясь примитивными, не могли использоваться в дальнейшем. Не случайно, при проверке работы колонии в феврале 1945 г. отмечалось низкое качество изделий, производимых в ней [16]. Необходимо отметить, что через два месяца предусматривался ввод в строй переоборудованных учебно-производственных мастерских, снабженных деревообрабатывающими станками, что должно было повысить качество производимой продукции.

Во-вторых, обращает на себя внимание разнообразие ассортимента выпускаемой продукции. В первую очередь она должна была удовлетворять потребности местного региона и, прежде всего, лагерных подразделений Ухтокомбината. Часть мебели на сумму 180 тыс. руб. поставлялась Северо-Печорской железной дороге [17]. Очевидно, изделия колонии пользовались спросом и не оставались без реализации на ее складах.

Руководство НКВД разрабатывало перспективные планы развития Ухтинской трудовой колонии. Одно из распоряжений, подписанное 1 февраля 1945 г. предусматривало организацию на ее базе подготовку рабочих необходимых для Ухтинского комбината специальностей. В связи с этим предусматривалось комплектование колонии несовершеннолетними осужденными, проживавшими в средней полосе и северных районах со сроками заключения не менее 11,5 лет. Обеспечение дополнительных производственных помещений, организация мастерских, снабжение их инструментом и инженерно-техническим составом, а также строительство жилых помещений поручалось руководству Ухтокомбината [18]. Учитывая недостаток квалифицированных рабочих кадров и расширение производственных задач, встававших перед данным предприятием в этот период, решение руководства нельзя не признать своевременным и разумным. Но нельзя не принимать во внимание и то, что Ухтинская детская трудовая колония являлась нерентабельным учреждением. Ежегодные затраты только на капитальный ремонт бараков составляли до 70 тыс. руб., но не создавая при этом условия, благоприятные для проживания подростков. Польза же от трудового использования несовершеннолетних не могла покрыть расходы на их

содержание. В связи с этим принимается решение более целесообразное в данной ситуации о закрытии трудколонии в г. Ухта. В сентябре 1945 г. это решение выполняется [19].

Следует признать, что наиболее оптимальные условия для производственной деятельности были созданы в детских трудовых колониях Архангельской области. Емцовская трудколлония имела в своем распоряжении лесозавод с деревообрабатывающими станками и лесопильной рамой производительностью 50 куб. м в сутки, лесопильный цех, столярную мастерскую, кузницу, механический цех, газогенераторную установку и шпалорезку. Все оборудование позволяло выпускать 7,5 тыс. комплектов ящиков спецтары в месяц [20]. Основные производственные мощности Архангельской колонии «Конвейер» были созданы еще в довоенный период. Они включали в себя литейный, термический (открыт в 1942 г.), механический, инструментальный, деревообрабатывающий, кузнечный цеха, цеха заготовки и разделки древесины, а также силовую станцию. Стабилизация контингента воспитанников способствует улучшению их трудового использования. В августе 1943 г. из 573 несовершеннолетних, отбывающих наказание в колонии, на разных работах, не связанных с основной деятельностью, было задействовано 124 чел. Распределение остальных выглядело следующим образом: столярный цех – работали 199 чел.; в литейном – 22; механическом – 48; термическом – 63; слесарном – 27 чел. [21].

Повышение квалификации воспитанников колоний повышает их производительность труда. Успешное развитие производственного обучения среди несовершеннолетних в Архангельской колонии приводит к замене подростками взрослых рабочих. Одна из смен в цехе металлообработки полностью комплектуется из их числа, а изготовление запальных стаканов поточным методом производится только силами обученных подростков.

Производственная деятельность детских трудовых колоний на Европейском Севере страны в годы отражения фашистской агрессии носила целенаправленный, но противоречивый характер. Она не всегда достигала своей основной задачи и не могла в полной мере дать воспитанникам необходимую профессиональную квалификацию, вернуть их к полноценной жизни на свободе. Необходимость дополнительных капиталовложений для улучшения производственного обучения несовершеннолетних в колониях приводит к закрытию некоторых из них почти сразу же после окончания войны. Учреждения, имеющие развитую производственную базу, продолжают свою деятельность и в последующие годы.

Литература и источники

1. Оборона Керчи и Ростова-на-Дону (ноябрь-декабрь 1941 г.) // Известия ЦК КПСС. – 1991. – № 7. – С.193-209; Оборона Кавказа. 1942 год // Военно-исторический журнал. – 1992. – № 10. – С.11-18; Первые дни войны в документах // Военно-исторический журнал. – 1989. – № 5-9; Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1941 год. – М.: «Тerra», 1996. – Т. 16 (5-1); Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1942 год. – М.: «Тerra», 1996. – Т. 16 (5-2); Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. – М.: «Тerra», 1999. – Т. 16 (5-4); Сталинградская эпопея: материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. – М.: «Звонница МГ», 2000; Черкасов П.Г. Лето 1941-го. Между Гомелем и Брянском. (Записки младшего лейтенанта) // Отечественная история. – 2005. – № 2. – С. 27-42 и др.
2. Ломагин Н.А. Ленинград в блокаде. – М., 2005; Боле Е. Н., Сметанин А.Ф. Мобилизация людских ресурсов на фронт в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 (на материалах Коми АССР). – Сыктывкар, 2005; Лопуховский Л. Прохорова без грифа секретности. – М., 2006; Герасимова С.А. Первая Ржевско-Сычевская наступательная операция 1942 года (новый взгляд) // Вопросы истории. – 2005. – № 5. – С. 16-29; Захарченко А.В. Социально-бытовой аспект жизни рабочих авиационных заводов Поволжья в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. – 2005. – № 2. – С. 81-85 и др.
3. Бородкин Л.И., Эрц С. Никель в Заполярье: труд заключенных Норильлага // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. – М., 2005. – С. 197-238; Рогачев М. Б. Исправительно-трудовые лагеря Коми АССР в 1941–1945 гг. // Участие жителей Коми в войнах и вооруженных конфликтах XX в. – Сыктывкар, 2004. – С. 26-43 (Труды Коми отделения Академии военно-исторических наук; Вып. 2); Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919–1953 годы. – Архангельск, 2004 и др.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 35. Л.л. 2, 197.
5. Писаренко И.С. Советское школьное право во время Великой Отечественной войны // Образование и общество. – 2004. – № 4. – С. 9.
6. GARF. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 241. Л. 3.
7. Шестакова А.Ф. Принципы организации исправительно-трудовых учреждений для молодежи // От тюрьмы к воспитательным учреждениям. – М., 1934. – С. 333.
8. Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / Под ред. А.Н. Яковлева; Сост. С.С.Виленский и др. – М.: МФД, 2002. – С. 184.
9. GARF. Ф. Р- 9401. Оп. 1а. Д. 16. Л. 114.
10. Дети ГУЛАГа...С. 411-412.
11. Горчева А. Ю. Детские лагеря ОГПУ и НКВД и пресса // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 1993. – № 4. – С. 18.
12. Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области. (ГА АО. Отдел ДСПИ). Ф. 2394. Оп. 1. Д. 16. Л. 75.
13. GARF. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 23. Л. 232-234.
14. ГУРК «Национальный архив Республики Коми» (НА РК). «Архивохранилище №1». Ф. Р-298. Оп. 1. Д. 36. Л. 23об.

15. Там же. Д. 5. Л. 87
16. Там же. Д. 51. Л. 23об.
17. Там же. Л. 43об.
18. Дети ГУЛАГа... – С. 427.
19. ГА РФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 28. Л. 102-103.
20. Архив информационного центра УВД по Архангельской области (Архив ИЦ УВД по АО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.
21. Там же. Д. 20. Л. 8 об.

Игумен Александр (Карпиков) *

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Цель предлагаемого исследования – кратко ознакомить уважаемую аудиторию с малоизвестными и не часто публикуемыми страницами истории государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны, которые в свое время умышленно замалчивались. А в наше время, именуемое не иначе, как «эпоха равнодушия», данные факты редко вызывают интерес у широкой публики, ибо предлагают не «гламур» или скандалы из жизни современных нуворишей, а предлагают пищу для пытливого ума, чуткой души и любящего свою Родину и историю сердца.

Источником нижеизложенных фактов и цифр являются как печатные издания, так и периодика и архивные данные. В день летнего солнцестояния, когда силы Светила достигают своего апогея, Гитлер, следуя советам личных астрологов, двинул германские войска против ненавистной ему Советской России. Новоявленный «повелитель мира» презирал христианство, считая его религией слабых и безвольных и серьезно был увлечен так называемыми оккультными науками – изотерикой. Фюрер верил, что в мире существует некая безликая надменная сила, которую можно обуздать, подчинить и через это стать сверхчеловеком. Кроме того, глава нацистов считал себя «мессией», т.е. спасителем цивилизованного мира. И ради осуществления пресловутой «солнечной миссии», – (напомню, что свастика – это древнейший символ солнца) – миссии просвещения «огнем и мечом» варварского Востока, Гитлер обращался за помощью не только к высоким военным технологиям, но и к вульгарной магии.

Экспедиции в Индию, Египет и на Тибет ради поисков наследия Атлантиды, собиранье религиозных артефактов, (это чистая правда, а не фантазии Голливуда, что фашисты искали чашу Грааля и копье центуриона Лонгиниуса), создание специального института под эгидой СС изучающего «наследие предков», систематическое составление гороскопов и прочее и прочее – все, по мнению партийных бонз, должно было служить одной цели – расширению жизненного пространства на Восток...

Начало Великой Отечественной войны общеизвестно – 22 июня. Но в 1941 г. именно на это число пришелся день «Всех святых в земле Российской просиявших» – праздник наших благочестивых предков, покровителей

*Игумен Александр (Карпиков) (г. Гагарин, Смоленская область) – Благочинный Гагаринского округа, настоятель прихода церкви Вознесения Господня.

Руси – праздник, о котором вряд ли знали немецкие гадатели, подсказавшие Гитлеру эту роковую для 3-го Рейха дату. В мире нет ничего случайного, часто в малом внешне незначительном скрыт великий смысл и метафизический символ.

Таким образом, война внешне выглядевшая как конфликт двух тоталитарных идеологий, по сути, вылилась в беспощадную борьбу темного язычества, воскрешенного западными мистиками, борьбу с Христианством в лице Народа, стремившегося жить по Правде...

Реакция Русской Церкви на трагические события была мгновенной. Уже утром 22 июня Местоблюстителем Патриаршего Престола митрополитом Сергий (т.е. за 12 дней до официального обращения Сталина «к гражданам и гражданкам Советского Союза», где впервые из Кремля услышали от «отца народов» слова – братья и сестры) обратился посланием к пастве и пасомым.

Вот краткие цитаты: «Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона... Жалкие потомки врагов православного христианства еще раз пытаются поставить наш народ на колени... Но не в первый раз приходится русскому народу выдержать такие испытания... Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу своего народа. Не оставит она своего народа и теперь... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ Родины... Господь нам дарует победу!»

Идеологи нацизма были уверены, что начавшаяся война обострит противоречия между государством воинствующего атеизма и простыми верующими. Ведь борьба с религией в нашей стране тоже шла не на жизнь, а на смерть. Чтобы не быть голословным немного фактов и статистики: 1941 г. должен был стать в СССР завершающим годом пресловутой «безбожной пятилетки», когда должны были быть закрыты последние храмы.

Если на октябрь 1917 г. на территории России действовали около 77000 только православных молитвенных зданий, то к июню 1941 г. их осталось менее 1000.

Тираж атеистических изданий к началу войны достиг 140 млн. экз. Только в 1940 г. было проведено 239000 антирелигиозных лекций для аудитории в 11 млн. чел. И это, не считая сотен тысяч репрессированных активных мирян, монашествующих и священнослужителей. Естественно, что после такого «штурма небес» внешний враг мог рассчитывать, что поставленное вне закона духовенство и оскорбленные верующие как долгожданных освободителей будут встречать оккупантов.

Несмотря на относительную религиозную свободу на завоеванных землях и открывавшиеся немецкой администрацией церкви, священники и миряне не поддались, по слову митрополита Сергия, ни «лукавым сооб-

ражениям», ни «возможным выгодам». Сказывались вековые национальные и патриотические традиции Русского Православия, оказавшиеся сильнее обид и предрассудков.

Невзирая на духовную несвободу и гонения, верующие приняли самое активное участие в борьбе с агрессором. Слишком явна была для Церкви мистическая подоплека нацистской идеологии и заигрывание бесноватого фюрера с потусторонними демоническими силами...

Для Русской Православной Церкви в прямом, а не в переносном смысле эта война стала «Священной войной». Всего за военные годы Патриарший Местоблюститель обращался к верующим с патриотическими посланиями 24 раза. Сила убеждения и авторитет митрополита Сергия были столь велики, что по распоряжению Гитлера имя Предстоятеля Церкви было внесено в «расстрельный список» личных врагов вождя Германской нации, которые по взятии Москвы должны быть казнены одними из первых.

Но не только проповедями и молитвой о даровании Победы участвовала Русская Церковь в приближении 9 мая 1945 г. Хотя и это было важно для тех многих, кто искал моральную опору и утешение в потере близких, своеобразную психологическую нишу во время тяжелых испытаний и лишений военного лихолетья. Активно участвовали священнослужители в партизанском движении.

На оккупированной территории они подчас являлись единственным связующим звеном между населением и партизанами, а церкви местом оглашения сводок Информбюро. Священники укрывали отставших при отступлении красноармейцев, сбежавших из лагерей военнопленных, вели патриотическую агитацию среди прихожан, сами вступали в ряды антифашистских отрядов. По призыву церковного священноначалия собирались денежные средства для нужд обороны. Именно на эти пожертвования были созданы танковая колонна имени Димитрия Донского и воздушная Эскадрилья имени Александра Невского – прославленных русских святых. Всего за годы войны суммарная цифра взносов Церкви составила около 400 млн. руб., не считая драгоценностей, вещей и продуктов. Проявление патриотической деятельности было многообразным, к выше перечисленному можно добавить: помощь раненым бойцам, шефство над госпиталями, создание санитарных пунктов и участие в сооружении оборонительных укреплений, организация противоздушной обороны на местах и т.д. Личным примером духовенство Московской Патриархии призывало народ к мобилизации всех сил в помощь фронту и укреплению тыла. Сотни священнослужителей были награждены медалями и орденами Великой Отечественной войны.

Может создаться впечатление, что «религиозный ренессанс» был некой политической игрой, «революцией сверху», т.е. народ оставался в стороне от резкого поворота государства, от воинствующего безбожия и безродного космополитизма к национальным традициям и вере предков. Это не так. Храмы были переполнены, по инициативе солдат и военного командования на передовой священниками служились молебны и панихиды, «маршал победы» Георгий Жуков до конца войны возил в машине Казанскую икону Богородицы – и это не политическая конъюнктура. Только один пример (а их можно привести тысячи и тысячи). «...Мама, я вступил в партию, помолись за меня Богу...» – это цитата из солдатского письма. Воины Красной Армии без стеснения носили на груди образки, так называемый пояс «Живый в помощи».

Можно о духовной метаморфозе Советского Союза в военную годину сказать словами Екклесиаста – «все возвращается на круги своя».

С 1943 по 1953 г. было открыто более 14000 храмов (именно открыто, а не возвращено, ибо до сих пор церкви, в которых мы служим, являются государственной собственностью, и мы их только арендуем). Процесс духовного возрождения Русского народа, возвращения к национальным корням и традициям был остановлен во времена Хрущева. Тогда за два года с 1962 по 1964 г. – было насильственно закрыто более 7000 церквей. Об этой эпохе взаимоотношений Государства и Церкви митрополит Кирилл сказал: «Хрущевская оттепель для Церкви была страшнее Сталинских морозов – но это, как говорится, совсем, совсем иная история...»

Завершить краткий обзор служения Русской Православной Церкви во время Великой Отечественной войны хочется словами Христа-Спасителя, словами, которыми руководствуется наша Мать и Наставница – Святая Церковь – в тяжелые для Отечества времена:

«Нет больше той любви, кто и саму жизнь положит за друзей своих».

И для нас, христиан, не важно, что за власть сегодня на дворе. Хочется пожелать всем нам, чтобы и в личной жизни, совершая те или иные поступки, мы руководствовались принципами, мировоззрением, Верой, а не перемчивой модой, не стойким общественным мнением или – повторю митрополита Сергия – лукавыми соображениями и возможными выгодами...

Да хранит Господь нашу великую Родину и наш Многострадальный Народ.

А. А. Маслов*

«СЧИТАТЬ ПОГИБШИМИ В ВОЙНЕ»

Ряд военачальников минувшей войны, вошедший в число безвозвратных потерь, исключен из списков офицерского состава Вооруженных Сил СССР как погибшие в период войны. Однако в приказах об их исключении, как правило, не указаны конкретные обстоятельства, место и время гибели, так как они остаются неизвестными до настоящего времени. В связи с такой ситуацией, автором настоящей статьи получено было следующее разъяснение в Главном управлении подготовки и распределения кадров Минобороны России (ГУПРК, бывшее – ГУК МО СССР). Издание вышеуказанных приказов действительно не является полностью правомерным, так как имеющиеся в наличии сведения о смерти тех или иных генералов весьма противоречивы и лишь частично могут считаться доказательствами гибели таких лиц. Издание подобных приказов продиктовано было более моральными соображениями: уступая настоятельным просьбам родственников ряда генералов, значившихся пропавшими без вести, в Минобороны СССР нашли возможным исключить таких военачальников из списков пропавших без вести и включить в число погибших в период войны.

Подобные приказы издавались в послевоенные и даже в самые последние годы в отношении командира 12-го мехкорпуса Северо-Западного фронта Н.М. Шестопалова, начальника штаба 28-й армии Западного фронта П.Г. Егорова, командира 70-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта А.Е. Федюнина, командира 24-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта Т.К. Бацанова, заместителя командира 13-го мехкорпуса Западного фронта В.И. Иванова, командира 21-го танкового корпуса Юго-Западного фронта Г.И. Кузьмина, командира 17-й гвардейской стрелковой дивизии Калининского фронта А.Д. Березина, командиров 62-го стрелкового корпуса и 142-й стрелковой дивизии Калининского фронта И.П. Карманова, И.А. Копяка. Первых четырех из них теперь следует считать погибшими в 1941 г., остальных – в 1942 г.

Генерал-майор П.Г. Егоров первоначально исключен был из списков офицерского состава приказом ГУК НКО СССР № 0433 от 19 марта 1942 г. как пропавший без вести в августе 1941 г. [1]. После войны в ГУК МО СССР поступило сообщение от подполковника В.А. Чумака, в котором указывалось,

***Маслов Александр Алексеевич** (Сумская область, Украина) – член редколлегии «Журнала славянских военных исследований» / JSMS, член Союза журналистов Украины.

что он лично хоронил погибшего Егорова [2] в августе 1941 г. Тогда же в ГУК поступило и сообщение из военного комиссариата г.Рославля Смоленской области, в котором отмечалось, что найдены свидетели похорон Егорова. Тело убитого генерала было подобрано полицией и похоронено в поле в районе дер.Утехово под Рославлем. Там же указывалось, что установить местонахождение могилы не удалось, так как на том поле вырос лес [3]. В книге маршала Советского Союза А.И. Еременко также есть сведения о смерти Егорова: утверждается, что, по одним данным, генерал считается пропавшим без вести, по другим – был зверски умерщвлен в захваченном немцами полевом госпитале [4]. Приняв во внимание все вышеизложенные факты в приказ от 19 марта 1942 г., приказом ГУК МО СССР № 30 от 28 апреля 1967 г. внесено было следующее уточнение: «Генерал-майор Егоров П.Г., начальник штаба 28 армии исключается из списков офицерского состава как погибший 4 августа 1941 г.» [5]. Таким образом, точные обстоятельства смерти генерала в официальном приказе указаны не были.

Лишь в декабре 1941 г. штабом Ленинградского фронта в ГУК НКО было сообщено, что генерал-майор А.Е. Федюнин пропал без вести еще 15 июля 1941 г. в ходе боев под Новгородом [6]. На основании этих сведений Федюнин в апреле 1942 г. был исключен из списков офицерского состава как пропавший без вести [7]. Впоследствии на основании показаний свидетелей в определение судьбы генерала приказом ГУК № 47 от 31 июля 1959 г. внесено было уточнение: «Исключить из списков личного состава Вооруженных сил, как умершего от ран 21 августа 1941 г.» [8]. Свидетели указали, что видели раненного, умирающего Федюнина. Похоронен он был, по их словам, в братской могиле в дер.Жестяная Горка Батецкого района Новгородской области. Так, бывший офицер-связист 70 стрелковой дивизии А.Марченко письменно сообщил, что Федюнин был поражен пулей в затылок. Марченко не был очевидцем ранения генерала, но предполагает, что ввиду низкого уровня дисциплины в дивизии в те полные трагизма дни кто-то из своих мог предательски выстрелить в спину очень требовательному Федюнину.

Как пропавший без вести в сентябре 1941 г. при выходе из окружения под Киевом, значился, согласно приказу органов кадров армии № 01086 от 14 ноября 1942 г., генерал-майор Т.К. Бацанов [9]. Лишь 31 августа 1989 г. приказом Министра обороны СССР по личному составу № 199 на основании весьма сомнительных фактов в определении судьбы Бацанова внесено было уточнение: «Считать погибшим в 1941 г.» [10]. Основанием для этого послужило давнишнее донесение в ГУК МО СССР, еще в 1964 г., бывшего начальника штаба 24 стрелковой дивизии Г.Г. Скрипки о том, что Бацанов в

районе Пирятина раненый или убитый захвачен немцами [11]. Родственники генерала, в частности его дочь – ответственный работник бывшей центральной советской газеты «Правда», сделала очень многое, чтобы узнать обстоятельства гибели и место захоронения своего отца, которые, к большому сожалению, продолжают оставаться невыясненными.

Очень большая и крайне неприятная путаница, свидетельствующая о низком профессиональном уровне ответственных работников ГУПРК МО РФ, обнаружилась в официальных сведениях ГУПРК, опубликованных в Военно-историческом журнале (далее – «ВИЖ») в отношении генерал-майора танковых войск В.И. Иванова. Там указано, что генерал погиб в августе 1942 г. на Юго-Западном фронте [12]. Автором настоящей статьи установлено, что этого быть не могло, так как боевой путь Иванова обрывается в конце июля или начале августа 1941 г. на Западном фронте в ходе Смоленского сражения. Установить, когда точно и при каких обстоятельствах это произошло, к сожалению, не представляется возможным, но известно, что такая попытка, предпринятая группой ответственных работников ГУК МО СССР в марте 1965 г., накануне 20-летия Победы над фашизмом закончилась безрезультатно. В отчете о проделанной работе группы говорится: «Установить действительную судьбу генерал-майора танковых войск Иванова В.И. через ЦАМО СССР и сослуживцев не удалось» [13]. В отношении вышеуказанной ошибки в дате гибели Иванова следует сказать, что первоначально, в соответствии с приказом органов кадров Вооруженных сил от 12 августа 1942 г. № 0644, генерал считался пропавшим без вести. Когда он пропал без вести в том приказе не говорилось [14]. По всему, видимо, готовя официальные материалы для публикации в «ВИЖе», ответственные работники ГУПРК сочли за возможное поставить дату гибели Иванова – август 1942 г., т.е. ту, которая стояла в приказе об исключении его из списков личного состава армии как пропавшего без вести. Здесь следует сказать, что в подавляющем большинстве случаев, приказы ГУК об исключении высших офицеров из списков армии как пропавших без вести, в период войны издавались через много месяцев, а то и более чем через год после того, как военнослужащие пропадали без вести. В случае с Ивановым явная ошибка, так как он не мог быть исключен из списков армии как пропавший без вести – для издания такого приказа требовалось большое время для всестороннего уточнения истинной судьбы военнослужащего.

Приказом ГУК НКО № 01648 от 28 апреля 1944 г. исключен был из списков офицерского состава армии «как пропавший без вести в боях против немецко-фашистских войск в 1942 г.» командир 17-й гвардейской стрелковой дивизии Калининского фронта генерал-майор А.Д. Березин [15]. Приказом же ГУК МО СССР № 40 от 20 августа 1969 г. он исключен из армии как

погибший в 1942 г., основанием для этого послужил целый ряд новых фактов. Обратимся к некоторым документам, в которых указано на такие факты в отношении судьбы генерала. Прежде всего, представляют ценность материалы архива областного комитета КПСС Калининской (ныне Тверской) области. В свое время партийными органами этой области проводилось расследование обстоятельств смерти Березина. Приводим ниже первый документ: «Акт, 1966 года, август, 19-го дня, г.Белый. Мы, нижеподписавшиеся ветераны (119) 17 гвардейской, Духовщинской, ордена Красного Знамени, ордена Суворова, Хинганской стрелковой дивизии Чувашев Петр Никифорович, Ярыга Василий Трофимович, Рубцов Георгий Селиверстович, Максимов Николай Онуфриевич, Синкевич Иван Петрович составили настоящий акт в том, что 18 августа 1966 года, в присутствии первого секретаря Бельского райкома КПСС Калининской области тов. Розова Михаила Ивановича, председатель исполкома Демяховского сельского Совета депутатов трудящихся Бельского района Калининской области тов. Филиппченко Николай Иванович рассказал:

«В 1949 г. председателем Демяховского с/совета Бельского района работал Моторин Григорий Елиферович. В то время от вышестоящих организаций было приказание о перезахоронении солдат и офицеров из одиночных в братские могилы. В дер.Демяхи была выкопана братская могила, в которую мы перевозили останки солдат из одиночных могил. Севернее дер.Большое Клемятино есть местечко Выдра, которое подходит к опушке леса, а от опушки леса два километра вглубь леса было найдено две могилы. Из одной могилы мы наложили 14 гробов останков. Рядом была вторая одиночная могила, там стоял столбик, а на столбике сверху прикреплен пятиконечная звезда, сделанная из прутьев. От времени один угол звезды расплелся. Когда стали отрывать могилу, то в ней оказалась вода. Стали раскапывать больше, смотрим, всплыл угол плащ-палатки и когда полностью отрыли могилу, извлекли из нее труп, завернутый в военного образца плащ-палатку. Развернув палатку, в ней оказался еще не разложившийся труп. Рост средний, только глаза ввалились. На нем были шерстяные носки, брюки синего диагоналя с широкими генеральскими лампасами, защитная гимнастерка, петлицы были не такими, как у офицеров на гимнастерках, а как на шинелях – на углах воротника. Хорошо помню, что на петлицах никаких знаков отличия не было, а только по два прокола на каждой петлице. Череп головы лысый, волосы на черепе были только около ушей. Когда труп стали ложить в гроб, он не поместился. Мы привезли другой гроб, положили в него труп и перевезли в дер.Демяхи. Похоронили в братской могиле, в сторонке от общей. С Григорием Елиферовичем мы заключили, что перезахоронили какого-то генерала. Он потом, кажется, куда-то

звонил, ему вроде бы ответили, что по их данным в клемятинских лесах генералы не погибли. Так мы на этом и успокоились.

Весной 1943 г. член группы Чувашев Петр Никифорович лежал в армейском госпитале, с ним в одной палате лежали два партизана Мороговской бригады, которые ему говорили: Генерал-майор Березин два раза выводил из окружения солдат в июле 1942 г., а когда хотел выйти в третий раз, то в бою с немцами был убит в лесах, на территории Бельского района. Хоронили его наши партизаны Мороговского отряда, мы тоже принимали участие в похоронах.

По описаниям указанных лиц внешности и одежды, мы, знающие его лично утверждаем, что данное захоронение описанного трупа принадлежит генерал-майору тов. А. Д. Березину. Руководитель группы П. Чувашев, члены И. Сенкевич, В. Ярыга, Г. Рубцов, Н. Максимов*.

Заслуживает внимание еще одно свидетельство: письмо бывшего командира партизанского отряда В. П. Рощина бывшему комиссару 17-й гвардейской стрелковой дивизии Д. И. Шершину, датированное 1968 г. В нем, в частности, говорится: «Уважаемый Дмитрий Иванович! Понимаю Ваше беспокойство, переживаю вместе с Вами стремлением более точно установить детали и подробности гибели незабываемого нами нестигаемой воли Александра Дмитриевича. Несмотря на давность времени, наши встречи и совместные действия, которые пришлось вести, я припоминаю хорошо. В трагические дни июня 1942 г. связи партизанского отряда с частями армии серьезно нарушились. Припоминаю, что 39-я армия генерала Масленникова, 45-я армия Тарасова** и добрая половина 22-й армии генерала Юшкевича оказалась в окружении. Выход из окружения происходил по-всякому: подразделениями, группами и в одиночку. Через некоторое время после окружения генерал Березин дал знать, что он находится в лесах со значительным числом войск, которые подготовлены пробиться через линию фронта к своим частям, стоявшим с севера, и просил дать проводников, желательно местных жителей, знавших леса. Нами были откомандированы к частям генерала Березина, как припомню, трое партизан. Было сделано несколько попыток пробиться, но безуспешно, часть людей организованных на переход, после неудач разошлась по лесам разрозненными группами, помню, остался генерал-майор Урбанович, который выходил из окружения значительно позже. Но генералу Березину на третий день удалось с незначительной группой войск пробиться к своим. И самый трагический момент наступил уже позади линии фронта. Был произведен, как рассказали наши

*Стиль и орфография документа сохранены.

**В цитируемом здесь письме ошибка: 45 армия в описываемых событиях участия не принимала вообще.

ребята, массированный артиллерийский и минометный налет, бойцы залегли, просили это сделать и генерала, но Александр Дмитриевич выругался, вскричал, что на занятой немцами территории не согнулся, а здесь тем более и так трагически погиб генерал-майор Александр Дмитриевич Березин, командир 17-й гвардейской дивизии.

Уважаемый Дмитрий Иванович! Что генерал Березин А.Д. погиб в июне 1942 года – это факт, но к моему и Вашему большому огорчению я не могу назвать точное место, так как линия фронта не была стабильной, а были в то время наступления и отходы как наших частей, так и войск врага» [16].

Таким образом, генерал А.Д. Березин, как и многие его однополчане – солдаты и офицеры, в ходе тяжелых, изнурительных боев армий Калининского фронта в условиях окружения летом 1942 г. погиб при обстоятельствах, весьма далеких от полной ясности. Совершенно очевидно, что требуется еще не мало работы для установления истинной судьбы всех военачальников, чьи имена указаны в настоящем материале, хотя следует особо отметить, что наибольшую сложность представит работа по выяснению судеб генералов, на протяжении пятидесяти послевоенных лет значащихся пропавшими без вести.

Литература и источники

1. Из УПК генерал-майора П.Г. Егорова (ГУПРК).
2. Материалы входящих сообщений (Там же).
3. Там же.
4. Еременко А.И. В начале войны. – М.: Наука, 1966. – С. 276-277.
5. Из УПК генерал-майора П.Г. Егорова (ГУПРК).
6. Из УПК генерал-майора А.Е. Федюнина (ГУПРК).
7. Там же.
8. Там же.
9. Из УПК генерал-майора Т.К. Бацанова (ГУПРК).
10. Там же.
11. Материалы входящих сообщений (ГУПРК).
12. ВИЖ. – 1993. – № 1. – С. 25.
13. Материалы служебных папок (ГУПРК).
14. Из УПК генерал-майора танковых войск В.И. Иванова (ГУПРК).
15. Из УПК генерал-майора А.Д. Березина (ГУПРК).
16. Архив Калининского (Теперь Тверского) областного комитета КПСС.

Д. Е. Комаров*

**АНАЛИЗ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ О СОБЫТИЯХ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ИХ
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОИСКОВИКОВ
(на примере Смоленской области)**

Для достижения основной своей цели – увековечивания памяти о героях Великой Отечественной войны – современные поисковые объединения и организации используют разнообразные и постоянно совершенствующиеся механизмы и методы. Одним из центральных звеньев современной поисковой работы является работа с документальными источниками и, в первую очередь, с архивными материалами. За последнее время работа поисковиков в архивах значительно активизировалась. Однако следует отметить, что поисковики-исследователи не используют в полной мере все возможности уникальной архивной сети нашей страны. Главное внимание концентрируется на работе в Центральном архиве Министерства обороны РФ. Безусловно, этот архив хранит самый большой объем информации по направлениям непосредственной практической деятельности поисковиков (карты, отчеты о потерях и др.), однако и другие архивохранилища могут значительно обогатить поисковую работу. В первую очередь, это касается воссоздания объективной картины происходивших в той или иной области событий.

На протяжении многих лет автор статьи работал в различных архивохранилищах страны и накопил определенный опыт и информацию, которая, на наш взгляд, будет востребована поисковиками. Особое внимание необходимо уделить документам о партизанском движении на территории Смоленской области. Эти документы хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории в делах фонда Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандующего [1] и в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области в фонде Западного штаба партизанского движения [2]. В Государственном архиве новейшей истории Смоленской области хранится фонд Западного штаба партизанского движения (ЗШПД) [3], составляющий 2581 дело, которые сосредоточены в восьми описях. Западный штаб существовал с 1942 по 1944 г., однако в фонде сосредоточено и значительное количество дел,

* Комаров Дмитрий Евгеньевич (г.Вязьма, Смоленская область) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВФ Московского государственного университета технологии и управления.

относящихся к 1941 г. В данный момент все материалы этого фонда рассекречены и доступны для исследователей. Они содержат в себе информацию по истории создания и боевым действиям партизанских формирований, отчеты ЗШПД о результатах боевых действий, разведывательные сводки и донесения, трофейные документы, документы по личному составу и т.д. Документальную базу по этому вопросу значительно дополняют дела фонда Центрального штаба партизанского движения, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории. В более чем тысяче дел этого фонда содержится обобщающая информация о деятельности партизан на всей оккупированной территории и в отдельных территориях, в том числе и в Смоленской области. Документы этого фонда микрофильмированы.

Документы указанных фондов, на наш взгляд, должны восполнить диспропорцию, возникшую в поисковом движении. При пристальном внимании к поиску и увековечиванию памяти бойцов регулярной армии практически не уделяется внимание погибшим партизанам. Смоленщина являлась одним из центров партизанского движения в период оккупации, на ее территории действовало около 120 партизанских отрядов общей численностью до 60 тыс. патриотов. В «Книге памяти» по Смоленской области увековечено всего лишь 120 партизан. А только в 1944 г. обком партии, не проводя детальный и окончательный подсчет, определил общее число погибших на Смоленщине партизан в 7500 чел. [4]. Память об этих патриотах также должна быть восстановлена и почитаться.

Кроме того, необходимо помнить, что значительное число партизанских соединений формировалось из «пропавших без вести» солдат-окруженцев. По именованным спискам погибших партизан многих советских воинов можно вернуть из разряда «без вести пропавших».

Необходимо обнаружить и увековечить места гибели и «погребения» погибших партизан. Могу с уверенностью утверждать, что, как минимум, в Дорогобужском районе должны иметься места массового погребения партизан. Там, летом 1942 г. в течение десяти дней 5-й Смоленский партизанский полк им. С. Лазо удерживал свои позиции, прикрывая отход кавалеристов генерала Белова, потеряв 700 бойцов [5]. В этом же районе в ходе операций по зачистке своих тылов противником были практически разгромлены 1-я и 2-я партизанские дивизии. В период операции по уничтожению Вадинских партизанских бригад в начале 1943 г. партизанам был нанесен серьезный урон. К 3 февраля 1943 г. положение пяти партизанских бригад стало критическим: были разгромлены партизанские лагеря, кончились боеприпасы и продовольствие, сужалось кольцо окружения. Но партизанам все же удалось прорвать вражеское кольцо и в последующем с боями выйти на

соединение с регулярными частями Красной Армии. В результате непрерывных 12-дневных боев партизаны понесли большие потери. Только 1-я Вадинская партизанская бригада потеряла убитыми и пропавшими без вести 42% своего личного состава [6]. Считаю, что работа по «партизанскому направлению» должна стать еще одним вектором развития поискового движения в нашей области и стране.

Значительную помощь могут оказать архивохранилища ФСБ России. Многие советские военнослужащие, оказавшиеся в плену после освобождения, давали развернутые показания об обстоятельствах пленения и о той ситуации, в которой они оказались. Эта информация позволяет восстановить хронику развития событий самых трагических эпизодов войны – Смоленского сражения, окружения и боев под Вязьмой и др. Так, информацию о боях, которые вела в период Вяземской оборонительной операции 38-я Донская ордена Ленина стрелковая дивизия, можно получить из протоколов допросов органами НКВД ее командира Кириллова Максима Гавриловича (Полковник Кириллов в марте 1942 г. был арестован и обвинен в измене Родине, приговорен к высшей мере и 5 сентября 1942 г. расстрелян. Постыдно реабилитирован. Материалы следственного дела хранятся в архивном отделе Управления Федеральной службы безопасности по Смоленской области) [7].

Огромное значение для восстановления объективной картины разворачивавшихся на территории Смоленщины событий играют документы противника. Определенное их количество содержится в уже упомянутых «партизанских фондах». Наиболее значительный пласт трофейных документов противника сосредоточен в фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, где находится около 30 тыс. дел на немецком языке. Кроме того, имеются документы союзников фашистской Германии, принимавших участие в войне против СССР (на итальянском, венгерском, румынском и финском языках). Подавляющее число вражеских документов объединено в фонд № 500, опись № 12462. На протяжении многих лет идет постепенный перевод этих документов на русский язык, но на данный момент переведено лишь около тысячи дел, относящихся к боевым действиям германской армии на советско-германском фронте.

Наибольший интерес представляют немецкие документы частей и войсковых объединений, входивших в группу армий «Митте» («Центр»). В первую очередь, это дела 9-й и 4-й армий вермахта, а также частей и соединений, входивших в их состав. Данные дела содержат значительный объем информации о дислокации и перемещении германских частей и соединений; сведения о потерях в живой силе и технике; приказы и распоряжения командования всех уровней (Генеральный штаб сухопутных сил – штаб группы

армий «Центр» – штабы армейских и танковых корпусов – штабы дивизий); оперативные донесения и сводки о боевых действиях на фронте, разведывательные сводки, информацию о положении в тылу, о функционировании транспорта, строительстве укреплений, борьбе с партизанами и т. д.

Определенная часть интересующих нас документов (германские документы о Вяземской стратегической оборонительной операции октября 1941 г. и Вяземской воздушно-десантной операции 1942 г.) переведена, сброшюрована и хранится в научно-справочной библиотеке архива в открытом доступе [8]. Правда, данное дело содержит всего около 40 листов, основной же пласт интересующих документов имеет ограниченный доступ.

Наиболее полно данная информация отражена в делах:

– № 73 – оперативные сводки и донесения группы армий «Центр», свидетельствующие о ходе боев на центральном участке советско-германского фронта с 22.06.1941 по 15.04.1942 гг. [9];

– № 11 – приказы, распоряжения, телеграммы группы армий «Центр» за 1941 г. Наибольший интерес представляют приказ командующего группой армий «Центр» Фон Бока от 14.09.1941г. о подготовке к наступлению [10] и приказ по группе армий «Центр» о наступлении от 26.09.1941 г. [11];

– № 160 – донесения, телеграммы, оперативные сводки по 4-й германской танковой армии за 1942 г., в которых содержится информация о ходе и результатах битвы за Москву и боях немецких войск в ходе Ржевско-Вяземской наступательной операции январь – апрель 1942 г.;

– № 231 – донесения, оперативные сводки, дающие представление об осуществлении гитлеровским командованием операции «Тайфун»;

– № 263 – донесения 9-й германской армии с 1.09.1942 по 31.03.1943, содержащие большую информацию о подготовке и осуществлении 9-й армией операции по выводу немецких войск с территории Ржевско-Вяземского плацдарма – операция «Бюффельштелюнг» («Позиция буйвола») и др.

Документы в делах расположены в хронологической последовательности, в отдельных случаях имеются расшифровки подписей отправивших и принявших документы, а также переводчиков. Дела различны по объему – от 107 листов [12] до 901 листа [13].

Без анализа данного пласта информации невозможно представить реальное положение и развитие событий войны на Смоленщине. Но до недавнего времени все эти дела были засекречены и стали доступными для исследователей только в последнее время (при наличии разрешения на работу с документами Начальника Архивной службы Вооруженных Сил Российской Федерации).

Однако необходимо отметить, что в ЦАМО РФ в фонде трофейных документов находятся дела самого высшего уровня управления германскими

войсками на центральном участке фронта (документы штаба армейской группы, армейских штабов и штабов корпусов). Документы более низкого уровня (уровня дивизий и полков) имеются в ограниченном количестве, и те, что имеются, не переведены, а оригиналы исследователям не выдаются. Именно эти документы с конкретной привязкой к отдельному участку фронта имеют для поисковой работы особую ценность. Восполнить этот пробел в определенной степени могут формуляры на вражеские дивизии, составляемые органами советской спецпропаганды в период войны.

Еще в 1940 г. в составе Главного политического управления РККА был создан специальный седьмой отдел по работе среди войск противника. Одной из важнейших составляющих работы сотрудников этого отдела в составе фронтов и армий в ходе войны являлось составление «формуляров морального, психологического состояния войск противника». В идеале советская сторона стремилась иметь такой формуляр на каждую вражескую дивизию, находившуюся на советско-германском фронте. Источниками составления этих формуляров являлись протоколы допросов пленных, разведсводки, радиоперехваты, переводы трофейных документов (как служебных, так и личных). Сейчас эти формуляры хранятся в документальном фонде Центрального музея Вооруженных Сил. Всего в фондах музея хранятся документы на 159 соединений немецкой армии и 12 соединений союзных Германии стран.

Ценность этих документов определяется еще и тем, что составление формуляров шло параллельно с аналогичной работой органов советской разведки и контрразведки. И те, и другие использовали практически одну и ту же информацию, но получить информацию из архива ФСБ РФ крайне сложно, а «формуляры» находятся в открытом доступе.

В своей работе я использовал документы на те вражеские дивизии, которые непосредственно дислоцировались на территории Смоленской области. Это материалы по 20-й танковой, 52-й, 110-й, 246-й, 252-й, 253-й пехотных дивизий противника и др. [14]. Эти документы позволяют определить не только уровень боеспособности, вооружения, численного и социального состава дивизий противника, но и участки фронта, где происходили наиболее кровавые боестолкновения, размеры боевых потерь враждующих сторон и т.д.

Значительный пласт информации о гибели и уничтожении советских военнопленных по вражеском тылу содержит в себе фонд Смоленской областной чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям 1943–1945 гг. [15]. Доку-

менты этого фонда содержат многочисленные свидетельства очевидцев вражеских преступлений в отношении советских военнослужащих. Эти документы могут помочь точному установлению мест захоронений расстрелянных и умерших во вражеском плену советских солдат и офицеров. Однако необходимо отметить, что материалы Комиссии находятся в чрезвычайно плохом состоянии, и для работы с ними необходимо разрешение непосредственно директора архива.

Такова краткая информация о документах, которые могут способствовать активизации поисковой работы на территории Смоленской и близлежащих областей.

Литература и источники

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1.
2. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 8. Оп. 2. Д. 80, 180, 181, 182, 187 и др.
3. ГАНИСО. Ф. 8.
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 623. Л. 91.
5. Котов Л.В., Храпченков А.К. Боевое взаимодействие Смоленских партизан с действующей армией // Уходили в поход партизаны. Сборник материалов научной конференции «Всенародная борьба с немецко-фашистскими захватчиками на временно оккупированной территории Смоленской области в период Великой Отечественной войны 1941–1943 гг.». – Смоленск, 1973. – С. 199.
6. ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 365. Л. 6-8.
7. Архивный отдел Федеральной службы безопасности по Смоленской области (АОФСБСО). Д. 25111-с.
8. См: Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Бюро переводов. 1990.
9. См: ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 74.
10. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 11. Л. 4.
11. Там же. Л. 56-58.
12. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 231.
13. Там же. Д. 140.
14. Документальный фонд центрального музея Вооруженных Сил (ДФЦМВС). Д. 4/37561/13, 4/37561/14, 4/37561/17, 4/37561/24, 4/37561/34, 4/37561/43, 4/37561/45.
15. См: Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1630.

С.И. Садовников*

**ВЫЯВЛЕНИЕ И КОРРЕКТИРОВКА ТОПОНИМИЧЕСКИХ
ИСКАЖЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ПОИСКОВЫХ ИЗЫСКАНИЙ**

Для установления судьбы военнослужащего, не вернувшегося с полей сражений, по документам военных архивов следует иметь, как минимум, следующие данные: ФИО, дату и место его рождения, название военкомата, призвавшего его на воинскую службу. Выявить эти сведения поисковики могли бы из документов, удостоверяющих личность (красноармейская книжка, солдатский медальон, удостоверение личности офицера, комсомольский и партийный билет и др.). Но поисковая практика показала, что медальоны при обнаружении останков погибших встречаются примерно у каждого десятого, а прочтению поддаются два-три из десяти. При этом текст записки может изначально отсутствовать (из суеверных соображений солдат нередко остерегался заполнять «смертный медальон»). В других случаях бумажный вкладыш мог истлеть и рассыпаться при его извлечении из пластмассового пенала, который десятилетиями находился в агрессивной среде (земля, вода), не говоря уже о повреждениях любых документов или иных носителей информации в условиях боевых действий. Ещё реже обнаруживаются номерные награды: медали и ордена.

С 1990 по 2005 г. к автору поступило более 450 обращений от региональных поисковых объединений страны с просьбой помочь установить имена и фронтовые судьбы владельцев боевых наград, найденных во время поисковых экспедиций. В большинстве своем находки эти сделаны в ходе целенаправленного поиска на местах бывших сражений добровольцами России, Белоруссии, Украины и стран Балтии.

Места обнаружения наград, как и останков павших, как правило, соответствовали географии поисковых экспедиций – это конкретные территории от Подмосковья до Калининградской области, Польши и Германии. Преобладающее время обнаружения – весна-осень, т.е. периоды проведения «Вахт Памяти» поисковыми объединениями. Ни в одном из случаев обнаружения

* Садовников Сергей Иванович (Москва) – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственной молодежной политики и гражданского воспитания Федерального института развития образования. Участник более пятидесяти поисковых экспедиций на местах бывших боёв Великой Отечественной войны. Член Президиума Союза краеведов России, авторского коллектива Книги Памяти «Живая память Замоскворечья», член редакционной коллегии сборника «Труды Историко-архивного института».

поисковиками останков павших солдат и офицеров Красной Армии *не было* внешних, визуальных *признаков захоронений* (надмогильного холма, памятного знака, ограды, мемориальных плит): места находок представляли собой просевшие воронки, оплывшие траншеи, силосные и картофельные ямы, бывшие подвалы сгоревших домов либо территории сельскохозяйственных угодий. Здесь важно подчеркнуть, что значительная часть выявленных поисковыми экспедициями останков павших принадлежит воинам, учтённым по документам архива как *пропавшие без вести*, а в действительности они оказались безвестно павшими.

Вся полученная информация была проработана автором по документам Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ): установлены имена награжденных, их фронтовые судьбы, довоенные адреса, места рождения и призыва, а также выявлены описания подвигов.

С момента установления поисковиками личности павшего и его фронтовой судьбы начинается розыск его родственников, отправной точкой которого становится довоенный адрес семьи, которая могла претерпеть перемещения (эвакуацию, послевоенные переезды), ведь временные рамки поиска охватывают жизни двух-трех поколений. По исходному адресу нами направляются запросы в военкоматы, паспортные столы, в местную администрацию, а также в региональные СМИ. В нашей практике совместными усилиями удалось разыскать родственников примерно в 70% случаев. Это были вдовы, сестры, братья, сыновья, дочери, племянники, внуки, правнуки, снохи. В целом ряде случаев родственники воина успевали получить от поисковиков приглашение на торжественное перезахоронение останков воина и его боевых товарищей. В остальных случаях родные навещали обретенную дорогую могилу в любое другое время, для чего также необходимо было сообщить им точный и подробный адрес места захоронения.

В комплексной научно-практической поисковой деятельности каждое из ее многочисленных направлений содержит определенные явные и неявные трудности. Вышеозначенные этапы (идентификация останков воина, установление фронтовой судьбы и розыск его родственников) существенно осложняются, помимо основного действия, еще и задачей адекватного «перевода» адресных данных воина в современную «систему координат». Это связано с неоднократными переименованиями и многочисленными изменениями административно-территориального деления, производимыми на всей территории Советского Союза, а затем и РФ с первой четверти прошлого века по настоящее время. Для иллюстрации сказанного рассмотрим пример основных изменений в административном делении Рязанской области.

«К началу Великой Отечественной войны в состав Рязанской области входило 49 районов. Границы области не совпадали с ее современной территорией. 20 декабря 1942 г. четыре района Рязанской обл.: Горловский, Михайловский, Скопинский и Чапаевский отошли к Московской обл. и были возвращены в Рязанскую обл. в июне 1946 г. У всех родившихся в этих районах указано: Рязанская обл. и один из 4-х перечисленных районов, как это было на момент начала ВОВ. Вместе с этими районами в состав Рязанской области вошел и Октябрьский* район, с сентября 1937 г. по 20 июня 1946 г. находившийся в составе Московской области. 6 января 1954 г. из Рязанской обл. в Липецкую было передано 10 районов: Данковский, Добровский, Березовский, Воскресенский, Колыбельский, Лебедянский, Лев-Толстовский, Троекуровский, Трубетчинский, Чаплыгинский (бывший Раненбургский). В период до 1977 г. проводились многочисленные административно-территориальные изменения внутри Рязанской области: районы объединялись, разукрупнялись, ликвидировались, преобразовывались в сельские и промышленные, создавались новые...» [1].

Этот почти головоломный пример относится к центральному региону России, и понятно, что им не исчерпывается разнообразие вариантов конкретных адресов проживания: от областей, городов, районов до названия сельсоветов, посёлков, деревень, хуторов или колхозов, совхозов, рудников, станций и разъездов. Что же говорить обо всей громадной территории СССР, включавшей полтора десятка союзных республик и множество автономных – с национальными топонимическими обозначениями?! При этом отметим, что документация велась в воинских частях и соединениях писарями во фронтовой обстановке, «под грохот канонады»... Так, в Приказе войскам 10-й гв. армии № 0167 от 29 августа 1943 г. «О недостатках в учёте персональных потерь» были выявлены следующие недочёты: «пункт 1. Учёт персональных потерь в процессе боевых операций в частях отсутствовал. Основные учётчики – ротные писаря – использовались в бою в качестве бойцов и, естественно, учётом не занимались. Большинство из них выбыло из строя...» Приказываю: ... «пункт 5. Запретить использование ротных писарей в качестве бойцов и научить их вести учёт потерь во время боя...» [2].

* Бывший Октябрьский р-н в настоящее время принадлежит Михайловскому р-ну Рязанской обл. Так как в годы войны он относился к Московской обл., у всех родившихся на его территории в соответствии с принятым в этой книге принципом указано: «Московская обл., Октябрьский р-н; не путать с Октябрьским р-ном, который входил в состав Рязанской обл. с 26 сентября 1937 г. – времени образования Рязанской обл.». В 1946 г. он был переименован в Березовский (так как оказалось два района с одинаковым названием), а 6 января 1954 г. Березовский (бывший Октябрьский) р-н передан в состав Липецкой обл.

Нередко в документах возникает вариантность написания имен собственных и топонимических обозначений, что существенно усложняет поисковое исследование, повышая его трудоемкость. Такое исследование уже невозможно без целого арсенала справочников административно-территориального деления по конкретным регионам и периодам – справочников, ставших своеобразными «памятниками» региональной истории [3], с которой также тесно связано всё поисковое движение.

В проведенном нами исследовании по установлению фронтовых судеб воинов, чьи останки были обнаружены вместе с боевыми наградами в ходе поисковых экспедиций на всей территории страны, нам пришлось – в целях идентификации личности павшего и установления его воинского подвига – провести анализ выявленных разночтений в написании имен, отчеств, фамилий и адресных данных так, как они отражены в различных документах ЦАМО РФ и параллельно в Книгах Памяти регионов. В соответствии с задачей исследования, мы выявляли по номерам обнаруженных наград описания конкретных боевых подвигов, за которые воины были удостоены этих орденов и медалей. Описания этих подвигов содержатся в наградных листах. Итогом нашего исследования стало воссоздание широкой панорамы фронтовых будней и подвигов с конкретными, порой неожиданными приметами той эпохи. Иначе говоря, составила книга – еще одна летопись повседневного массового героизма воинов Великой Отечественной войны [4].

Итак, розыск семей военнослужащих по довоенным адресам требует в случае произведённых изменений кропотливой сверки со справочниками административно-территориального деления конкретного периода времени. Но эта работа дополнительно осложняется искажениями топонимических обозначений, наименований в архивных документах, касающихся одного и того же лица.

Здесь будет уместным сделать небольшой экскурс в историю главного военного архива страны. Основной массив материалов архива Народного комиссариата обороны (в дальнейшем – ЦАМО) оформлялся и систематизировался с лета 1941 г. вручную силами небольшого штата в двух непригодных зданиях (бывшей тюрьмы и кладбищенской церкви) в тяжелейших условиях эвакуации архива из Москвы в г. Бузулук Чкаловской (ныне Оренбургской) области, куда затем в течение всех военных лет вагонами прибывали для обязательного длительного хранения документы воинских частей и соединений. В пути этот груз порой подвергался бомбежке, что вело к невосполнимым утратам. В подтверждение сказанного приводим выдержку из донесения полковника В.В. Кондашова, ответственного за сохранность и обработку военной документации в городе Бузулуке от 7 января 1942 г.: «...Материал бывшего штаба Прибалтийского военного округа и

республиканского военного комиссариата Латвийской ССР получен нами в первых числах декабря в количестве двух вагонов. Эшелон, в составе которого следовал этот материал, неоднократно подвергался воздушному нападению и на разъезде Клевищенском (район Бежецка) потерпел крушение. Вагоны с архивными материалами оказались разбитыми. Из числа охраны один человек убит, двое ранены. Архивный материал был разбросан по полотну железной дороги, большая часть его попала в болото. Материал промок, перемешался с грязью. С наступлением холодов документы смёрзлись и превратились в грязные глыбы» [5].

Сам процесс обработки и хранения колоссального объема документов, без обеспечения соответствующих условий, тоже требовал повседневных героических усилий. Итогом этого подвижнического труда стало то, что «если для перемещения архива из Москвы в Бузулук понадобилось пять вагонов, то для обратной транспортировки материалов из Бузулука в Подольск – уже более двухсот вагонов. Первый из них прибыл 4 августа 1946 года, последний – только в марте 1948 года» [6].

Таким образом, создание военных документов, их транспортировка, хранение и систематизация происходили в экстремальных условиях тяжелейшей войны, что приводило к неполноте, нерегулярности ведения документации, урону при ее перевозке, неточностям и ошибкам при обработке.

Обнаруженные при работе над книгой искажения в документальных записях мы пытались уточнить различными способами, в частности, путем сравнения и перебора вариантов. Как правило, искажения в записях возникали по близкому созвучию названий (если они записывались со слуха) либо по их сходному начертанию в рукописной записи (если данные переписывались с другого источника). Те и другие смещения имеют определенные закономерности, учёт которых во многих случаях приводил к нахождению точного названия. Рассмотрим примеры выявления и уточнения искажений имён и топонимов в архивных документах – по конкретным персоналиям из нашей книги.

1) Джаноян Акуб *Арзамасович* (прав. *Арзуманович*), гв. сержант, командир отделения 2-й стрелковой роты 61-го мспб 61-й отдельной легко-танковой бригады. Уроженец Армянской ССР, *Норбазевского р-на*. В наградном листе на вручение ордена Красной Звезды № 92783 написано: Призван *Нажбадзенским РВК* Армянской ССР. Дом. адрес: Арм. ССР, г. *Нажбадзейск*, с. Камир. (Во всех трех вариантах – прав.: *Нор-Баязетский р-н, гор. Нор-Баязет*);

2) Шиловский С.С., сержант, командир отделения 42-го стрелкового полка (далее – сп) 180-й стрелковой дивизии (далее – сд). Дом. адрес:

Вологодская обл., *Городецкий* р-н, Куриловский с/совет, дер. *Панягино*. Призван *Горожецким* РВК (прав.: *Кичменгско-Городецкий* РВК и р-н; дер. *Пелягинец*);

3) Алёшин И.С., гв. красноармеец, разведчик 55-й отдельной гв. разведроты 53-й гв. сд. Уроженец Бондарского р-на *Воронежской* обл. (прав. *Тамбовской*). Пропал без вести под д. Григоркино *Тверской* обл. (прав.: *Псковской*);

4) Васильев Д.Г., мл. сержант, наводчик противотанкового ружья роты ПТР 894-го сп. Отличился в бою за д. Рогатик *Волковского р-на* Орловской обл. (прав. *Болховского*);

5) Винокуров Н.П., красноармеец, орудийный номер 2-й батареи 778-го артполка 247-й сд. Призван *Топтинским* РВК (прав. *Топкинским*) Новосибирской (ныне Кемеровской обл.). Дом адрес: *Салховский* р-н, *Струновский с/совет* (прав.: *Болховский р-н, Струковский с/с*);

6) Воропаев И.С., красноармеец, стрелок роты автоматчиков 72-го гв. сп 24-й гв. сд. Похоронен: дер. *Чайтолово* Ленинградской обл. (прав.: *Гайтолово*);

7) Говоров И.И., гв. рядовой, стрелок 5-й стрелковой роты 190-го гв. сп 63-й гв. сд. Призван *Воронцовским* РВК (ныне *Бутурлиновский Воронежской обл.*). Числился убитым 03.07.1944 г. и похороненным в 200 м вост. *Хухамиэми* (прав.: *Хуханниэми* – ныне местность 5 км южнее оз. Петровское) Карело-Финской ССР (ныне часть Ленинградской обл.);

8) Гультаев Е.А., рядовой, автоматчик моторизованного батальона автоматчиков 30-й гв. отдельной танковой бригады. Призван *Починским*, в другом документе *Печенским* РВК (прав. *Почепским*) Орловской (ныне *Брянской*) обл. Числился убитым 29.06.1944 г. и похороненным: братская могила 6, южная окраина дер. Райвиомяки Выборгского р-на Карело-Финской ССР (ныне часть Ленинградской обл.);

9) Демков М.В., санинструктор 5-й стрелковой роты 2-го сб 1172-го сп. Дом. адрес: *Каменец-Подольская* обл. (ныне *Хмельницкая*), *Неджибатский* р-н (прав. *Меджибожский*, ныне в составе *Летичевского* р-на);

10) Карабулькин Н.С., мл. сержант, командир отделения роты связи 531-го сп 164-й сд. Числился убитым 01.12.1943 г., д. *Волколово* (прав. *Валахалаково*) *Оршанского* р-на (прав. *Дубровенского*) Витебской обл.;

11) Краснящих М.Я., рядовой, радист радиороты 1109-го сп 330-й сд. Числился погибшим 20.07.1944 г. и похороненным в д. Ясиново Лапского р-на Белостокской обл., Польша (ныне часть *Гродненской* обл., образованной 20.09.1944 г.);

12) Мартынюк Ю.Н., мл. лейтенант, командир орудия 3-й батареи 917-го артполка 350-й сд. Числился убитым 06.03.1943 г. с. Рябухино

Староверхов-ского р-на Харьковской обл. (прав. *Староверовский* р-н, в дальнейшем упразднен, территория передана Нововодолажскому, Красноградскому и Кегичевскому р-нам Харьковской обл.);

13) Остапенко Н.Е., сержант, командир расчета ПТО 2-го сб 578-го сп. Призван *Новоокровцим РВК* Саратовской обл. (прав.: *Ново-Покровским*, ныне в составе Балашовского р-на);

14) Петенеев Д.Е., сержант, командир отделения 112-го армейского инженерного батальона 8-й Армии. Род.: Алтайский край, *Мабалинский аймак*, призван Сталинским РВК г. Уфы (прав. *Шебалинский аймак* Ойротской АО, с 1948 г. Горно-Алтайская АО, ныне республика Горный Алтай.);

15) Тончубаев Турагельди, ст. сержант, помощник командира взвода 2-го батальона 79-го сп 321-й сд. Призван *Карасуевским РВК* (прав. *Кара-Суйским*) Омской обл. (прав. *Ошской*). Найден: Польша, *Эльблонгское воеводство*, д. Копанув (с 1999 г. вошло в составе *Варминьско-Мазурского воеводства*);

16) Худолей Г.Ф., гв. мл. сержант, командир отделения 8-й роты 19-го гв. воздушно-десантного полка 10-й гв. воздушно-десантной дивизии. Уроженец *Кайсацкого* (ныне *Палассовского*) р-на Сталинградской обл. Призван *Лыководолинским РВК* (прав.: *Липоводолинским*) Сумской обл.;

17) Шик В.Ф., красноармеец, телефонист роты связи 696-го сп 383-й сд. Дом адрес: УССР, Черниговская обл., *Турчевский* (прав. *Тупычевский*) р-н (позднее ликвидирован, территория передана Городнянскому, Репкинскому, Черниговскому и Щорсскому районам), с. *Иванниковка* (прав. *Ивашковка*);

18) Бурлаченко П.В., ефрейтор, наводчик роты ПТР 866-го сп 287-й сд. Призван в РККА *Валежским РВК* (искаж., нынешнее название не установлено) *Ворошиловградской* (ныне *Луганской*) обл. Дом адрес: *Ворошиловградская* обл., *Андицетский* р-н (искаж., прав. *Антрацитовский*);

19) Виноградов А.П., красноармеец, стрелок 3-й роты 4-го парашютно-десантного батальона 23-й воздушно-десантной бригады. Призван *Володским РВК* (прав. *Вышневолоцким*) Калининской (ныне Тверской) обл. Дом адрес: г. Вышний Волочок, *Дорцосинский* сельсовет (прав. *Дорухинский*);

20) Лобачев Е.С., гв. ефрейтор, ст. повозочный транспортного взвода 192-го гв. ап 87-й гв. сд, числился погибшим 17.04.1945 г. и похороненным в р-не *Циммербуде* (ныне н.п. *Светлый* в 14 км юго-вост. *Фишхаузена* (ныне н.п. *Приморск*) *Кенигсбергской* обл. (ныне *Калининградская*);

21) Новиков Н.С., красноармеец, повозочный 3-й батареи 452-го отд. миндивизиона 371-й сд. Дом адрес: Башкирская АССР, Хайбуллинский р-н, рудник *Барабан* (прав. *Бурибай*);

22) Хабибуллин Ф.Х., красноармеец конной разведки 923-го сп 251-й сд. Дом. адрес: Башкирская АССР, ... Нижне-Оврусский с/совет (прав. Нижнеаврюзовский);

23) Цуканов А.М., красноармеец, стрелок 1-й стрелковой роты 920-го сп 247-й сд. Дом. адрес: Московская обл., г. Реутов, Конный двор, д. 33. Призван *Калашинским* (прав. *Балашихинским*) РВК Московской обл.

В заключение отметим, что проведенная работа по установлению имён и судеб павших воинов по их боевым орденам и медалям дала важный результат, моральный смысл которого трудно переоценить, а именно – успешный розыск родственников 240 воинов из общего числа 305 рассмотренных в данном исследовании судеб. Такой итог поисковой работы ценен и для земляков павшего воина, для истории его родного края и той части земли, где воин принял смерть или пал безвестно для своих родных, оставшихся в неведении о судьбе его долгие десятилетия – до обнаружения поисковыми отрядами останков героя вместе с его боевыми наградами.

Литература и источники

1. Книга Памяти Рязанской обл. – Рязань, 2000. – Т. 10. – С. 280-281.
2. ЦАМО РФ. Ф. 1473. Оп. 2. Д. 7. Л. 44, 44об.
3. РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 апреля 1940 года. – М., 1940; РСФСР. Административно-территориальное деление на 31 декабря 1945 года. – М., 1945; РСФСР. Административно-территориальное деление на 1 января 1986 г. – М., 1986; СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 мая 1940 года. – М., 1940; СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1946 года. – М., 1946; СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1951 года. – М., 1951; СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1974 года. – М., 1974; СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1980 года. – М., 1980; Украинская ССР. Административно-территориальное деление на 1947. (На украинском языке) – Киев, 1947; Указатель улиц г. Москвы 1917–1982 гг. – М., 1988. – Т. I-V.
4. Садовников С.И. Чтоб не распалась связь времён... Оpoznаны по боевым наградам. – М., 2005. – 297 с.
5. Центральный ордена Красной Звезды архив Министерства обороны Российской Федерации. Исторический очерк 1936–1996 г. – Подольск, 1996. – С. 20.
6. Там же. – С. 27.

И. И. Ивлев*

К ПРОБЛЕМЕ СОСТОЯНИЯ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ
В РАБОТЕ ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ О ПАВШИХ
ЗАЩИТНИКАХ ОТЕЧЕСТВА

Много раз говорили нам в Центральном архиве Минобороны РФ: «Персонального послужного учета рядового и младшего начсостава в РККА не велось, потому навести справки о прохождении службы в период Великой Отечественной войны, например, пропавшим без вести красноармейцем, – не представляется возможным». В эти слова не сразу, но поверилось, хотя и с трудом. Трудно было представить факт ленивого попустительства государства к учету послужных этапов в армии отдельно взятого человека при одновременном наличии весьма жесткой системы учета этого же человека на «гражданке»: прописка, ЗАГС, воинский учет, медучет, соцстрах, партия, ВЛКСМ, профсоюзы, месткомы, домкомы, колхозы, совхозы, прочее. Шутка ли – те же военные сосчитали и учли при последней весенней приписке 1941 г. всех до единого человек на «гражданке», кто подлежал по возрасту и состоянию здоровья призыву и мобилизации в случае войны, распределив на разряды и категории ресурсов, а учета прохождения солдата по службе якобы не ввели.

И поверилось в отсутствие послужного солдатского учета в государстве только потому, что втямашивали нам эту ересь неоднократно на разных уровнях.

Да и как проверить, был послужной учет или нет? Ни одного руководящего или комментирующего документа нигде никогда после 1985 г. не было опубликовано, а до этого и тем более. Ни в одном из тысяч изученных фондов документов ЦАМО РФ не проскочила ни одна зацепочка. Ни один бывший работник 4-го отдела (отделения) райвоенкомата (далее – РВК) или штаба любой воинской части нигде и словом за рюмкой чая никому из знакомых не обмолвился: «Был учет, был, и еще какой!». Молчок повсюду.

Но пришел Интернет. Если не ошибаюсь, у нас на Форуме сайта www.soldat.ru пару-тройку лет назад кто-то из гостей поделился новостью

* **Ивлев Игорь Иванович** (Архангельск) – участник поисковых работ на местах боев Великой Отечественной войны с конца 1980-х гг. В 1999 г. Губернатором области утвержден руководителем рабочей группы восстановленной редколлегии Книги памяти Архангельской области. В 2002–2008 гг. – директор государственного учреждения «Архангельский государственный социально-мемориальный центр «Поиск».

о том, как ему постаревший бывший работник РВК всё же поведал давнюю тайну о поголовном уничтожении в 1953 г. после смерти И.В.Сталина всех учетно-послужных и прочих первичных документов на рядовой состав с довоенных времен и в период войны. Эти слова стали первой крохотной ласточкой. Теперь прилетела и вторая, повесомее, которая впервые публикуется нами в Интернете (см. Приложение). Это такая ласточка, которой никакие слова комментариев или отрицаний не нужны. Она самодостаточна и отвечает на множество возникающих вопросов.

Был учет, причем подробный! И этот учет был краеугольным камнем исторической памяти о военном времени и о судьбах миллионов людей. Если учесть, что в рядах РККА с учетом численности армии к 22 июня 1941 г. за период 1941–1945 гг. побывало чуть больше 34 млн. чел. (мобилизовано после начала войны около 29 млн.), тогда становится ясной практическая цель уничтожения первичной документации – и финансовая (платить меньше пенсий), и политическая. При наличии этих документов несложно было бы при желании посчитать точные цифры сгинувших (не вернувшихся) солдат по каждому РВК в стране и познать цену Победы и цену руководства ВКП (б) – КПСС. До начала создания Книги Памяти оставалось 36 лет, в 1953 г. в обстановке всепроникающей секретности никто даже и мысли не мог допустить о том, чтобы когда-либо опубликовать точные списки погибших и пропавших. Да что там... Извещения о судьбе воинов (похоронки) рассекретили только в 1990 г. после принятия Постановления Политбюро ЦК КПСС от 17 января 1989 г. «О Всесоюзной Книге Памяти» и в связи с началом работы в 1990 г. ее районных и городских редколлегий.

В системе воинского учета личного состава в СССР всё было взаимосвязано (как и недавно в РФ – потому ныне нормальный воинский учет только что разгромили. – *Примеч. авт.*). Каждый РВК при оценке ресурсов для мобилизации в тот или иной момент основывается на данных строгого поголовного учета, осуществляемого при ежегодной приписке (в настоящее время в РФ приписка не проводится уже почти два десятка лет, сведения воинского учета РВК не уточнялись примерно столько же. – *Примеч. авт.*). Предвоенная приписка новобранцев и военнообязанных запаса в первой половине 1941 г. была проведена дважды: как обычно, в январе-феврале, и во второй раз в марте-апреле 1941 г. после вступления в должность нового начальника Генерального штаба Г.К.Жукова и принятия с его приходом к разработке нового мобилизационного плана МП-41. Последняя приписка осуществлена как раз для получения самых точных данных о потенциальных ресурсах солдат для будущей войны, а не только для приписки (привязки) резервистов к конкретным воинским частям в том или ином военном округе (в том числе для тех соединений, что только что начали формирование с 19-

20 февраля 1941 г. – новых стрелковых дивизий и мехкорпусов). Убытие мобилизованных резервистов в воинские части фиксируется в учете в РВК, соответственно, после убийства команды и после окончания расчетов в каждом РВК могут наверх доложить: сколько еще военнообязанных запаса и новобранцев – будущих бойцов – можно мобилизовать, сколько негодных по здоровью, сколько на брони. В каждый отдельно взятый момент по вертикали военкоматов имелись сводные точные данные о ресурсах личного состава по району, городу, области, республике. Только война внесла элемент разбалансированности учета после перемещения многомиллионных масс новых частей и соединений, а также эвакуировавшихся гражданских, имеющих бронь, и обычных частных лиц. Но и этот элемент хаоса в январе-марте 1942 г. был быстро преодолен.

Учет был строгим, факт. В карточке военнообязанного запаса при последней предвоенной приписке была проставлена его военно-учетная специальность (далее ВУС), указан род войск, номер команды и часто действительный номер воинской части (далее в/ч), к которой приписан воин, если по возрасту и состоянию здоровья он подлежал мобилизации в первые дни войны. Очень часто в уголке было приклеено фото человека. Условными номерами команд в каждом военном округе шифровались существующие воинские части, которые за счет призыва по мобилизации резервистов должны были развернуться до штатов военного времени. Каждому приписанному человеку выдавали мобилизационное предписание (повестку), где указывался день его прибытия после начала мобилизации, например, «на 2-й день мобилизации», время прибытия на сборный пункт и команда или действительный номер в/ч, в которую назначен человек. В **учетно-послужной карточке рядового состава РККА** (далее – УПК), которую мы публикуем ниже, вверху можно увидеть строку «Наименование части и подразделения». Вот тут и указывалось действительное, а не условное наименование воинской части, а на обороте карточки перечислялись этапы прохождения службы во всех в/ч с занесением дат, номеров приказов о перемещении и печатями штабов в/ч.

В нашем распоряжении имелись учетно-послужные карточки лиц, назначенных в войска НКВД, да еще и в двух видах (1-й вид – лицевая сторона, оборот, 2-й вид – лицевая сторона, оборот) [1]. Мы полагали, что такие документы оформлялись только для тех, кто был определен для службы в системе этого наркомата. Публикуемая ниже УПК для рядового состава РККА недвусмысленным образом подтверждает наличие целой системы послужного учета рядовых и в НКО. Поэтому всерьез говорить о том, что не было послужного учета солдат, мог только сведущий человек, не желавший раскрыть истину. Или такой же, задуренный в свое время, как и мы.

Учет численности призванных и мобилизованных в то военное время ныне основывается на данных сохранных книг призыва. Но они вторичны, первичными были призывные карты новобранцев, учетные карточки военнообязанных запаса и УПК рядового состава РККА. Все они были уничтожены по специальной, до сих пор секретной и еще не выявленной исследователями, послевоенной Директиве Генштаба с заменой их на суррогат – книгу призыва. Документ Генштаба, предписывающий совершить эти действия, пока не обнаружен, но скудные косвенные упоминания о нем есть в сохранившихся документах многих РВК. Какой руководитель стал его инициатором? Подобный документ мог быть подписан как начальником Генштаба, так и его заместителем, но даже при таких должностях они – люди подневольные, что прикажут сверху, то и сделают. Верхом для них являлся военный министр, а выше его – председатель Совета министров СССР. Но и он вряд ли что делал бы в этом направлении без указки из ЦК КПСС, никуда от этого не деться. Итак – Хрущев сотоварищи?

Оценивая данный процесс, можно сказать смело: военкоматы исполнили эту работу «кто в лес, кто по дрова»! Какому военкому как на душу легло! Одни исполнители постарались перенести в алфавитную книгу максимум данных: ФИО, год рождения, домашний адрес, место работы, дату призыва, звание, номер военно-учетной специальности (ВУС), номер команды или название части, куда направлен мобилизованный, дату отправки, и даже иной раз впоследствии указывали его судьбу. Другие поступили по минимуму, внося лишь: ФИО, год рождения (не всегда), дату призыва (не всегда), адрес (не всегда), звание, ВУС. Сотни тысяч воинов, значившихся в учетных карточках, в книги призыва и вовсе не вошли! Причины этого отражены ниже (довоенный кадровый состав РККА). И, наконец, была и нормальная (с точки зрения истории) часть военкоматов, честь им и хвала: помимо создания книг призыва там полностью сохранили почти все предписанные к уничтожению документы. Бог им всем судья!

Еще пример из этой же «оперы». Многие годы сотни тысяч людей ищут своих сгинувших на войне родственников. Цепочка знаний о бойце, как правило, обрывается на военкомате призыва – согласно книге призыва (если сохранилась) призвали его тогда-то. И всё! Куда направили, когда, в составе какой команды (у каждой был свой номер), с кем – ответ в 95% случаев отрицательный: «Нет сведений в нашем РВК». Да ими все свободные места в рабочих кабинетах в свое время были забиты, сведений было море в каждом военкомате, но сейчас в их подавляющем большинстве нет ничего! Это надо было очень сильно постараться – так уничтожить СТОЛЬКО документов. И причина якобы объективная – истечение срока хранения. **Но тогда почему**

книгам призыва, вторичным по сути источникам, назначен срок хранения 75 лет, а у первичных и десятка лет не набралось?

Пример с призывом можно продолжить. Если воин призывался по мобилизации в первые семь суток войны с 23 июня 1941 г. и был обученным воином 1918–1905 г.р., прошедшим действительную военную службу, то в 80% случаев он был направлен в находящуюся в том же военном округе воинскую часть (в том числе в части НКВД) для развертывания ее за счет мобилизации до штата военного времени. Если его соединение убыло на фронт до 22 июня, то тогда эти призванные в него и приписанные весной 1941 г. воины отправлялись эшелонами вслед за ним в заранее определенные пункты (другое дело – добрались ли туда?). Излишки мобилизованного личного состава направлялись во вновь созданные в этих военных округах с началом войны запасные стрелковые бригады для комплектования пополнения в воюющие части и соединения, существовавшие к 22 июня 1941 г. Из этих запасных бригад после подписания Постановления ГКО № 48 от 8 июля и других документов с начала-середины июля часть личного состава убыла на формирование внеплановых новых стрелковых дивизий (всего 56) и кавалерийских дивизий (всего 30) Наркомата обороны, стрелковых дивизий (всего 15) НКВД. Значительная часть оставшегося личного состава из запасных бригад, начиная с 10 июля 1941 г., убыла на фронт в составе маршевых батальонов численностью 1000 бойцов каждый. Всего их за июль – начало августа было отправлено в адрес фронтов чуть более 400. В августе убытие таких маршевых батальонов из запасных бригад началось с 16-го числа после подписания Постановления ГКО № 459 от 11 августа о формировании новых 85 стрелковых и 25 кавалерийских дивизий. Всего к середине сентября ушло еще почти 500 батальонов обученных воинов. Впоследствии пополнение из запасных частей стали отправлять только номерными маршевыми ротами стрелков по 254 чел. и специалистов по 140 чел. Эта практика сохранилась в течение всей войны.

Надо сказать, что учет движения личного состава (поступление и убытие) в запасных полках запасных бригад и их прочих подразделениях был отличный, с многочисленными упорядоченными списками учета личного состава, маршевых подразделений и другими документами, находящимися в ЦАМО РФ. Отчетность бригад по инстанции подробная. В документах штабов военных округов имеются все сводные данные от них с указанием всех номеров маршевых батальонов и рот, дат их формирования, погрузки и отправки на фронт, а также мест их назначения и получателей.

Весомым пластом сведений, выпавшим из рассмотрения органов военного управления, являются данные об ушедших воевать, но не вернувшихся жителях той или иной местности. Речь идет о сводных перечнях

воинов, учтенных бывшими сельскими советами (сельскими администрациями), ФИО которых можно часто увидеть на памятниках и стелах по месту их жительства на селе. Сопоставление этих списков с данными книг призыва в зависимости от территории может привести к неожиданным результатам: 5-10% лиц, кто учтен сельсоветами как призванный по мобилизации и точно погибший (пропавший без вести), и в отношении кого в семьях имеется официальный документ о судьбе, могут отсутствовать в сохранившейся книге призыва военкомата, например, по халатности исполнителя, заполнявшего ее с учетных карточек мобилизованных военнообязанных запаса. Более того, извещение о судьбе солдата из воинской части весьма часто могло миновать военкомат, а вслед за получением его в семье могло не быть потребности в оформлении и получении пенсии. В результате мы имеем факт того, что воин не учтен ни по призыву, ни по судьбе в военкомате, но о нем знают и помнят в семье и сельсовете территории. И как тогда расценивать факт перекройки административного деления в 2004 г. по знаменитому Федеральному Закону № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»? Появились новые укрупненные сельские поселения, которые включили в свой состав от одной до пяти-шести территорий бывших сельсоветов. Поменялись границы, неизбежно добавилось много путаницы в отношении прошлого. Документы бывших территорий сельсоветов хорошо, если сохранены хотя бы в районных архивах. А если нет?

Помимо этого множество военкоматов также укрупнены. Теперь один сельский военкомат обслуживает территории двух-трех районов. Архивы упраздненных военкоматов никаким нормативным документом Минобороны РФ не предписано сохранять оставленным военкоматам. Также не было дано предписаний и по передаче их дел, касающихся Великой Отечественной войны (учет призыва, извещения, учет демобилизации, переписка по установлению судеб, прочее), в местные архивы или краеведческие музеи. Руководство многих музеев, понимая ценность документов, на свой страх и риск договаривалось с руководством упраздняемых военкоматов о негласной передаче наследия в их распоряжение, стремясь хотя бы сохранить то, что обязаны «кровь из носу» хранить военные. Всё это имело место всего лишь год назад.

В практике плановых предвоенных призывов и призывов по мобилизации после начала войны есть еще один нюанс, который имел массу негативных последствий с точки зрения установления солдатских судеб. Его можно даже назвать не нюансом, а **пропастью, куда улетучились сведения о миллионах воинов**. Судите сами.

При плановом довоенном призыве и новобранец, и военнообязанный запаса обязательно сдавали в РВК свой паспорт и военный билет. Этот порядок сохранился и для последующих волн мобилизации в течение всей войны. Взамен изъятого паспорта выдавалась специальная квитанция, в которой указывались фамилия, имя, отчество солдата, военкомат призыва или штаб полка, реквизиты паспорта, ставились число, гербовая печать военкомата (или штаба полка), подпись военного комиссара или командира полка. Корешок квитанции оставался в военкомате. Паспорта по описи сдавались в рай- и горотделы милиции, где их данные заносили в книгу (опись) недействующих паспортов, а сами паспорта уничтожали. Описи паспортов хранились затем так же тщательно, как и бланки чистых паспортов. В случае возврата из армии демобилизованный воин по справке, если она сохранилась, или по описи сданных паспортов мог получить новый паспорт и прописку. Военные билеты сдавались в РВК призыва, где их уничтожали в установленном порядке. После демобилизации воин получал новый военный билет.

В мирное время после сдачи паспорта и военного билета военнослужащим срочной службы (кадровый состав) оформляли *«Служебную книжку для рядового и младшего начальствующего состава Красной Армии»*, введенную Приказом НКО СССР № 171 от 20 июня 1940 г. Однако при выходе части на театр военных действий эта книжка должна была сдаваться через командира подразделения в штаб части, а затем в архив местных органов военного управления. Взамен книжки должен был выдаваться медальон с краткими сведениями о военнослужащем. Но капсул и бланков для медальонов не всегда имелось в достаточном количестве даже для кадрового состава. Вот и получилось, что на фронт прибывало сформированное до войны соединение, подчас не имеющее как полного комплекта медальонов для всего личного состава, так и любых иных документов, могущих исчерпывающе удостоверить личность воина.

Что же выдавалось военнообязанному запаса, призванному по скрытой (до начала войны) и открытой (после ее начала) мобилизации, взамен паспорта и военного билета по прибытии в воинскую часть? НИЧЕГО, кроме эбонитовой капсулы табельного медальона и двойного бланка к нему, если они имелись в распоряжении интендантской службы. Заполнение бланка сведениями о бойце должно было производиться взводными командирами, однако чаще всего эти обязанности выполняли сами солдаты своими неумелыми, трудноразличимыми почерками, кому как придется и чем придется – химическим ли, обычным ли карандашом или чернильной ручкой. Хороший командир при отсутствии эбонитовых капсул и бланков заставлял своих подчиненных заполнять биографическими данными любой подручный

чистый клочок бумаги и вместо капсулы использовать патронную гильзу. В ход шли гильзы от пистолета системы «Наган», винтовки Мосина с вставленной наоборот пулей, а то и немецкие гильзы, дабы отличались они от стандартных имевшихся патронов солдата и могли быть легко найдены похоронщиками. Многим же командирам всё это было «по барабану»...

Медальон фактически до весны 1942 г. являлся единственным предметом, позволявшим хоть как-то идентифицировать солдата.

Таким образом, воин при нахождении на фронте взамен паспорта и военного билета (бланков строгой отчетности с фотографией владельца) не получал никакого аналогичного официального документа, который мог бы подтвердить его личность в период прохождения военной службы. Медальон же, заполняемый рукой владельца, не имел ни фото, ни реквизитов воинской части, где он проходил службу, ни печати штаба этой части и указания фамилии начальника штаба, и, тем самым, не являлся официальным документом. Подлинность данных в медальоне ничем не была подтверждена. А если уж боец терял и медальон, то верно установить личность как у живого, так и у мертвого было невозможно. Миллионы наших соотечественников начали войну и гибли, не имея при себе документов, официально подтверждающих их личность, в отличие от войск противника, где имелись и персональные металлические жетоны, и солдатские книжки у каждого бойца.

Эти обстоятельства, а также факты засылки неимоверно большого количества шпионов немцами во фронтовой полосе, использующих отсутствие официальных документов у красноармейцев, вызвали необходимость подписания Приказа НКО СССР № 330 от 7 октября 1941 г. «*О введении красноармейской книжки в войсковых частях и учреждениях в тылу и на фронте*», а в последующем – и снятие медальонов со снабжения РККА. Полное обеспечение книжками частей Действующей Армии затянулось до конца весны 1942 г. **Соответственно, в начале войны в течение более полугода миллионы наших бойцов фактически были обезличены**, что выпукло проявилось в тексте Приказа № 330:

«Введенная приказом НКО № 171 в 1940 г. красноармейская книжка п.7 этого же приказа отменена для действующей армии. Ввиду этого красноармейцы и младшие командиры оказались на фронте без документов, удостоверяющих их личность... Не может быть сомнения, что немало болтающихся людей в тылах дивизий и армий, одетых в красноармейскую форму, являются агентами противника, передающими сведения о наших частях, борьба с которыми невозможна по причине отсутствия документов у бойцов Красной Армии, чтобы можно было отличить наших людей от агентуры противника... Отсутствие на руках документов у отправляемого на фронт пополнения и убывающих с фронта по эвакуации

*больных и раненых бойцов и младших командиров лишило возможности органы снабжения проверять их обеспеченность обмундированием, оружием, снаряжением и другим видом довольствия... Приказ НКО № 171 от 20 июня 1940 г. отменить... Красноармейскую книжку считать единственным документом, удостоверяющим личность красноармейца и младшего командира. В красноармейскую книжку заносить прохождение военнотружущим военной службы и получение им от военного ведомства предметов довольствия (оружия, снаряжения и обмундирования)» [2].
Лучше поздно, чем никогда...*

Всем гражданским исследователям нужно ясно понимать следующее: ни один из военкоматов не имел никаких прав по самостоятельной отправке призванных по мобилизации воинов на фронт, что из Сибири, что из Белоруссии. Всё происходило только по Директиве, как минимум, штаба военного округа, которая, как правило, появлялась только после получения Директивы из Генштаба. Однако бывали и редкие самостоятельные исключения, когда командующий войсками военного округа на свой страх и риск давал указания по отправке мобилизованных в адрес той или иной пополняемой части, но это касается только штабов Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов. Учитывая вышесказанное, кажущуюся невозможность прослеживания движения бойца от момента призыва из дома к фронту в большинстве случаев можно с полным основанием признать эфемерной.

К чему это? К тому, что теперь со всей ответственностью можно констатировать факт того, что после рассекречивания документов военных округов в ЦАМО РФ прослеживание движения пополнения на фронт в июне-июле 1941 г. и далее по войне от военкомата призыва до дивизии (бригады) на фронте **ВОЗМОЖНО**. В том числе и для отдельно взятого солдата. Одно дело формулировка «пропал без вести» без указания хотя бы региона боев, другое – точное знание района боевых действий и даже конкретных участков линии фронта, где сражалось соединение, в которое попал боец с маршевым подразделением после призыва и отправки на фронт.

Здесь самым сложным для исследования являлся начальный период войны. Почему-то считается, что порядка тогда не было, а имела место сущая неразбериха. **Слава Богу, это вредные иллюзии**. В дополнении к подробному учету движения личного состава в запасных подразделениях существуют многочисленные и весьма точные документы по отправке номерных эшелонов с пополнением, детальные перечни номеров маршевых батальонов и маршевых рот, даты их отправки, места их погрузки, назначения и фактической выгрузки с указанием фронта, армии, дивизии, бригады, принявших пополнение. Движение на восток мобилизованных военно-

обязанных запаса и новобранцев приграничных военных округов также задокументировано, откуда и куда распределили и сколько не удалось призвать из-за быстрого продвижения немцев – тоже известно. Существует масса отчетов областных военкомов, уполномоченных лиц военных округов, и т.д., которые проливают свет на подробности движения огромных масс людей после начала войны.

Разбирался ли кто с этими очевидными вещами? Разобрался ли? Предполагаю, что эти «кто-то» в чем-то разобрались, у нас все узкие места военной истории «расшиты» после тихой работы многочисленных комиссий и порученцев, вся беда в том, что отчеты по «расшитию» недоступны. И если кто и разобрался, скажем, проходя службу в Институте военной истории Минобороны СССР (РФ), то оставил свой труд в его 1-м отделе за семью печатями. А ведь всего-то нужно было дать в 1950–1980-х гг. лишь **5-6 лет для пяти исполнителей, которым были бы предоставлены полномочия по изучению, систематизации и публикации документов от ГКО до полка – и вся армия с флотом от наркоматов до отдельного полка была бы как на ладони.** И люди сгинувшие тоже. Вот тогда и Всероссийская Книга Памяти была бы более достоверной, и ОБД «Мемориал» стала бы завершающей всю работу виртуально-монументальной точкой.

Но не случилось, засекретились сверху донизу (к примеру, Постановления ГКО начали рассекречивать только в 1998 г.). А потому региональные Книги Памяти оставляют желать много лучшего.

Касаясь факта создания удивительного по объему и качеству массива сведений ОБД «Мемориал», прямо нужно сказать следующее. Банк данных подытожит только тот массив персональных сведений, что сохранился в обработанных документах архивов Минобороны РФ. Возможный отказ от обработки именных данных военкоматов (по предвоенному призыву, мобилизации и по потерям), связанный с непредсказуемым объемом средств на это, не позволит уточнить полученную после обработки военных архивов цифру и создать полный именной мартиролог. Почему непредсказуем объем средств на обработку сохранившихся данных военкоматов? Создание того вида ОБД «Мемориал», что имеется сейчас в сети Интернет, потребовало выделения и оплаты 405 млн. руб. в ценах 2007 г. Сведение разнородных документальных данных, которое в рамках ОБД «Мемориал» ныне ведется силами корпорации «ЭЛАР», и определение принадлежности к тому или иному лицу для устранения повторов записей (один человек – несколько источников данных о нем), стоит 150 млн. руб. в ценах 2008 г. Отказ от обработки сведений военкоматов возможен и потому, что это будет стоить десятки миллиардов рублей, коих нет, и потому, что сведения из военкоматов бывших союзных республик теперь недоступны, – база данных с мест будет

заведомо неполной. Безусловно, выстраивать перспективу перед властью и работать в этом направлении нужно в наивной надежде на то, что у властьпредержащих хватит решимости и средств на это. Без этого никак. Но автору статьи представляется, что военно-мемориальную тему тихомирно прикроют вслед за празднованием 65-летия Победы. Поэтому выскажем пожелание: торопитесь выкачивать из ОБД «Мемориал» необходимый документальный материал, пока он есть в сети.

Что имеем в итоге? Жёстко – одно лукавство:

1. Учет прохождения солдатами этапов службы почти везде уничтожили.
2. Книжки призыва по мобилизации составили куцые и неполные, в большинстве своем за период только с 23 июня 1941 г. и позже.
3. Во многих РВК лица, призванные до начала войны в период 1938 – первой половине 1941 г. и встретившие войну в кадровом составе РККА, отсутствуют в книжках призыва по мобилизации в связи с тем, что они попали в армию буквально не в связи с мобилизацией, а по плановому довоенному призыву или направлению. Сие было бы смешно, коль не было бы так грустно, – буквальность эта возмущает до глубины души, когда понимаешь, что чохом позабыли внести в сохраненные источники сведений сотни тысяч бойцов и командиров. В итоги подсчетов многих военкоматов по количеству направленных воевать они не входят. Поэтому **установить точную цифру привлеченных в армию и принявших участие в Великой Отечественной войне воинов, а также погибших и пропавших без вести – невозможно.** Современные сведения о количестве мобилизованных в годы войны (29 млн. чел. по СССР) базируются только на подсчетах в военкоматах данных книг призыва по мобилизации, кои чрезвычайно неполны.
4. Учетные карточки военнообязанных запаса и призывные карты новобранцев также почти не сохранили.
5. Миллионы воинов в начале войны более чем полгода не имели никаких официальных документов, подтверждающих их личности.
6. Учет потерь личного состава в войсках оказался, прямо скажем, паршивым, другого слова не подобрать. Учет движения личного состава (прибытие, убытие) не лучше, особенно в лечебных учреждениях прифронтовой полосы.
7. В результате начали появляться цифры в 20 миллионов, 27 миллионов, кое-кто договорился и про 44 миллиона погибших, уже не разделяя потери личного состава армии, флота и потери гражданских лиц, а причисляя указанные цифры к безвозвратным потерям военных. От спекуляции на цифрах сегодня до извращенной уверенности в них общества завтра – один шаг.

8. От 6 до 8% лиц, ушедших воевать из того или иного региона, не учтены нигде и никак. Первичные источники учета в военкоматах по ним уничтожены, они не вошли в книги призыва, не попали в донесения о потерях из воинских частей, о них не заявили в военкомат родственники после войны, при них не было ни медальонов, ни официальных документов о личности. Установить их судьбы можно только случайно.

9. В 50-х гг. военное ведомство по чьей-то инициативе уничтожило первичный учет рядового состава в военкоматах на местах, своими руками оборвав нити к миллионам судеб. И суди-ряди – в чьем государстве мы живем? В нашем ли? Более сильных ударов по исторической памяти нашего народа, нежели те, что нанесло по ней имевшееся и имеющееся руководство, наверное, не смог бы нанести даже самый подлый враг в открытом бою.

Предметно коснемся **тезисов п. 6**. В нашем распоряжении имеются свежайшие январские (2009 г.) цифры, поступившие в результате обработки документов для ОБД «Мемориал».

К настоящему моменту обработано 10,4 миллиона страниц из 34100 архивных дел ЦАМО РФ, 470 архивных дел ЦВМА, 30590 паспортов воинских погребений.

Всего в ОБД «Мемориал» сейчас включено 23038600 записей. Из них:

а) из донесений о безвозвратных потерях воинских частей – 9078395 записей;

б) из приказов об исключении из списков личного состава (по офицерскому составу) – 1401605 записей;

в) из документов госпиталей и медсанбатов (по умершим в них) – 1203654 записей;

г) из документов по безвозвратным потерям ВМФ – 454107 записей;

д) из документов уточняющих потери (донесения из военкоматов о призванных ими, но не вернувшихся и разыскиваемых родственниками воинах) – 8109860 записей;

е) из поименных списков погребений (учет на местах) – 2411904 записей;

ж) из документов военнопленных – 379075 записей.

Общее количество в 23038600 записей характеризует всё наличие учтенных сведений в обработанных документах, включая повторы записей по отдельно взятым лицам. Известно, что одни и те же лица могут быть указаны в нескольких источниках сведений:

- в донесении о потерях в/ч;
- в списке погребения (паспорт);
- в документах госпиталей и медсанбатов;
- в документах, уточняющих потери;

– в прочих документах (даже в карточках умерших военнопленных).

Сколько может быть двойных повторов? Допустим, 10% записей (весьма мягкое допущение) повторяют уже один раз упомянутых лиц. Вычитаем эти 10%, имеем: $23038600 - 2303860 = 20734740$ записей.

Совершенно очевиден факт того, что возможны повторы три и более раз. Следовательно, количество лиц, учтенных в разных документах более чем два раза, также уменьшает общее количество уникальных записей и приближает нас к искомой численности учтенных поименно безвозвратных потерь личного состава. Допустим, учитывая многообразие учетных документов, что еще 10% записей от общего количества являются третьими-четвертыми-пятыми повторами. Вычитаем и эти записи и получаем общее количество лиц, учтенных один раз (один человек – один или несколько документов по нему) $20734740 - 2303860 = 18430880$ записей. Понятно, что никто из нас и наших воевавших солдат не застрахован от писарских причуд и деяний творческих машинисток, которые могли Ивана Ивановича Иванова превратить в донесениях в кого угодно, но не в настоящего Иванова. От этого не подстраховаться. Будем считать, что в отсеянном количестве записей их «изыски» учтены.

Выявлением и сведением множества разнородных документов к судьбе каждого учтенного конкретного человека как раз сейчас занимаются сотрудники корпорации «ЭЛАР» по заказу Министерства обороны РФ.

Количество в 18430880 сведенных без повторов записей можно с некоей долей уверенности принять в качестве **опоры в расчетах**. Данные лица точно учтены в документации военного ведомства – кто-то всего один раз, кто-то несколько раз, но в нашем исследовании мы теперь имеем право **предполагать** о том, что это количество лиц учтено **ОДИН** раз, и каждая запись о каждом из них уникальна. Оговорюсь, что цифра получена с указанными выше допущениями и не может рассматриваться критиками в качестве категоричных утверждений автора этих слов. Цыплят сосчитаем «по осени», т.е. после завершения работ корпорации «ЭЛАР».

А пока внимательно посмотрим на данные Минобороны РФ и сравним их с нашей опорной цифрой уникальных записей в 18430880 чел.:

1. Воинские части при ведении боевых действий документально учли не более 49,3% своих военнослужащих (9078395 : 18430880), в том числе какую-то часть повторно. Предположим, что в общей сумме документального учета 9078395 чел. не менее 5% (если не более) составляют повторы записей по 2-3 раза по одним и тем же лицам. Соответственно, доля документального учета в войсках сократится примерно на 453920 чел. ($9078395 \times 0,05$) и составит $9078395 - 453920 = 8624475$ чел. И тогда в процентном выражении количество действительно учтенных в войсках один раз потерянных воинов

составит не более 46,8% (8624475 : 18430880). Если, как и выше, при оценке общего количества записей ОБД «Мемориал», мы оценим количество возможных повторов в войсковом учете потерь в 10 и более процентов, то тогда его статистика станет еще хуже – менее 43%.

2. Очевидно, когда реальный объем учета потерь в войсках был предъявлен руководству НКО и страны, и ясно представилась пропасть между объемом их документального учета, численностью войск по списку, учетными данными военкоматов и убылью населения после окончания войны (данные прописки), тогда и родилась Директива Главного Штаба Сухопутных Войск Советской Армии № орг/4/751524 от 24 апреля 1946 г. – так называемая Директива о «подворном опросе» по воинам, не вернувшимся с войны [3]. Директива предписывала военкоматам призыва в массовом порядке собрать данные о воинах, связь с которыми была утрачена в период Великой Отечественной войны, и оформить эти сведения не на индивидуальных бланках, а на «простынях» формата А-3, где построчно должны были быть сгруппированы необходимые биографические сведения о не вернувшихся и, по возможности, адреса и даты отправки воином последнего известия. Военкоматы многие десятилетия после войны продолжали исполнять положения этой и уточняющих ее более поздних Директив Генштаба и посылали в Управление (затем отдел) по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержантского состава (далее Управление) свои многочисленные донесения. Вели огромную переписку и на горизонтальном уровне между собой, уточняя судьбы миллионов воинов.

Начало этому процессу было положено еще во время войны, когда родственники уже с 1942 г. сигнализировали и напрямую Верховному Главнокомандующему, и по инстанции через военкоматы призыва о том, что с их мужем, отцом, братом, сыном пропала письменная связь. Военкоматам давались полномочия оформлять такие запросы на официальных бланках и отправлять их в Управление. Управление при отсутствии сведений из войска о судьбе воина (минимум в течение двух лет) принимало официальное решение о пропаже без вести бойца, и с весны 1944 г. семьям этих лиц, если по иным условиям им была положена помощь, стали выплачивать пенсии по потере кормильца. Эти индивидуальные донесения из военкоматов и стали первыми документами, составившими пласт сведений, уточняющих потери. К ним же причислены поступившие в регионы из воинских частей и не врученные родственникам извещения о судьбе воинов, которые ввиду отсутствия родственников или из-за неверного оформления были отправлены региональными военкоматами в Управление по учету потерь или в Главное Управление кадров НКО для принятия воинов на учет потерь и выноса решения о судьбе самих извещений.

Как видно выше, объем записей в этом блоке данных составил огромную цифру в 8109860 чел., в том числе какую-то часть повторно. Предположим, что в общей сумме также не менее 5% составляют повторы записей по 2-3 раза. Отнимем эти повторы ($8109860 \times 0,05 = 405493$) и получим, что 7704367 чел. учтены по одному разу. Опять же, если мы оценим количество возможных повторов в десять и более процентов, тогда получим более негативный результат.

3. Суммируем численность по пп.1 и 2 и получаем $8624475 + 7704367 = 16328842$ чел., учтены поименно каждый один раз по документам учета потерь войск и военкоматов.

4. Добавим сюда и безвозвратные учтенные потери ВМФ – 454107 записей. В связи с их относительно небольшим количеством поправку на повторы вносить не будем. Всего получаем $16328842 + 454107 = 16782949$ записей.

5. Сопоставим опорное число уникальных записей 18430880 чел. и определим его невязку в процентное соотношение с суммой документального учета безвозвратных потерь 16782949 чел. по трем основным категориям: $(18430880 - 16782949) : 18430880 = 9\%$.

С учетом заведомой приблизительности вычислений наши подсчеты дали невязку всего около 9%. Практически очевидно, что **основными именными списками из в/ч, РВК и ВМФ** военное ведомство недоучло 9% (1647931 чел.) от общей возможной численности людских потерь армии и флота в 18430880 чел. Иные источники сведений по другим категориям учета дополняют эти данные. А если взять цифры только по войсковому учету и ВМФ ($8624475 + 454107 = 9078582$) без послевоенных уточняющих сведений РВК, то брешь в учете непосредственно при ведении боевых действий составляет: $(18430880 - 9078582) : 18430880 = 50,8\%$.

Это дает полные основания сказать так, как сказано в части первой настоящей статьи и повторено выше в п.6: **«Учет потерь личного состава в войсках оказался, прямо скажем, паршивым, другого слова не подобрать. Учет движения личного состава (прибытие, убытие) – не лучше, особенно в лечебных учреждениях прифронтовой полосы»**.

Почему не введены в расчеты цифры других категорий учета записей ОБД «Мемориал»? Причины простые: сведения из приказов об исключении из списков личного состава (по офицерскому составу), из документов госпиталей и медсанбатов (по умершим в них), из поименных списков погребений (учет на местах) и даже из документов военнопленных в подавляющем большинстве случаев учтены в трех основных проанализированных категориях:

1. Военнопленные в значительной своей массе учтены как пропавшие без вести как по документам о потерях воинских частей, так и по документам, уточняющим потери. Лица, отсутствующие в учете и там, и там, ситуацию в корне не меняют, если иметь в виду небольшой учетный объем именных данных о военнопленных (379075) в сравнении с 5059000 воинами, учтенными в качестве пропавших без вести, в том числе 4559000 воинами, оказавшимися в плену [4].

2. Офицеры, кто учтен в приказах Главного Управления кадров НКО об исключении из списков личного состава, в своем большинстве учтены в донесениях о потерях из воинских частей или в уточняющих донесениях из РВК. Те, кто не учтен в них, и чей факт учета через Приказ ГУК НКО уникален, также вряд ли кардинально изменят вышеприведенную статистику в силу сравнительно небольшой своей доли. А ведь есть и небольшое количество офицеров, кто до сих пор не учтен нигде, и о ком помнят (если помнят) только в семьях их потомков.

3. О дублировании информации можно сказать и в отношении сведений госпиталей и медсанбатов – таких же в/ч, как и любые другие, подававших именные и цифровые донесения о безвозвратных потерях, как и любая другая в/ч, зафиксированные в массиве войскового учета потерь.

Кстати, немалую пищу для размышлений дают и эти цифры по лечебным учреждениям. Согласно данным авторского коллектива книги «Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил» [5], в категории «Умерло от ран в госпиталях» (будучи эвакуированными из фронтовой полосы) значится 1100327 человек [6]. В ОБД «Мемориал» после окончания ввода сведений книг учета умерших и погребений по госпиталям и медсанбатам имеется 1203654 записи. И что же – кто-то захочет всерьез заявить о полноте этих записей? Тогда этот «кто-то» должен основательно доказать следующее – в медсанбатах и на путях санитарной эвакуации в прифронтовой полосе умерли от ран всего лишь $1203654 - 1100327 = 103327$ чел. или всего 12% от умерших в тыловых госпиталях. Не бывает этого, никак, нигде. Эти потери всегда сопоставимы, если медсанбатовские не больше. Потому-то в войсках в цифровых донесениях об этих потерях их и не отделяют от убитых в бою, а числят всегда вместе – «Убито и умерло на путях санитарной эвакуации». Стало быть, имеющееся количество в 1203654 записи явно не соответствует реальной действительности и не облакает всех умерших в лечебных учреждениях военнослужащих. Это количество на самом деле много больше.

В довесок. Как-то один питерский функционер на ухо заинтересованного слушателя сказал следующее (источник этих сведений по понятным причинам указывать не будем, скажу только, что он издан тиражом в 1000

экз.): в архив военно-медицинских документов за период войны не поступили сведения от 1/3 всех лечебных учреждений РККА и РКВМФ. Если взять известную цифру одних только эвакуационных госпиталей (около 6300 с учетом двойных и тройных формирований под прежними номерами, крайний номер госпиталя по учету дел по потерям в ОБД – 6076), то получается, если верить функционеру, что не отчитались по умершим в них по меньшей мере около 2100. За время войны погибло 117 госпиталей, понесли большие потери и расформированы – 17, пропали без вести – 14, судьба не установлена – 79, всего 227 [7]. С ними понятно – их документы по определению имели слишком много поводов погибнуть. А остальные медики и штабисты куда смотрели? В справочнике дислокации лечебных учреждений, опубликованном на сайте soldat.ru уже 6 лет, крайний учтенный составителями номер эвакогоспиталя – 6019. Его дислокация – Днепропетровск с 01.04.44 по 18.09.45. Нет его книг погребения на хранении, потому и нет данных из них в ОБД «Мемориал». У госпиталей в диапазоне номеров 6000-6018, сформированных в Ворошиловградской области весной 1944 г., также нет ни одной книги погребения по умершим в них воинам.

В диапазоне номеров 5900-6000 (101 эвакогоспиталь) книги учета умерших отсутствуют у 84 госпиталей. Они созданы в Тамбовской, Свердловской, Пензенской, Ворошиловградской, Молотовской, Харьковской областях и Башкирской АССР с августа-сентября 1943 г. Половина их переместилась вслед за войсками на Запад ближе к фронту в 1944 г. **В них почти за два года войны все поступившие раненые и больные остались живы?** Вряд ли.

Вывод тот же: имеющееся количество в 1203654 записи по учету умерших в лечебных учреждениях явно не соответствует реальной действительности и не учитывает всех умерших даже в одних только тыловых эвакуационных госпиталях. Что уж говорить про «полноту» сведений о потерях в медсанбатах!

Интересующихся направим к ОБД «Мемориал» – можно самостоятельно проверить наличие или отсутствие книг учета умерших именно по госпитальному учету в указанном диапазоне номеров. Разработчики ОБД «Мемориал», имея подробные описи дел лечебных учреждений с учетом умерших, в состоянии произвести точную оценку их наличия. Это займет максимум неделю для одного исполнителя при работе вручную. Хотелось бы увидеть эти цифры. Сколько лечебных учреждений не сохранили свои учетные документы? 1/3 или больше?

Что касается медсанбатов, то характерным для общей картины является частный пример. Забегая вперед, скажем, что ниже по тексту даны результаты анализа документов 139 стрелковых дивизий (номера 221-300 стрелковых

дивизий (далее сд) всех формирований). Из них 60 сд вообще не имеют документов по учету личного состава, в том числе его потерь. Соответственно, минимум 45 из медсанбатов, т.е. более 32% от проанализированных сд, не сдали документы по умершим в них воинам. Сходится и тут, а ведь пример собран, что называется, «на коленке»...

Вернемся к анализу общих показателей. Разница в 9% (1647931 чел.), которая учтена дополнительными источниками учета потерь, ничего утешительного для нашего сознания не дает. Она не улучшает картину учета потерь личного состава непосредственно в войсках при ведении боевых действий, а ухудшает ее. Ибо точный учет лиц, дат и мест погребения можно осуществить только по «горячим» следам. А если производить учет спустя несколько месяцев, кварталов или даже лет, то и получится вместо точного места гибели воина – «Мурманское направление», «Ленинградская область». И всё, больше ничего в документах не сыскать, потому как не вспомнить уже никому из штабистов спустя срок – где кого смерть настигла. Таких документов в ОБД «Мемориал» теперь тысячи. Чего только стоят сданные в архив аж в 1952 г. донесения о потерях 59-й и других армий, оформленные за период января-февраля 1944 г. и позже. Самой 59-й армии уже 7 лет как не стало, донесения созданы при ее расформировании летом 1945 г. по периоду учета, который отстоял от даты создания донесения на 1,5 года! Но и в 1945 г. они не попали в архив, залежались в венгерских кладовых Центральной группы войск. Поищите в ОБД, например, донесение по 80 сд (2ф) за указанный период. Попав на него и полистав на экране «увесистый» фолиант с данными нескольких дивизий, а, особенно посмотрев в начале его «сопроводилровку», вы всё поймете.

Судите сами: учет потерь в войсках без повторов составил 8624475 чел., опорная цифра уникальных записей в ОБД «Мемориал» (также без всяких повторов) 18430880 чел., соотношение составляет всего 46,8%. Из рук вон!

Другими словами: принял лейтенант роту в 100 человек при формировании, из них он спокойно 53 человека может сразу вычеркнуть из жизни и людской памяти, не опасаясь последствий, – всё равно система первичного войскового учета больше «не потянет»!

Жёстко сказано? Не жёстче сделанного!!!

Дополнительные записи в ОБД «Мемориал» из других категорий также красноречиво свидетельствуют о халатности исполнителей в воинских частях. Конечно, и фронтовая ситуация в каждом конкретном случае тут играла существенную роль, но как же много всё-таки зависело от исполнителей! Кто мешал после Победы при расформировании 152 сд, 51 ск и 30 армий в июне-октябре 1945 г. всё аккуратно оформить и сдать в архив хотя бы даже за крайние перед Победой месяцы? Тут уже тебе ни окружений, ни

отступлений, ни бомбежек, одни светлые будни, пиши вволю! Не случилось этого в штабах немалого количества расформированных соединений.

Да уж: «Жесткость законов в России смягчается необязательностью их исполнения». Вот потому-то авторский коллектив вышеназванной книги смог «наскрести» по сусекам официального **цифрового учета** всех видов и форм всего 11444100 чел., документально подтвержденных цифровыми донесениями армий, фронтов и других источников безвозвратных людских потерь. И стоит на этой цифре намертво как на истине в последней инстанции! Подчеркнем – это количество документально зафиксировано в качестве общих безвозвратных людских потерь, но настоящие демографические потери, согласно данных авторов, еще меньше за счет действительно достоверных цифр:

а) военнослужащих, ранее находившихся в окружении и учтенных в начале войны как пропавшие без вести (вторично призваны в армию на освобожденной территории) – 939700 чел.;

б) вернувшихся из плена после войны советских военнослужащих (по данным органов репатриации) – 1836000 чел.

Результат исследований авторского коллектива – лишь 8668400 человек военнослужащих [8] действительно погибло за период Великой Отечественной войны и войны с Японией (на всякий случай ремарка: по новой исторической методологии периодом Великой Отечественной войны теперь считается срок с 22 июня 1941 г. по 11 мая 1945 г.; ранее включавшаяся в это определение война с Японией теперь учитывается как самостоятельная). И точка!

Но если мы имеем 23038600 записей в ОБД «Мемориал» на сегодняшний день, то неужели кто-то всерьез будет утверждать (а такие находятся!) о том, что **14370200** записей в ней (23038600 – 8668400) повторы? **Более 62%?** Полноте, товарищи, – если использовать вашу логику, стало быть, и в 9078582 записей по донесениям о безвозвратных потерях воинских частей и ВМФ за период войны тоже 62% повторов?

Авторы упомянутой книги сами же не дают простора для такого досужего заключения о повторах:

– убито и умерло от ран [9] на этапах санитарной эвакуации (по донесениям войск) – 5226800 чел.,

– умерло от ран в госпиталях – 1100327 чел.,

– пропало без вести, попало в плен (по донесениям войск и сведениям органов репатриации) – 3396400 чел.,

– неучтенные потери первых месяцев войны (погибло, пропало без вести в войсках, не представивших донесения) – 1162600 чел.

Итого, 10886127 чел. потерь учтено документами и оценено при анализе численного и боевого состава войск на дату последнего донесения о них. **Вывод однозначен: нет тут места для 62% повторов, никак нет.** И сделан этот вывод не автором статьи, а фактически авторами указанного труда. Максимум, на сколько за счет неверно учтенных убитыми или пропавшими можно уменьшить эту цифру после уточнения потерь (как это обычно бывает по исходу месяца или квартала боев в отделах укомплектования штабов армий и фронтов), – процентов на 5-7, не более. **Но не на 62!**

Кого же мы в Поиске тысячами поднимаем на бывших полях боев, из кого почти всегда более 70% (тех, чьи имена устанавливаем) – пропавшие без вести, в лучшем случае учтенные лишь по послевоенным донесениям военкоматов? И если воинский учет был нормален, тогда почему же в сохранных воинских погребениях учтено всего 2411904 чел.? В них поименно учтено погребенными не более 18-20% от реального количества погибших бойцов в КАЖДОМ регионе.

Где остальные – действительно погибшие и, быть может, частично учтенные численно, но не поименно в регионах боевых действий?

– в рамках повсеместно проводившихся мероприятий на всей «боевой» территории СССР в специально запаханых бульдозерами в 1950–1980-х гг. на бывших полях боев окопах, воронках, блиндажах (как на Синявинском поле – в них оставлено около 10000 чел. при общих безвозвратных потерях в боях за него в 45000 чел.); на это поле по высочайшему распоряжению после войны навезли из-под Малуксы свежего песка да и засыпали всё поле боя ровным слоем примерно в один метр, организовали совхоз «Мгинский» и он все годы, несмотря на статус мемориальной зоны, вплоть до 2000 г. сеял там то картошку, то капусту; выветривание и культивация за четыре десятка лет привели сейчас к тому, что от метрового слоя песка осталось сантиметров 70; два раза уже на это место покушались новые «русские», пытаясь построить то «курятник» по Национальному проекту, то «нужник» Санкт-Петербурга (свалку); одних только дивизий и бригад, оставивших своих бойцов на этом поле в разное время, насчитывается 38 (11, 13, 18, 43, 45 гв., 63 гв., 64 гв., 80, 86, 90, 120, 123, 124, 128, 142, 147, 189, 196, 224, 239, 256, 268, 364 сд, 11, 55, 56, 73, 102, 123, 137, 138, 140, 142 осбр, 16, 61, 98, 152, 220 тбр);

– на снесенных бульдозерами официальных полковых, дивизионных и гражданских кладбищах в городской или сельской черте (строители или благоустроители постарались с тихого согласия равнодушных властей) [10];

– в ставших безвестными и утраченными без обновления памятников в городах, селах, полях, лесах, горах и болотах тысячах братских могил, кото-

рые учтены в архиве, но не зарегистрированы в 1960-х – начале 90-х гг. в военкоматах (многие тысячи примеров повсюду);

– в огородах у сердобольных или ничего не знающих об этом селян (половина убитых в январе-феврале 1943 г. бойцов 224 сд (2ф) – около 2000 чел. и около 1000 чел. 63 гв., 11, 90, 142 сд – лежат в огородах дачного поселка «Платформа 11-й км» в Кировском районе Ленинградской области);

– безвестно даже в городской черте, например, под футбольным полем городского стадиона в центре г. Кировска той же области лежит 20000 чел., карта за июль-август 1943 г. с указанием места погребения находится в фонде документов 67-й армии);

– на территориях промзон предприятий (пример – промзона 8-й ГЭС в Кировске, карта погребения в указанном выше фонде) или территорий, отведенных для их отходов («зольники» той же 8-й ГЭС на Невском пятачке);

– на территориях мемориальных зон, памятных мест и даже величественных мемориалов вне зон официальных погребений (Невский пятачок, Синявинские высоты);

– на личных подворьях граждан (485 бойцов 12-й олбр лежат в четырех ямах без памятного знака на выкупленной частной территории фермерского хозяйства бывшего работника Кировского РК КПСС прямо в насыпи берега Ново-Ладожского канала у тригопункта с отметкой 8,9; хозяин знает об этом);

– под известными и ухоженными памятниками, если сведения об учете погребенных под ними воинов в военкомате «проворонили» так или эдак – примеров на эту тему несметное количество во всех регионах; весьма часто это случалось при фиктивных переносах погребений и «подхоронах» в сохраняемых местах;

– или просто на поверхности бывших полей боев не погребенными, хотя за них могли исправно отчитаться наверх о похоронах в войну.

Еще не обработаны все документы по потерям Центрального Военно-Морского архива Минобороны РФ, архива военно-медицинских документов Военно-медицинского музея Минобороны РФ (исключая переданные в ЦАМО РФ и введенные в ОБД «Мемориал» книги учета умерших в лечебных учреждениях – 1203654 записи). В одном из хранилищ ЦАМО РФ до сих пор лежат неразобранными в пачках около 500000 (Пятьсот тысяч!) карточек советских военнопленных, погибших в немецком плену (в Минобороны РФ знают об этом). Можно сделать предположение о том, что добавление к ОБД «Мемориал» после обработки этих документов составит еще около одного миллиона записей о лицах, учтенных именными списками в безвозвратных потерях. И если 64% от новой цифры в 24 миллиона записей – повторы (как некоторые утверждают) и принять на веру эту цифру, то **каким тогда назвать**

персональный учет войсковых потерь у нас в стране при 15,3-то миллионах повторов?

Прямой смысл задуматься – с официальными цифрами безвозвратных потерь что-то не так. Имен в мартирологе ОБД «Мемориал» явно больше, чем учтено цифрами в военном ведомстве по всем источникам донесений.

Еще факт. После проведения многолетней работы сотрудников 9-го и 11-го отделов ЦАМО РФ по выявлению повторов в хранящихся картотеках безвозвратных потерь личного состава (по солдатам, офицерам и генералам) общее количество уникальных именных карточек на 1 января 2007 г. составило чуть более 13,6 млн. без потерь ВМФ и войск НКВД («Военно-исторический архив». – М., 2006. – № 12. – С. 71). И тут перебор над официальными цифрами демографических потерь.

Вероятно, вряд ли кто из исследователей проводил полный анализ характера учета потерь личного состава (да и просто учета личного состава и его сохранности) по основным войсковым формированиям, имевшим максимальное количество непосредственно воевавшего личного состава: дивизиям, бригадам, полкам, самостоятельным отдельным батальонам, входившим в состав Действующей армии. Дарю страждущим конкретного дела тему для докторской диссертации, кандидатский уровень для этого мелковат. Пласт работы – ответственнейший, автор диссертации впервые сможет объективно назвать вещи своими именами, подкрепляя их выкладками и многими тоннами исторической руды. Несколько цифр для иллюстрации. Вашим покорным слугой проанализированы архивные фонды документов по учету личного состава 139 стрелковых дивизий в диапазоне номеров от 221 (1-го формирования) до 300 (2-го формирования) включительно за период войны. Из них в ЦАМО РФ вообще отсутствуют документы по учету как потерь личного состава, так и просто по его учету – у 60 сд (221, 223, 224, 226, 228, 229, 230, 232, 233, 235, 238, 242 – все 1-го формирования, 242 (2ф) – до гсд, 244 (1ф), 247 (1ф), 248 (1ф), 248 (2ф), 249 (1ф), 249 (2ф), 253 (1ф), 253 (2ф), 255 (1ф), 255 (2ф), 257 (1ф), 257 (2ф), 258 (1ф), 258 (2ф), 258 (3ф), 260 (1ф), 264 (1ф), 264 (3ф), 264 (4ф), 266 (1ф), 266 (2ф), 267, 270, 273, 277, 278 – все пять 1-го формирования, 278 (2ф), 278 (3ф), 279 (1ф), 280 (1ф), 280 (2ф), 282 (1ф), 284 (1ф), 284 (2ф), 284 (3ф), 289 (1ф), 292 (2ф), 293 (1ф), 293 (2ф), 295 (1ф), 296 (1ф), 298 (1ф), 298 (2ф), 298 (3ф), 299 (1ф), 300 (1ф), 300 (2ф)). Отсутствуют учетные документы обеих категорий за периоды от пяти месяцев до трех лет войны – у 18 сд (236, 244 (2ф), 251, 252, 256, 259, 260 (2ф), 262, 265, 269, 271, 272, 276, 279 (3ф), 283, 287, 288, 295 (2ф)). Буква «ф» в скобках означает формирование, цифра при ней – номер формирования за период войны. Не надо удивляться – 264 сд

имела четыре формирования за войну, не связанные друг с другом ничем, кроме общего номера.

Еще немного простых подсчетов по 60-ти сд, не оставившим документов, – даже если в них **без учета пополнения** выбит только один штатный состав в 10-14 тыс. чел., то по меньшей планке получаем неучтенность судеб там, где она обязана быть – в архивных фондах соединений, как минимум у 600 тыс. чел. Многовато будет!

Учтем, что всего в РККА за войну состояло более 1300 дивизий (без учета авиационных) и более 1500 бригад всех видов и форм. Сколько же соединений не имеет в архиве персонального учета личного состава и его потерь? Сколько отдельных лыжных, инженерных и дорожных всех видов, связи всех видов, танковых, автомобильных, ПВО всех видов, гужтранспортных, мотострелковых, пулеметных, артиллерийских и смешанных, разведывательных, штрафных, штурмовых и прочих батальонов также остались без него? Вот это и есть тема для докторской диссертации молодого напористого соискателя. Дерзайте, неугомонные, делайте себе имя!

В РККА были дивизии, через которые прошло и 35, и 45, и 55 тысяч и более человек за войну: в 307 сд 48221 чел. числятся в безвозвратных и санитарных потерях, а сколько их прошло через дивизию – вообще сказать трудно. 185 сд (и мд) – безвозвратные потери составили 12784 чел., санитарные – 29243 чел. Для сравнения: в 13 сд (2ф) безвозвратные (без санитарных) потери за войну составили 11390 чел., а всего прошло через нее по спискам учета личного состава 58825 чел.

Следует отдавать себе отчет в том, что до самого последнего времени не существовало ни Интернета, ни ОБД «Мемориал», были только данные бумажных документов о потерях в фондах № 58 и 33 ЦАМО РФ. Только в них, если в фондах соединений и полков не находилось никаких именных данных, можно было надеяться установить персональный перечень погибших и пропавших без вести воинов. Тем и занимались многие тысячи исследователей, посещая ЦАМО СССР долгие годы и вручную выписывая в рабочие тетради десятки тысяч персоналий из содержимого увесистых томов 9-го отдела. Это только сейчас стало куда как «кучеряво» – нажал на компьютере пару кнопок при заходе в сеть, нашел сайт ОБД «Мемориал», загрузил начальную картинку – и вводи в строку поиска искомые выражения хоть по именным данным, хоть по номерам и статусам соединений. Система выдаст ответ, если он есть в базе данных, и покажет высококачественные сканы из тех самых увесистых томов 9-го отдела форматом от А-5 до А-3. Копируй тысячи листов донесений воинских частей, верстай собственные исследования, планируй экспедиции, пиши очерки и рассказы – вольному

воля, когда есть такой мощный фундамент! Об этом в предыдущие годы можно было только мечтать.

Поэтому никто из исследователей прошлых лет не мог с полной ясностью представить себе объем учета потерь в СССР в персональном выражении. У каждого был свой шесток – свой район работ, свой памятник или мемориал, своя мемориальная зона или музей, где корпел наш исследователь в советское время и собирал сравнительно небольшой, по сравнению с общим объемом армейских и флотских потерь, мартиролог героев, погибших на его территории.

Пришли новые технологии, время и знания. Появились бьющие наотмашь общие цифры объема именных записей ОБД «Мемориал». Возникли и разительные нестыковки этих цифр с официальной численностью людских демографических потерь. Первая мысль о причине этого – хромала сама система цифрового учета потерь. Или исполнители ввали напрапалую. Чего тут больше? А если первое еще и усугублялось вторым?

По крайнему сохранившемуся донесению от соединения можно оценить его численность перед боями, в которых оно погибло. То же и по армии, и по фронту, просто чуть больше времени нужно потратить. Приход пополнения также фиксировался отделами укомплектования. Численность соединения по списку после окончания боев, если оно сохранилось и представило донесение о боевом и численном составе, и разница с донесением, поданным до начала боев, с учетом пополнения (если оно было) дает достоверную численность потерь личного состава. Что же тут сложного? Ее можно спустя время уточнить, если позволят обстоятельства, но при всяком раскладе – это элементарный метод для штабиста средней руки. А вот подпишет ли он такое донесение?

Понятно, что всех числившихся в войсковом формировании бойцов после поражения будет справедливо учесть потерянными, по крайней мере, пропавшими без вести в цифровом донесении о потерях. Подкрепить их именными списками при почти полном отсутствии учета личного состава или гибели учетных данных было весьма сложно. Позаботиться о них было уже некому. Но достоверные цифровые данные о потерях в войну можно же было оформить и представить.

Однако и цифровые донесения, оказывается, подчас никуда не годились. Начальник штаба Северо-Западного фронта (СЗФ) генерал-майор Н. Ватутин в сентябре 1941 г. представил донесение о количестве потерь войск фронта сразу за три месяца войны. Всего на 83000 чел. (всех категорий – и безвозвратных, и санитарных, и прочих потерь), причем, в фонде документов СЗФ других цифровых донесений за эти три месяца (июнь, июль, август, часть

сентября) попросту нет. Не сохранились, даже если были. За три месяца с фронтом чего только не произошло, людей было потеряно во много раз больше, чем учтено в донесении Н.Ватутина. Только в шести почти полностью разбежавшихся кто куда прибалтийских дивизиях (179-184 сд) насчитывалось не менее 65-70 тыс. чел. Кого-то сумели учесть как сдавшегося немцам или дезертира, а большинство просто забыли, учетные документы утратили. Эти дивизии пополнили русскими, которые также понесли многочисленные потери к моменту составления донесения. Как не сказать о десятках других соединений фронта, пребывавших в отчетный период в его составе и погибших или потерявших каждое не менее 80-90% своей первоначальной численности, а некоторые и по 1,5 полного состава к исходу сентября:

5, 10, 11, 16, 23, 33, 48, 67, 70, 90, 111, 118, 125, 126, 128, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 235, 237, 245, 254, 256, 257, 259, 262, 305 сд, 25, 54, кд, 2, 3, 5, 23, 28, 42, 46 тд, 84, 163, 185, 202 мд, 5 вдк в составе 9, 10, 201 вдбр, 1 огсбр, 3 осбр, 25, 41, 42, 44, 45, 46, 48 УР, 9 и 10 абр ПТО, 11 отдельных артполков, 22 сд НКВД – это перечень войск уровня дивизия – бригада – отдельный полк, находившихся в разное время в составе Северо-Западного фронта в период июня-сентября 1941 г. и понесших огромные безвозвратные потери, установить которые численно можно только расчетным методом, т.е., зная их численность на момент ввода в бой, установив количество пополнения, влитого в каждое соединение на момент расчета (это несложно сделать по документам фронта), и зная численность по списку на тот же момент. Даже если представить, что в стрелковые дивизии в боях не вливалось пополнение (а оно вливалось многими тысячами в каждую), а общие потери в каждой из них оценить всего лишь в 6000 чел. (убитые, раненые, пропавшие без вести, прочие), то даже при таком поверхностном расчете мы выходим на число в 180 тыс. чел. потерь (30 сд x 6000). Но потерь-то в стрелковых дивизиях было еще больше, по 10-12 и более тысяч человек с начала боев, а с дополнением в расчет кавалерийских, танковых, моторизованных дивизий, отдельных бригад и УРов всего насчитывалось 58 соединений. Ай, да Николай Федорович!

Нет учета – нет и донесений, ни цифровых, ни именных, вернее, **очень мало именных донесений** и по сравнению с заявленным в несколько раз заниженным количеством в 83000 чел. общих потерь, и в сравнении с реальными количествами безвозвратных потерь. Зияющую брешь в именованном учете потерь на СЗФ частично заполнили после войны донесения военкоматов о не вернувшихся воинах (большой частью без указания номера в/ч), частично Приказы ГУК НКО, частично госпитальные сведения. Но не первичный войсковой учет.

До 4 февраля 1944 г. действовало «Наставление по учету и отчетности в Красной Армии», введенное Приказом НКО № 450 [11] от 9 декабря 1940 г. Оно Приказом НКО № 023 [12] от 04.02.1944 было заменено на «Наставление по учету личного состава Красной Армии (в военное время)». Персональный учет в соответствии с этими документами фактически был предназначен для так называемой обычной боевой обстановки, когда оперативно-стратегическая ситуация спокойна и когда основой отчета высшей инстанции являются последовательные доклады нижестоящих структур. **В условиях стратегических поражений этот метод недостоверен.** Особенно при гибели соединений и объединений, когда никто из их руководства не представлял сведений о действиях подчиненных войск и их потерях. В результате рождались документы, **формально основанные на донесениях сохранившихся войск снизу вверх и соблюдавшие заведенный порядок, но катастрофически не отражавшие реальное положение дел с потерями.** За не подавшие свои сообщения части и соединения в донесениях делались примечания: «Донесения не поступили» или «Потери уточняются». И всё – «проехали» в большинстве случаев и забыли. Подать официальное донесение было некому, а расчетный метод подсчета потерь не применялся, поскольку не был предусмотрен Наставлениями. Командование, стало быть, ничего не нарушало, а реальная суть событий, даже катастроф, лукаво скрывалась. Однако шила в мешке не утаить.

Как иллюстрация – еще одна нередкая подробность войны с нашей стороны. Представим себе дивизию, ведущую бои на каком-то участке. В первую декаду отчетного месяца она представляет донесение о потерях в штаб армии, в которую входит составной частью. Фронтное руководство во второй декаде передаёт эту дивизию в другую армию, на другое направление. В течение второй декады дивизия так же, на том же участке несёт потери и лишь к концу её передислоцируется на новое место. Донесение о потерях за третью декаду представляется в штаб новой армии. Донесение же о потерях за вторую декаду не представляется никому: из первой армии дивизия уже ушла, во вторую ещё не пришла, вернее, данные о потерях за вторую декаду новую армию не интересуют. Данные повисают в воздухе и чаще всего нигде не учитываются – ежедневная смена обстановки мешает этому. В качестве примера можно привести Волховский фронт: 46 сд в феврале, а 376 сд в январе 1942 г. во время проведения Любанской операции. Общее количество неучтенных безвозвратных потерь только в этих двух дивизиях составило 3472 чел.

Так-так, вот они, дырки-то учетные!

Немцы после войны 20 лет вели обобщающую кропотливую работу по сбору учетных данных по всем своим подразделениям, составив списочные составы вплоть до каждой роты и взвода за все годы войны. Имея помимо приказов частей по личному составу на прибытие-убытие еще и массив дублированных сведений о движении опознавательных солдатских жетонов (составлялись один раз в пять суток), полномочные лица объехали все города и веси Германии и не только ее и методично уточнили через уцелевших бойцов тех или иных погибших взводов, рот, батальонов, полков и дивизий – куда кто делся: «Курт Штайнер 2-4 марта 1943 г. был еще среди вас или пропал в этот период? Если пропал, то где?». А если никто из бывших сослуживцев точно не мог вспомнить – когда и где пропал Курт Штайнер и в какой день между 1 и 5 марта (днями учета жетонов – на 1 марта он в подразделении, а 5 марта его уже нет), то такому пропавшему немцу присваивали учет его судьбы по ее общности с судьбами других бойцов, кто обладал хоть какой-то долей ясности. Например, если пропал Иоганн Вольф из той же 4-й роты 412-го пехотного полка, что и Курт Штайнер, 2 марта 1943 г. в районе между населенными пунктами Sinavino и Gontowaya Lipka, то и Курту Штайнеру, поскольку и он, и его жетон делись неизвестно куда к 5 марта, по общности судьбы записывали – пропал без вести в районе восточнее Sinavino 2 марта 1943 г. А если взять в военном архиве карту расположения подразделений 412-го полка на март 1943 г., то мы увидим точное место либо его безвестной гибели в бою с нашими войсками в болотах опорного пункта немцев в «Роще Круглой» Ленинградской области, либо пленения с последующей гибелью где-то там же. И за 20 лет этой работы от 2,4 млн. пропавших без вести у немцев осталось всего 80 тыс. и почти все с указанием точных дат и мест пропажи, а также частей и соединений. Более того, когда у нас началась так называемая «перестройка», а потом и развал Союза, они сразу же проторили дорожку в наш Генштаб. Вероятно, им удалось кого-то наверху ублажить чем-либо, и этот «кто-то» дал указание в ЦАМО РФ провести тотальную проверку дел с донесениями разведорганов частей и соединений, а также иных документов (боевых донесений, оперативных сводок) на предмет наличия упоминаний имен захваченных в плен гитлеровцев. Уйма специалистов ЦАМО РФ (многие десятки людей) в ущерб основной работе около года вычитывали пожелтевшие страницы и аккуратно выписывали в зарегистрированные рабочие тетради имена, фамилии, прочие биографические данные, номера частей и даты пленения у тысяч попавших в плен, а для немцев – пропавших без вести, захватчиков (кстати, запрещая это делать исследователям, встречавшим в документах упоминания немецких имен, и вымарывая эти записи из их рабочих тетрадей!). Затем из своих рабочих тетрадей сотрудники каждого отдела

ЦАМО все выявленные именные данные аккуратно перепечатали на своих же пишущих машинках и передали немцам. За деньги или без оплаты – это не так важно. Важен сам факт – отработали всем гамузом и передали. Это происходило в середине 1990-х гг. Нам бы такую хватистость и упорство, как у немцев. Да не сложилось, увы, даже за 64 года после Победы.

Повторим. Мы имеем:

а) общепринятые официальные цифры безвозвратных демографических потерь в 8668400 чел.;

б) объем уникальных карточек в картотеках потерь ЦАМО РФ в 13,6 миллиона;

в) много большее число возможных неповторных именных записей в ОБД «Мемориал» – 18430880 чел.;

г) и громадный общий объем в ней в 23038600 записей (пока без примерно 1 миллиона еще не введенных дополнительных данных по пленным, морякам, умершим в лечебных учреждениях).

Мы видим ситуацию, при которой уже раздаются голоса о том, чтобы:

– примириться с ужасающей разницей цифр и имён в 15,3 миллиона записей;

– назвать их повторами;

– не менять официальное число потерь, подсчитанное без использования данных персонального именного учета и без изучения многочисленных учетных дыр;

– и закрыть глаза на то, что даже только в одном приведенном примере Северо-Западного фронта эта дырища имеет гигантские размеры.

А сколько таких примеров за войну? На них тоже закрыть глаза?

Неизбежные выводы:

1. Официальные цифры безвозвратных демографических потерь военнослужащих (8668400 чел.) не совпадут с количеством упомянутых имен в ОБД «Мемориал», если каждое из них будет учитываться в подсчетах один раз, и будут меньше их.

2. Превышение количества уникальных персоналий в именных списках ОБД «Мемориал» над официальным числом демографических потерь может составить не один миллион человек.

3. Лиц, учтенных в безвозвратных потерях поименно один раз каждый, менее 14 млн. чел. быть не должно, учитывая наличие именных карточек в ЦАМО, ЦАВМФ, архиве военно-медицинских документов, архивах войск НКВД (РГВА) и прочих войск и формирований.

4. С учетом того, что от 6 до 8% призванных и не вернувшихся лиц не учтены нигде и никак (п.8 в начале статьи) – ни в цифрах, ни поименно из-за намеренного уничтожения в военкоматах в 1950-х гг. и позже первичного

учета привлеченных в армию лиц, разница между реальной численностью утраченных на полях боев воинов и официальными цифрами демографических потерь может стать еще более разительной.

Уверен в честности разработчиков и кураторов создания ОБД «Мемориал», но не могу не задать вопрос по теме – а не найдется ли впоследствии в верхах «некто», который пожелает волевым способом «подогнать» количество записей в ОБД «Мемориал» под официальные сведения книги бывших генштабистов «Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил», а именно под 8668400 чел.? Ведь железяка, как и бумага, всё стерпит, да и подсчитать самостоятельно истинный бесповторный объем базы данных простому независимому пользователю компьютера при удаленном доступе к базе данных невозможно.

Работа корпорации «ЭЛАР» закрывает «вторую сторону медали» – именную составляющую персонального учета людских потерь в период 1941–1945 гг. Кроме нее сделать это больше некому. Денег в будущем на некий новый подсчет потерь вряд ли кто даст, да и времени уже на то нет. Финал проекта близок. Военным нужно принимать решение и делать выбор.

Актуальное предложение: раз уж Минобороны РФ сумело изыскать для корпорации «ЭЛАР» 152 млн. руб. в ценах 2008 г. на реализацию работ по сведению записей из разных источников к конкретным персоналиям, и раз уж работы эти подходят к завершению, то и **за критерий численности безвозвратных демографических потерь СССР за период Великой Отечественной войны и войны с Японией предлагается принять то выверенное число, которое получится у специалистов корпорации по окончании этой работы. Оно станет неоспоримо доказанным через поименный мартиролог миллионов бойцов, уникально учтенных в базе данных каждый по одному разу. От всех иных выкладок, основанных на малодостоверных цифрах войск, скрепя сердце, придется отказаться. Мундир от честного подхода не пострадает. При известной оборотистости негатив увеличения числа демографических потерь личного состава войск СССР превратится в апофеоз добросовестности Министерства обороны РФ.**

Вместо заключения: хотелось бы забыть, да всё как-то не получается задвинуть подальше в недра сознания факт того, что в 1950-х гг. в дополнение ко всей неприглядности в деле учета людских потерь наши славные победители по чьей-то подлой указке сверху еще и послужной учет рядового и сержантского составов поимели честь уничтожить, а первичные документы учета призывных ресурсов (картотеки учета) из рук вон плохо перевели во вторичные (книги призыва) с уничтожением первичных. Вот и расхлёбываем мы по сию пору эту кашу. Все вместе, от молодых к седым.

Литература и источники

1. Сканкопии документов опубликованы. Электронный ресурс: <http://www.soldat.ru/doc/original/original.html?img=poslkart>
<http://www.soldat.ru/doc/original/original.html?img=poslkart&id=2>
http://www.soldat.ru/doc/original/original.html?img=poslkart_nkvd
http://www.soldat.ru/doc/original/original.html?img=poslkart_nkvd&id=2
2. Русский архив: Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. – М.: ТЕРРА, 1997. – Т. 13 (2-2). – С. 111.
3. Документ опубликован в Интернете. Электронный ресурс: <http://soldat.ru/doc/directiva.html>
4. Электронный ресурс: http://soldat.ru/doc/casualties/book/chapter5_13_08.html
5. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. – М.: Олма-Пресс, 2001.
6. Электронный ресурс: http://soldat.ru/doc/casualties/book/chapter5_05.html
7. Электронный ресурс: http://soldat.ru/doc/casualties/book/chapter5_06.html
8. Электронный ресурс: http://soldat.ru/doc/casualties/book/chapter5_05.html
9. Электронный ресурс: http://soldat.ru/doc/casualties/book/chapter5_06.html
10. Электронный ресурс: <http://membooks.narod.ru/hospital3.htm>
11. Электронный ресурс: <http://soldat.ru/doc/nko/1940.html>
12. Электронный ресурс: <http://soldat.ru/doc/nko/1944s.html>

Приложение № 1

Фрагмент извещения с грифом «Секретно».

Приложение № 2

15. Прок. 190 и л.		12. Социальное положение	
По 1 году	<p>УЧЕТНО-ПОСЛУЖНАЯ КАРТОЧКА РЯДОВОГО СОСТАВА РККА</p> <p>Фамилия _____</p> <p>Имя _____</p> <p>Отчество _____</p> <p>1. Подсудия _____</p> <p>2. Народность _____</p> <p>3. Родной язык _____</p> <p>Социальное происхождение _____</p> <p>4. Место рождения _____</p> <p>5. Место жительства _____</p> <p>6. Семейное положение _____</p> <p>7. Специальность (проф. звание) _____</p>	Рабочий	
По 2 года		Крестьянин	
По 3 года		Колхозник	
По 4 года		Единоличник	
По 1 году	<p>13. Партийность</p> <p>Служащий или прочий</p> <p>Член ВКП(б)</p> <p>Кандид. в члены ВКП(б)</p> <p>с 19... г.</p> <p>Член ВЛКСМ</p> <p>с 19... г.</p> <p>Беспартийный</p> <p>Неграмотный</p> <p>Малограмотный</p> <p>Грамотный (нижшее образование, начальное)</p> <p>Неграмотный</p>	Служащий или прочий	
По 2 года		Член ВКП(б)	
По 3 года		Кандид. в члены ВКП(б)	
По 4 года		с 19... г.	
По 8 лет		Член ВЛКСМ	
По 9 лет		с 19... г.	
По 10 лет		Беспартийный	
По 11 лет		Неграмотный	
По 12 лет		Малограмотный	
По 13 лет		Грамотный (нижшее образование, начальное)	
По 14 лет		Неграмотный	

Учетно-послужная карточка рядового состава РККА.

Е. Н. Агафонов* , О. Н. Гуреев**

**«КНИГА ПАМЯТИ 332-Й ИВАНОВСКОЙ ИМЕНИ
М. В. ФРУНЗЕ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ» .
МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ
ПАМЯТИ ВОИНОВ-УРОЖЕНЦЕВ ВЛАДИМИРСКОЙ И
ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ, ПОГИБШИХ НА СМОЛЕНЩИНЕ**

Межрегиональный общественный проект «Книга Памяти 332-й Ивановской имени М.В. Фрунзе стрелковой дивизии», проводимый Молодежной общественной организацией Владимирской области «Ассоциация поисковых отрядов «Гром» и комитетом по молодежной политике администрации Владимирской области направлен на увековечение памяти воинов-уроженцев Владимирской и Ивановской областей, сражавшихся в рядах 332-й Ивановской имени М.В. Фрунзе стрелковой дивизии и погибших на территории Смоленской области. Реализация проекта приурочена к 65-летию освобождения Смоленской области от немецко-фашистских захватчиков.

Данный проект предполагает решение следующих задач:

- разработка информационно-аналитической базы данных о воинах-уроженцах Владимирской и Ивановской областей, погибших в годы Великой Отечественной войны на территории Смоленской области;
- исследование боевого пути воинских соединений, сформированных во Владимирской и Ивановской областях, принимавших участие в боях на Смоленской земле;
- включение в поисково-исследовательскую работу проекта заинтересованных организаций, учреждений и лиц, вовлечение молодёжи в практическую работу по увековечению памяти погибших защитников Отечества, изучение истории Великой Отечественной войны средствами краеведения;
- выявление, сбор и обработка документов военных лет (письма, фотографии, дневники, воспоминания и т.д.) силами детских, молодежных и ветеранских общественных объединений;
- увековечение памяти земляков на местах их гибели и захоронения;

***Агафонов Евгений Николаевич** (Владимир) – комиссар поискового отряда «Земляк», старший таможенный инспектор Владимирского таможенного поста.

****Гуреев Олег Николаевич** (Владимир) – командир поискового отряда «Земляк», консультант комитета по молодежной политике администрации Владимирской области, г. Владимир.

– пропаганда деятельности поискового движения, направленного на увековечение памяти павших защитников Отечества через средства массовой информации;

– консультирование родственников бойцов, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны;

– проведение научно-практических, просветительских мероприятий, информирующих о целях, задачах, ходе выполнения и результатах проекта;

– изготовление печатной и аудиовизуальной продукции по теме проекта.

Выбор объекта исследования – 332-й Ивановской имени М.В. Фрунзе стрелковой дивизии – неслучаен. 332-я стрелковая дивизия была сформирована в августе 1941 г. в Ивановской области, тогда же ей было присвоено имя Михаила Васильевича Фрунзе. Осенью 1941 г. дивизия занимала оборону под Москвой и была удостоена чести участвовать 7 ноября в знаменитом параде на Красной площади.

7 ноября 1941 г. приказ по 332-й дивизии был опубликован в газетах и зачитан по всем фронтам: «на подступах к Москве во имя нашей Родины, наших матерей, сестер, братьев и детей мы должны дать отпор фашистской гадине, не щадя ни своих сил, ни жизни. На нас лежит ответственная и почетная задача – защищать, оборонять Москву. Москва должна стать и будет могилой фашизма».

В конце декабря 1941 г. дивизия была передана в состав 4-й Ударной армии. В январе 1942 г. была участницей боев при нанесении глубоко рассекающего удара из района Осташкова в стык группы немецких армий «Центр» и «Север».

В 1942–1943 гг. в боях под городами Велиж и Демидов Смоленской области, которые продолжались 17 месяцев, 332-я стрелковая дивизия понесла большие потери.

Большое значение увековечению легендарной дивизии уделялось после войны в городе Иваново. В средней школе № 22 г. Иваново был создан музей боевого пути 332-й Иваново-Полоцкой ордена Суворова II степени стрелковой дивизии. Фонд 332-й Иваново-Полоцкой стрелковой дивизии есть в Государственном архиве Ивановской области. В 2004 г. открыт мемориал воинам 332-й стрелковой дивизии в Осташковском районе Тверской области, памятный знак воинам-ивановцам установлен в д. Нижние Секачи Велижского района Смоленской области

Исследованием боевого пути 332-й стрелковой дивизии, судеб наших земляков, погибших под Велижем и Демидовом, во Владимирской области (до 1944 г. большая часть территории современной Владимирской области находилась в составе Ивановской) практически никто не занимался. Осознание данной проблемы пришло во время участия владимирских поиско-

виков в Вахтах Памяти на территории Велижского района Смоленской области.

За последние два года только в Велижском районе Смоленской области найдены и опознаны останки нескольких воинов-владимирцев, считавшихся ранее пропавшими без вести. Так, в августе 2006 г. у д. Беляево велижские поисковики подняли останки владимирца Дмитрия Чиркова. По оперативным данным, полученным из ЦАМО, выяснилось, что Д.Г. Чирков служил в 1115-м стрелковом полку 332-й стрелковой дивизии, пропал без вести 3 марта 1942 г. К поиску родственников бойца подключились администрация Гусь-Хрустального района, старожилы его родной д. Неклюдово, учителя и ученики Неклюдовской школы. В сентябре 2006 г. в г. Иваново мы встретились с сыном Дмитрия Чиркова. Поразительно, что в почти каждый день Валерий Дмитриевич проходил в г. Иваново по улице Велижской, названной в честь кровопролитных боёв за этот смоленский город, даже не догадываясь о судьбе своего отца.

Источниками проекта «Книга Памяти 332-й Ивановской имени М.В. Фрунзе стрелковой дивизии» стали: 1) Книги Памяти Владимирской и Ивановской областей; 2) Документы Центрального архива Министерства обороны, размещенные на сайте Министерства обороны РФ www.obd-memorial.ru; 3) Материалы поисковых экспедиций в Велижском и Демидовском районах.

На основе сопоставления и взаимодополнения данных документов создана электронная база данных воинов 332-й Ивановской имени М.В.Фрунзе стрелковой дивизии – уроженцев Владимирской и Ивановской областей, погибших и пропавших без вести на территории Велижского и Демидовского районов Смоленской области, включающая в себя на данном этапе работы более 2500 персоналий. Электронная база данных имеет обширную поисковую систему. Можно делать выборки по фамилиям, военкому призыва, дате и месту гибели и т.д.

Анализируя созданную базу данных, можно сказать, что на Велижской и Демидовской земле захоронены солдаты практически из каждого населенного пункта (города, села, деревни, поселка) Владимирской и Ивановской областей. Авторы проекта надеются, что в городах и районах Владимирской и Ивановской областей сформируются инициативные группы, поддерживающие реализацию проекта и координирующие её на территории муниципального образования.

Поисковая практика показывает, что родственники многих воинов проживают по тем же адресам или в том же районе. О родственниках погибшего бойца могут помнить и знать маршруты их миграции его земляки, например, односельчане. Особенно важно отыскать родственников бойцов,

которые числятся пропавшими без вести. Ежегодно на местах боёв поисковики находят десятки медальонов, устанавливают судьбы людей, которые долгие годы считались канувшими в безвестие. Не исключено, что в ближайшие годы поисковиками будут установлены новые имена наших земляков, погибших в годы Великой Отечественной войны. Тем самым, имея информацию о родственниках, намного быстрее будет происходить обмен информацией. Благодаря нашим совместным поискам безликие записи в базе данных должны ожить через фотографии и письма, которые по сей день хранились в семьях. Вся информация будет включена в электронную Книгу Памяти, существенно дополнив её. Документы будут использованы для организации выставок и других мероприятий по патриотическому воспитанию детей и молодежи во Владимирской, Ивановской, Смоленской областях.

Параллельно с намеченными целями и задачами в ходе реализации проекта приходим к осознанию перспективных направлений работы. В составе 332-й стрелковой дивизии, наряду с призывниками из Владимирской и Ивановской областей, было много уроженцев Московской, Калининской (Тверской), Смоленской, Рязанской областей, Татарстана, Башкирии и многих других регионов современной России. Поэтому продолжать работу нужно за рамками двух областных Книг Памяти, расширять её по всем регионам, исследовать всё время нахождения дивизии на фронте с осени 1941 по весну 1945 г. и, следовательно, база данных приобретет формат электронной Книги Памяти 332-й Ивановской имени М.В. Фрунзе стрелковой дивизии.

Инициатива молодежной общественной организации Владимирской области «Ассоциация поисковых отрядов «Гром» создаст действенный механизм поисково-исследовательской деятельности, который будет воплощен в конкретные мероприятия: сбор сведений о земляках, погибших на Смоленщине, включение их в научный оборот и просветительскую работу, проведение поисковых экспедиций в Смоленской области, работа Интернет-консультаций по работе с объединенной базой данных безвозвратных потерь периода Великой Отечественной войны Минобороны России, научно-практических конференций и т.д.

Реализация проекта приведет и к определенному социальному эффекту: через познание конкретных событий Великой Отечественной войны, судеб земляков, отдавших свои жизни за Родину, возрастет чувство сопричастности к истории страны, что в свою очередь будет способствовать укреплению патриотизма в молодежной среде.

О.Е.Бондаренко*

**«СБЫЛАСЬ МЕЧТА БЫТЬ УЧАСТНИКОМ ВОЕННЫХ
ДЕЙСТВИЙ В ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ СТРАНЫ СОВЕТОВ
С ОРУЖИЕМ В РУКАХ...»**

Все чаще мы обращаемся к страницам прошлого нашей страны, стремимся понять и оценить события, участников этих событий. Не так много на сегодняшний день нам известно о жителях Коми АССР, принимавших участие в советско-финской войне, которая началась 30 ноября 1939 г. и завершилась подписанием мирного договора 13 марта 1940 г.

Говоря об этой войне, прежде всего, необходимо отметить, что основной контингент, из которого набирался военный состав, составляли жители северных регионов Советского Союза, которые лучше были приспособлены к суровым климатическим условиям и имели навыки хождения на лыжах.

Большое значение для раскрытия военной темы имеют дневники. Содержание дневника Филиппа Павловича Парилова (12.03.1906 – 05.05.1955), одного из участников советско-финской войны, уроженца г. Сыктывкар, позволяет нам лучше понять и раскрыть чувства, состояние, психологию простого воина. Ф.П.Парилев – человек своего времени, история его повествования развивается на фоне общероссийской истории. Автор дневника ощущает свою сопричастность к описываемым событиям, он является частью окружающего его мира.

Филипп Павлович Парилев происходил из знаменитой в республике Коми спортивной семьи лыжников Париловых. Он был первым из шести братьев и родился 12.03.1906 г. Основную информацию о нем получаем из опубликованных воспоминаний его брата Василия Парилова «История моей семьи в документах, письмах, фотографиях. Мои воспоминания» [1]. Так, мы узнаем, что до начала финской войны Ф.П.Парилев работал председателем Комитета по делам физкультуры и спорта при Совмине Коми АССР. На момент 30.11.1939 г. Парилеву было 33 года, и он числился в запасе, как младший командный состав – три треугольника на петлице (по новым званиям, старший сержант). Финская кампания закончилась для Филиппа Павловича удачно, он не был ранен и не попал в плен, хотя участвовал в ней с самого начала и до конца. После советско-финляндской войны 1939–1940 гг. он продолжал работать на прежней, довольно хлопотной

*Бондаренко Ольга Евтихеевна (Сыктывкар) – член-корреспондент Академии военно-исторических наук, кандидат исторических наук, доцент Сыктывкарского государственного университета.

должности: организовывал и проводил все городские и республиканские соревнования по летним и зимним видам спорта. Участвовал в Великой Отечественной войне, дважды был ранен; награжден орденами Отечественной войны и Красной звезды. Уже в мирное время дают о себе знать полученные в боевых действиях ранения – здоровье резко ухудшается и 05.05.1955 г. в возрасте 49-ти лет Филипп Павлович умирает, оставив после себя большую семью: жену Лизу и пятерых детей. В своих воспоминаниях Василий Парилов пишет: «Для всех нас смерть Филиппа была невосполнимой утратой и огромным горем, пройти финскую кампанию и Великую Отечественную войну, быть дважды раненым, остаться в живых и умереть в 49 лет! Оставить жену (без хорошей специальности) и пятерых детей – это тяжелейшая ситуация, большие проблемы и трудности» [2].

Филипп Павлович Парилов оставил после себя дневник, в котором он делал записи, находясь на фронте. Дневник сохранила и любезно предоставила нам его дочь Клара Филипповна Попкова [3]. Он представляет собой две самодельные тетради по 22 и 28 страниц, сшитые друг с другом черными нитками. Обложка дневника картонная, с двух сторон обернутая целлофаном, на титульном листе написано «Ф.П.Парилов». На первой странице дневника находится боковая запись: «Дневник прошу переслать жене по адресу: Коми АССР, г. Сыктывкар, ул. Горького 7 кв. 22. Париловой Елизавете Федоровне». Записи велись ежедневно, начиная с 13 сентября 1939 г. и заканчивая 5 июня 1940 г., но есть и пропущенные дни (например, с 12 по 30 декабря; с 5 по 19 февраля). Очевидно, это было связано с тем, что в условиях военных действий не всегда имелась возможность взяться за перо. После таких перерывов в дневнике следует запись: «Перерыв большой. Особых изменений нет». Однако в хронологии наблюдается и определенная путаница. Так, после 30 марта автор описывает события, датируемые 1 марта; после 18 идет 15 марта, затем 30 апреля; 6 июня, затем 25 мая и снова 5 июня и т.д. Возможно, Ф.П.Парилов вспоминал какие-то моменты уже после описанного события, то, что не вошло в его дневник, по ходу повествования, и считал необходимым их дописать. В первой половине дневника записи велись простым карандашом, иногда синим, а со второй половины марта 1940 г., т.е. в мирное время, уже чернилами. Иногда почерк непонятен, записи трудно разобрать.

Важным является вопрос отношения воинов к финской войне. Как свидетельствуют материалы дневника, это гнев по отношению к противнику и стремление с ним расправиться. Филипп Павлович Парилов называет финнов «гадами» («быстро разделаться с гадами белофиннами»), а огонь по противнику – «подарком» (финны получили хороший «новогодний подарок

в виде ворошиловских килограммов»). Таким образом, в этих записях нашли отражение чувства служения Родине и Стране Советов и патриотизм.

В связи с описанием противника и выражением патриотических настроений хотелось бы осветить отношение автора к Советскому государству, партии и власти. Перед нами Ф.П.Парилов – коммунист, пламенно верящий в победу советского народа в войне против агрессора, готовый с гордостью за любимую отчизну защищать свою страну, ее население, партию и тов. Сталина. Он был человеком своего времени и испытал влияние эпохи. Так, 30 ноября 1939 г. в дневнике сделана запись: «Исторический день для всего народа, а для меня новая веха в жизни; сбылась мечта быть участником военных действий в защите интересов Страны Советов с оружием в руках, участвовать в защите северо-западной границы, гор. Ленина – Колыбели революции»; в этот же день «мы отмечали 22 годовщину октябрьской революции». В ночь на 1 января 1940 г. Парилов в первую очередь желает Новому году «быстро разделаться с гадами белофиннами и снова взяться за мирную жизнь по построению коммунизма», отмечает, что прошедший год был «новым торжеством ленинско-сталинской национальной политики в отношении малых зависимых стран». Под 21 января 1940 г. читаем в дневнике: «16 лет как не стало великого вождя, основателя и организатора Красной Армии и Красного Флота» Владимира Ильича Ленина, а главной задачей является «защита колыбели революции г. Ленина». Автор неоднократно дает рекомендации своим товарищам для вступления в члены ВКП(б): «сегодня дал рекомендации для вступления кандидатом в члены ВКП(б) тт. Шулепову и т. Дроченко и Кузьмину...» (31 декабря 1939 г.); 20 января «дал рекомендации т. Рочечину Ан. Ив...». И даже в день своего рождения, 12 марта 1940 г., Парилов в первую очередь думает о стране: «Сегодня стало как 3 месяца мы стоим на этой огневой позиции», и как бы вскользь упоминает: «сегодня мне исполнилось 34 года...»

Интересны сведения Ф.П.Парилова о начале финской войны. Как известно, 29 ноября 1939 г. состоялось выступление председателя СНК СССР В.М.Молотова по радио, в котором было сказано, что «враждебная в отношении нашей страны политика нынешнего правительства Финляндии вынуждает нас принять немедленные меры по обеспечению внешней государственной безопасности» [4]. Это находит свое отражение и на страницах дневника (запись 30 ноября): «Утром сообщили, что глава правительства, Председатель СНК СССР тов. Молотов вечером [т.е. 29 ноября] выступил с речью по радио ко всем трудящимся, и что дан приказ перейти финскую границу и наступать». Как известно, ранним утром 30 ноября 1939 г. начались боевые действия: советские войска на всем протяжении советско-финляндской границы от Балтийского до Баренцева морей пред-

приняли наступление против финских войск. Территорию Финляндии начала обстреливать береговая артиллерия Кронштадта. Самолеты, взлетающие с недавно созданных баз в Эстонской ССР, совершали налёты на финские города, в том числе и Хельсинки, где в это время правительство Финляндии уже обсуждало сложившуюся ситуацию. Это официальная версия начала советско-финляндской войны, которая началась 30 ноября 1939 г., длилась 105 дней и завершилась 12 марта 1940 г. в Москве подписанием мирного договора. Подтверждение этой версии находим и в дневнике непосредственного участника изучаемых нами событий – Ф.П.Парилова. Действительно, 30 ноября 1939 г. «в 8 час. утра первой заговорила пушка второй батареи, а за ней и наши гаубицы и кругом пошла артиллерийская стрельба... После часовой стрельбы, где мы выпустили 40 снарядов батарея снялась с огневой и мы двинулись для перехода границы, пехота ушла вперед, на ее долю выпало первой перейти государственную границу».

Из первых уст мы узнаем и об участии автора в боевых действиях. Это была очень тяжелая и мучительная работа, иногда длящаяся в течение нескольких суток. Это и бесконечная канонада пушек («первой заговорила пушка второй батареи»), и длинные переходы через болота, леса и дальние местности («спустились по крутому спуску мы в течение целых суток, все время помогая лошадям, преодолели болото и лес и снова вышли на дорогу»), и несение ночного дежурства (1 февраля «ночью нес службу патруля ведя наблюдение за воздухом ракетами белофиннов»), и бесконечные опасные рейды в тылы врага – разведывательные походы (22 января «ходил в разведку...»). Описание боевых событий очевидцем и прямым участником войны усиливает ценность данного источника.

Информация о Ф.П.Парилове содержится в воспоминаниях еще одного участника советско-финской войны З.В.Панева, который писал: «Сыктывкарец Филипп Парилов, известный наш физкультурник-лыжник, который сумел показать себя и в полку», был «включен в состав группы» для проведения «предварительной разведки на лыжах». Панев отмечает, что на Парилова «возлагали определенные надежды» и в конечном итоге «разведка прошла удачно... Филипп Парилов ... показал себя смелым разведчиком. Парилов был награжден медалью «За отвагу». Впоследствии Филипп Парилов «храбро воевал против немецко-фашистских захватчиков и вернулся с фронта со многими боевыми наградами» [5]. О своих наградах пишет в своем дневнике и сам Филипп Павлович. 23 февраля 1940 г. он сделал в дневнике следующую запись: «Выпущенном номере стенгазеты отмечены мои боевые действия и я вместе с комбатом политруком представлен к правительственной награде. И тут же автор задается вопросом: «неужели мой поход на лыжах в Питкоранта является отважным и героическим

походом? Что-то не верится». Очевидно, Филипп Парилов явно недооценивает свои заслуги перед отечеством, хотя та самая разведка и «прошла удачно». О подвиге Парилова пишет и его брат Василий Парилов в своих воспоминаниях. Так, мы узнаем о том, что более «передовые части [среди которых был и Филипп Павлович] попали, хотя и не в плотное, окружение... Командование приняло решение осуществить разведывательный рейд из передовых частей к своим тылам по берегу и льду Ладоги с целью поиска путей подвоза боеприпасов и продуктов. Эту задачу, как хорошему лыжнику, поручили выполнить Филиппу», который «с честью справился: на лыжах по глубокому снегу ночью и ранним утром совершил несколько рейдов к тыловым подразделениям и обратно» [6]. За эти заслуги Ф.П.Парилов был награжден медалью «За боевые заслуги», которую ему торжественно вручил в Кремле сам «всесоюзный староста» М.И.Калинин [7].

Подробно в дневнике Ф.П.Парилова описаны и все военные тяготы: голод, холод, отсутствие необходимой одежды. Ситуация порой доходила до того, что «хлеба получали на 100 чел. буханку и 50 гр. сухарей»; «до сегодняшнего дня не получали 4 дня хлеба, только по 100 грамм сухарей»; «получали на 3-4-10 ч. буханку»; варили и ели конину ввиду отсутствия другого мясного продовольствия: «зарезали лошадь и на обед варили конину с гороховым пюре» (23 февраля), «зарезали 3-х лошадей и варили дополнительно мясо» (25 февраля), «ночью варили конину» (27 февраля). Причина нехватки продуктов питания заключалась в том, что не приезжали продовольственные обозы, особенно ситуация с продовольствием обострилась в период с 19 февраля по 1 марта 1940 г. Так, «обоз бывает обстрелян и есть раненые»; «обоз из Питкаранта не пришел, хлеба не получили» (20 февраля); «обоз из Питкаранта не пришел» (21 февраля); 22 февраля 1940 г. «обоз снова не пришел», 23 февраля тоже самое... и лишь 28 февраля обоз удалось «вернуть обратно». Суровый северный климат также давал о себе знать: 35-градусные финские морозы стали причиной заболевания Филиппа Павловича. Он пишет в дневнике: «чувствую себя плохо, кашель, болит горло». А в ночь на 28 марта ветер и метель были такой силы, что к утру замело вход в землянку: «с вечера начался ветер западный, со снегом уже когда ложились спать весь вход в землянку занесло снегом. Ночью не мог выйти из землянки...»

Казалось, война отнимает у человека все силы, однако определенное внимание в дневнике Ф.П.Парилова занимают записи, характеризующие его отношение к родным. Уже в самом начале дневника узнаем о родных и близких автора: жене Елизавете Федоровне, братьях Ване, Сереже, Павлике, в ходе дальнейшего повествования о Васе, сестре, отце. Чувствуется трепетно-нежное отношение к самым дорогим и любимым людям. Так, жену

Лизу Филипп Павлович называет «любимой», которую хочется «скорее обнять», а, получив письма от отца и брата, он находится в хорошем расположении духа: «Папа пишет, что живет хорошо, цех работает по-стахановски...». В дневнике сделана запись: «...получил письмо из Коми Совнаркома на мою жалобу, ответили, что приняты меры в обеспечении семьи дровами и ремонта квартиры». Таким образом, даже в самый тяжелый период своей жизни Ф.П.Парилов прежде всего думает и заботится о своих родных и близких. Отправление ходатайства о поставке дров своей жене еще раз свидетельствует о том, что автор дневника – любящий и заботливый муж. Проявляется и определенное беспокойство по поводу отсутствия писем от брата: «что случилось с Васей нет письма с 4 января» (19 февраля). Приведенные записи из дневника Ф.П.Парилова свидетельствуют о теплых и дружеских отношениях автора с его родственниками.

Бесхитростные строки дневника Филиппа Павловича Парилова позволяют нам лучше понять поведение одного из участников советско-финляндской войны, определить мотивы его поступков и действий, проследить влияние эпохи на человека.

Литература и источники

1. Парилов В. История моей семьи в документах, письмах, фотографиях. Мои воспоминания. – Сыктывкар, 2005. – С. 15.
2. Там же. – С. 47.
3. Рукопись дневника Ф.П.Парилова, 50 страниц. Выдержки из дневника приводятся в том виде, как они написаны.
4. Молотов В.М. Ноты Народного Комиссариата Иностранных Дел. – М., 1942. – С. 15.
5. Панев З.В. Вехи в пути. – Сыктывкар, 2000. – С. 303.
6. Парилов В. История моей семьи в документах, письмах, фотографиях. Мои воспоминания. – Сыктывкар, 2005. – С. 43.
7. Там же. – С. 44.

ДОКУМЕНТЫ . МАТЕРИАЛЫ . ВОСПОМИНАНИЯ

Е. Н. Боле*

УЧЕТ БЕЗВОЗВРАТНЫХ ПОТЕРЬ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Одним из открытых вопросов в истории Великой Отечественной войны была и остается проблема «без вести пропавших» советских воинов в ходе боевых действий. Историки продолжают искать истину в подсчетах о потерях обеих армий. В отношении советской стороны, к числу факторов, не позволяющих найти цифры, наиболее близкие к реальному положению дел, относится и неблагоприятная обстановка по учету безвозвратных потерь Красной Армии, о чем свидетельствуют архивные документы, ставшие доступными для исследователей после 80-х гг. прошлого столетия.

Известный профессор Российского государственного социального университета, доктор филологических наук Б.В. Соколов, разработавший собственную методику подсчетов людских потерь во Второй мировой войне, пишет: «Определение потерь Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне представляет собой крайне сложную задачу из-за плохой постановки учета и неполной сохранности документов, особенно за 1941–1942 гг. Дело в том, что в Красной Армии рядовой и сержантский состав после финской войны был лишен удостоверений личности – красноармейских книжек, что не только открывало широкие возможности для деятельности разведчиков и диверсантов противника (им достаточно было иметь красноармейскую форму и знать номера дислоцированных в данном районе частей), но и крайне затрудняло определение численности личного состава и величины потерь, даже в мирное время. Приказ наркома обороны о введении Положения о персональном учете потерь и погребении личного состава Красной Армии в военное время появился 15 марта 1941 г.

*Боле Елена Николаевна (Сыктывкар) – член-корреспондент Академии военно-исторических наук, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН.

Этим приказом для военнослужащих вводились медальоны с основными сведениями о владельце. Но до войск Южного фронта, например, этот приказ был доведен лишь в декабре 1941 г. Еще в начале 1942 г. многие военнослужащие на фронте не имели медальонов, а приказом наркома обороны медальоны 17 ноября 1942 г. вообще были отменены, что еще больше запутало учет потерь, хотя и диктовалось стремлением не угнетать военнослужащих думами о возможной смерти (многие потому вообще отказывались брать медальоны). Красноармейские книжки ввели 7 октября 1941 г., но еще в начале 1942 г. красноармейцы не были ими полностью обеспечены. В приказе заместителя наркома обороны Е.А. Щаденко от 12 апреля 1942 г. говорилось: «Учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно... Штабы соединений не высылают своевременно в центр именных списков погибших. В результате несвоевременного и неполного представления войсковыми частями списков о потерях (так в документе. – Б.С.) получилось большое несоответствие между данными численного и персонального учета потерь. На персональном учете состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых. Данные персонального учета пропавших без вести и попавших в плен еще более далеки от истины. И в дальнейшем положение с учетом личного состава и потерь не претерпело существенных изменений. Приказ наркома обороны И.В. Сталина от 7 марта 1945 г., за два месяца до конца войны с Германией, констатировал, что «военные советы фронтов, армий и военных округов не уделяют должного внимания» вопросам персонального учета безвозвратных потерь» [1].

Исследователь истории Сталинградской битвы Е.М. Цунаева из Волгограда выделяет несколько аспектов учета безвозвратных потерь [2]. По ее мнению, к ним относятся: экономическая сторона (довольствие, обмундирование), военная сторона (вооружение, комплектование), моральный аспект (оповещение родственников). Для родственников, которые теряют близких на войне, учет особенно важен. Государство на основании документов о гибели предлагает родственникам компенсацию или какие-либо другие льготы. Решение вопроса погребения погибших солдат определяется двумя моментами: санитарный (незахороненные трупы могут вызвать отравление и т.п., если боевые действия продолжаются на данной территории), морально-психологический (незахороненные погибшие отрицательно сказываются на психическом состоянии оставшихся в живых). Это только самые общие аспекты данной проблемы.

Для подтверждения вышесказанного вниманию читателя предлагается доклад о результатах проверки выполнения приказа НКО № 138-41 г. «О персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава

Красной армии в военное время» в частях 9-й Гвардейской стрелковой дивизии. Документ был обнаружен поисковиком из г.Серпухова, членом рабочей группы Книги Памяти Московской области Алексеем Бирюковым в фондах Центрального архива Министерства обороны РФ. В данный ведомственный архив поисковики приезжают до и после проведения полевых поисковых экспедиций на местах боев Великой Отечественной. Наиболее активно они изучают книги учета личного состава, книги учета награжденных, наградные листы, приказы по личному составу, картотеки персонального учета безвозвратных потерь рядового, сержантского и офицерского состава с целью уточнения каких-то эпизодов, выявления возможных мест захоронения погибших и привязки к местности, запрашивают боевые документы частей и соединений – журналы боевых действий, оперативные сводки, боевые и разведдонесения, карты, схемы.

Документ публикуется впервые [4].

Литература и источники

1. Соколов Б.В. Цена войны: людские потери СССР и Германии. 1939–1945 гг. // The Journal of Slavic Military Studies. – 1996. – Vol. 9. – No 1; Он же. Запретные цифры. Количество погибших советских людей до сих пор занижается в разы // Новая газета, 2005. – 28 марта.

2. Цунаева Е.М. Учет безвозвратных потерь и погребение бойцов РККА. Информационные материалы по истории Волгоградского общества «Поиск» и о Сталинградском регионе // Живая память. Из опыта работы поисковой организации. Электронный ресурс: <http://otechestvo.ipian.kazan.ru/NORM/003/010.htm>

4. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1114. Л. 54-60.

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ И УКОМПЛЕКТОВАНИЯ ВОЙСК
КРАСНОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ тов. БЕЛЯКОВУ

Д О К Л А Д

О результатах проверки выполнении приказа НКО № 138-41 г.,
об учете персональных потерь в частях 9-й Гвардейской
Краснознаменной стрелковой дивизии

9-я Гвардейская стрелковая дивизия кадровая, бывшая 78 стрелковая дивизия. Прибыв из Хабаровска, непрерывно участвовала в боях на Западном фронте с 4.11.41 г. по 17.04.42 г., в данное время находится на докомплектовании в составе 58-й Армии и состоит в резерве Главного Командования.

Дивизия награждена орденом Красного Знамени, а входивший в нее 22-й Гвардейский стрелковый полк награжден орденом Ленина. Личного состава дивизии награждено орденами и медалями – 408 человек.

Учет потерь личного состава в ноябре-декабре 1941 г. был поставлен явно неудовлетворительно, последующие принятые меры также не обеспечили полной ликвидации запущенности в учете потерь.

По количественным донесениям частей безвозвратных потерь в дивизии числится 5060 чел., персонально же по фамилиям по состоянию на 23.05.42 г. установлено – 3876 чел. Таким образом, расхождение персональных списков потерь с донесениями частей составляет 1184 чел. По донесениям частей, пропавших без вести в дивизии числится – 931 чел, на самом же деле только в 18 гсп числится – 878, в 31 гсп – 246, в 33 лыжном батальоне – 280 чел.

В Центральное Бюро учета потерь списки на убитых, пропавших без вести и умерших от ран дивизия в ноябре и декабре 41 г. не посылала. Первый список был отослан только в январе 42 г. Таким образом, было потеряно время, в свою очередь состав командиров, а иногда и личный состав целых рот обновлен целиком, в результате чего стало трудно, а подчас и невозможно восстановить действительное положение.

Штаб дивизии до сих пор, несмотря на 35-дневное пребывание в небоев окончателно не разобрался с потерями. В частях дивизии имеются списки на 125 чел. безвозвратных потерь, не отосланных в штаб дивизии.

Особенно неудовлетворительно с учетом персональных потерь было в 18 ГСП /командир полка полковник – КОНДРАТЕНКО, комиссар – батальонный комиссар – КРАЙНЮКОВ/.

Полк имел за все время боев потерь – 6245 чел., в том числе безвозвратных – 2019. Послано же списков в Центральное бюро потерь на 1727, а на 292 человека списки и извещения не посланы, так как не установлены фамилии.

В этом же полку бывший красноармеец ЯКОВЛЕВ М.А. до сих пор числится погибшим, в то время, как он является дезертиром и давно осужден. Командование и штаб полка объясняют этот факт запущенностью учета. В списки погибших в большинстве случаев включали потери, спустя много времени и при том со слов «очевидцев».

В данное время установить как произошел побег ЯКОВЛЕВА М.А. и как он попал в списки убитых не представляется возможным, поскольку 5-я рота, в которой состоял ЯКОВЛЕВ, в своем составе теперь не имеет ни одного командира и ни одного красноармейца старого состава, а также ни одного командира из 2 батальона, куда входила 5 рота, не сохранилось.

В 31 гсп был случай, когда рядовой 76 мм батареи учтен как убитый, а на самом деле он был ранен.

В дивизии в целом и в частности в 18 полку не были приняты меры к сохранению писарского состава батальонов и рот, а также не были приняты меры к сохранению списочных документов.

В 1-м батальоне писарь младший сержант ИЕВЛЕВ 16-го ноября /в начале боев/ был ранен, эвакуирован, а списки личного состава батальона пропали. С 16 по 30 ноября писарей в батальоне не было.

Во 2-м батальоне 30 ноября был убит писарь младший сержант САЙРУЛИН, все документы пропали. Через некоторое время нашли документы подмоченными и в них ничего нельзя было разобрать.

В 3-м батальоне 18 ноября был убит снарядом в сарае писарь красноармеец МАЛЫШЕВ. Сарай сгорел и сгорели документы. К этому времени батальон имел до 50% потерь, но ни на одного погибшего сообщений не послано. С 18.11 по 30.11, а также с 15.12 по 25.12.1941 года писарей в батальоне не было.

Что же касается писарского состава стрелковых рот, то сколько-нибудь приблизительного списка писарей, хотя бы по одной роте, в штабе полка составить не удалось, так как этот состав менялся большое число раз.

В стрелковых полках плохо ведется приказное хозяйство. В 18-м гсп до 6 мая с/г приказы не составлялись, движение личного состава не фиксировалось. Начали вести приказы только с 6 мая и то приказы за 18, 19, 20, 21 мая командованием полка не подписаны.

Приказом № 5 от 10 мая исключено из списков 18 гсп сразу несколько тысяч убитых, пропавших без вести и раненных.

В параграфе 2 записано: «Исключить из списков полка и всех видов довольствия рядовой, младший и средний комсостав убитый, раненный и пропавший без вести в боях за социалистическую родину с 1-го ноября 1941 года по 20-е апреля 1942 года.

ОСНОВАНИЕ: Смотри списки безвозвратных потерь и алфавитные списки».

Извели, что в полку за этот срок потери составили 6245 чел., которые огулом без тщательной проверки командованием полка списаны.

В приказе № 1 от 06.05.1942 года зачислено количеством пополнение на 754 человека /без списка/.

В 31 гсп приказы до 1 января 1942 г. сожжены; с 1-го января по 14 апреля приказы велись с перерывами, а 14 апреля не подписаны командиром и комиссаром полка.

В 18-м и 31 гсп были случаи в период боев, когда часть бойцов, подобранных в лесах, без оформления отправлялись в бой и по их выбытию было неизвестно кто они.

Были случаи, когда часть бойцов расстреляны командирами, как трусы, но об этом не сообщалось и они попадали в число погибших «за социалистическую родину».

18-й гсп и 28 Гв ап не по форме посылает извещения на пропавших без вести, в этом извещении 28 Гв ап пишет: «В боях за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявил героизм и мужество пропал без вести».

При таком положении в число героически погибших могут попасть и дезертиры и сдавшиеся в плен.

Погребения в стрелковых полках происходили не в соответствии с приказом № 138. В период отхода с 18.11 по 8.12.41 г. трупы не убирались. В списках полков место погребения военнослужащих записано предположительно. На абсолютное большинство никто не может сказать точного места погребения.

Приказ № 138 есть во всех частях, бланков списков и извещений нет, их печатают на месте. Медальонами в данное время дивизия не обеспечена. Красноармейскими книжками без фотокарточек бойцы не все снабжены. В 28-м Гв ап у 100 бойцов нет книжек.

Командование дивизии вопросу учета персональных потерь придало особое значение только в последнее время.

Мною вместе с командованием дивизии намечены следующие мероприятия:

1. За период нахождения 9-й гсд вне боев провести дополнительные мероприятия по полному уточнению списков безвозвратных потерь. Еще раз тщательно проверить все персональные списки с целью исправить допущенные ошибки в учете.
2. Извлечь уроки факта дезертирства бывшего красноармейца ЯКОВЛЕВА, чтобы не допустить подобные явления в предстоящих боях. Проинструктировать штабных работников и писарский состав о порядке выполнения приказа НКО № 138.
3. Подобрать и закрепить писарский состав рот и батальонов, приняв меры к сохранению списков личного состава рот, батальонов в период предстоящих боев.
4. Ликвидировать неправильное отношение командования полков в ведении приказов, обязав начальников штабов ежедневно отражать все людские передвижения.

5. Не допускать случаев, когда в бой идут бойцы, не взятые на персональный учет.

6. Принять меры к выполнению приказа НКО № 138 в части организации похорон погибших военнослужащих.

7. Обеспечить всех бойцов медальонами, вкладными листками, красноармейскими книжками, а также рекомендовать в ротах отмечать бойцами фамилии и номер полка на вещах (ремень, шинель, противогаз).

8. Все факты неправильного отношения к выполнению приказа НКО № 138 расследовать и принимать меры взыскания к виновным.

Кроме того, в штабе 58-й армии поставлен вопрос о проверке выполнения приказа № 138 в других дивизиях и принять меры по упорядочению учета потерь, особенно за первые дни боев.

Считаю необходимым обязать военсоветы армий и фронтов систематически контролировать работу дивизии, особенно новых, по выполнению приказа НКО № 138 – 1941 года, и строго привлекать к ответственности работников, допускающих халатное отношение к учету потерь.

Обязать центральное бюро учета потерь снабдить армии бланками извещений, формами списков и медальонами.

СТАРШИЙ ИНСТРУКТОР ПОЛИТОТДЕЛА ГЛАВУПРАФОРМА КА
СТАРШИЙ БАТАЛЬОННЫЙ КОМИССАР

«28» мая 1942 года

/МАНАЕВ/

М. Г. Кисляков*

ЧЕЛОВЕК – ЛЕГЕНДА

Одно из официальных кратких описаний подвига: *«В период с 14 по 18 июля 1941 года, в одном из боёв, помощник командира взвода отдельной дегазационной роты старший сержант В.П. Кисляков заменил убитого командира взвода и вместе с бойцами захватил одну из сопок в районе устья реки Западная Лица в Мурманской област, и занял оборону. Когда кончился боезапас, он приказал бойцам отойти, а сам прикрыл отход товарищей. Ведя неравный бой с сотней гитлеровцев, старший сержант Кисляков В.П. удержал высоту до подхода подкрепления. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1941 года за героизм, проявленный в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Василию Павловичу Кислякову присвоено звание Героя Советского Союза, с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 532). Он стал первым на Северном флоте, удостоенным этой высшей степени отличия».*

Я расскажу о том, что я знаю и думаю о жизни своего деда В.П. Кислякова, фамилия которого известна многим, интересующимся военной историей нашей страны. Однако хочется, чтоб героев помнили такими, какими они были на самом деле, а не такими, какими их рисовала пресса и радиовещание военных и послевоенных лет. Поэтому я попытался нарисовать максимально объективный и полный портрет человека, прожившего тяжелую жизнь, вынужденного на своем жизненном пути преодолеть массу трудностей и при этом не уронить своего достоинства.

О Кислякове-Герое знают и пока еще помнят. Но вот о Кислякове-Человеке, о том, каков он был в кругу семьи или на работе, о том, что творилось в его душе, о чем он переживал, что его радовало, чем он жил и для чего шел на смерть, никто никогда не писал.

Но война, хоть и наложила серьезный отпечаток на каждого ее пережившего, длилась все-таки четыре года, у всех были годы, прожитые до нее, а у тех, кому повезло, и годы, прожитые после. Однако об этих годах почему-то в контексте повествования о ветеранах рассказывать не принято, как будто и знать не интересно: мол, ну что особенного, жизнь как жизнь.

*Кисляков Михаил Геннадьевич (Москва) – внук Героя Советского Союза В.П. Кислякова, уроженца Усть-Цилемского района Коми республики.

Но ведь ради этого и воевали, за это и сражались – чтоб жизнь опять была как жизнь, а люди именно просто как люди!

На мой взгляд, если опустить какие-то подробности до- и послевоенной биографии Василия Павловича Кислякова, отбросить, так сказать, лирику, оставить только описание подвига, его фронтовой путь и перечень наград, то портрет Героя окажется не просто не полным, а получится вообще не его портрет. Не знаю, насколько объективен может быть внук по отношению к родному деду, судить тем, кто его застал в живых и помнит.

Итак, мой дед, Василий Павлович Кисляков родился 20 февраля 1916 г. в с. Среднее Бугаево ныне Усть-Цилемского р-на Республики Коми. Природа и уклад жизни данной местности наложили глубокий отпечаток на характер и мировосприятие будущего Героя. В начале своей книги «За полярным кругом» он впоследствии напишет: «... с рекой и лесом у нас, печорцев, связана вся жизнь».

Семья была большая, у деда был младший брат Николай и три сестры – Таисья, Прасковья и Анна. С малых лет дед был приучен к крестьянскому труду, участвовал в сенокосах, умел обращаться с лошадьми. Работать пошел рано. Но сведения о его первых профессиях разрознены и противоречивы.

Во всех анкетах он писал, что родители – отец Павел Тимофеевич и мать Дарья Матвеевна – крестьяне-середняки, а с 1930 г. – колхозники. И в этом контексте вполне обоснованным выглядит в его анкетах заявление о том, что до 1930 г. он работал в хозяйстве отца. Однако в кругу семьи он рассказывал, что отец его был не землепашцем, а ходил кормчим на рыбацких судах по Печере, знал все мели и стремнины на реке. Есть семейное предание о том, что в честь него даже назван один из островков – «Пашинский остров», на нем рыбаки обычно сушили и ремонтировали сети.

Этим, на мой взгляд, и объясняется выбор специальности самого Василия Павловича, если верить его собственным подписям на фотографиях того времени; в 1932 г. он пошел работать на пароход «Активист» учеником масленщика. Пароход «Активист» ходил по Печоре от Нарьян-Мара до Усть-Усы и дальше по Усе до Воркуты. С 1934 г. деда перевели работать кочегаром на пассажирский пароход «Сталинец».

В то же время в анкете о приеме на работу, написанной им 4 декабря 1959 г., он сообщает о себе следующие данные: с 1930 г. работал котельщиком в с. Щельяюр, а с 1935 г. – в Печорском речном пароходстве масленщиком, кочегаром.

Так или иначе, с ранних лет он пошел по стопам отца и связал свою судьбу с профессией моряка. И нет ничего удивительного, что когда в 1937 г. пришла пора ему идти на срочную службу, он просил комсомол направить его на север в Морфлот.

Его направили в Мурманск, к морю, и казалось, что мечта вот-вот сбудется, но отбор в моряки тогда был строгий, одного лишь крепкого здоровья было не достаточно. Роста мой дед был небольшого, и это, как мне кажется, послужило причиной того, что его оставили на суше в береговой охране. Четыре года он видел военные корабли только с берега, хотя формально и числился в Морфлоте.

5 июня 1941 г. Кисляков должен был демобилизоваться. Но младших командиров в армии тогда не хватало (Кисляков, будучи старшим сержантом, командовал взводом), и сдать взвод было некому, а тут как раз прислали новобранцев, поэтому командир роты старший лейтенант Колодницкий просил его задержаться хотя бы на время, а в принципе предлагал вообще остаться на сверхсрочную. Конечно, Кисляков не мог отказать, тогда время было такое... А уже 15 июня они впервые увидели вражеский самолет-разведчик, 17 июня услышали стрельбу зениток. После этих событий о демобилизации уже и речи не могло идти: чувствовалось приближение начала войны.

29 июня 1941 г. немец перешел сухопутную границу на Мурманском направлении. Здесь мы имели дело с отборными частями хорошо укомплектованного, обученного и оснащенного техникой горного егерского корпуса – элитными частями германских войск. Противопоставить этим силам на данном участке фронта мы могли только регулярные пограничные части и одну пехотную дивизию. Этого было явно недостаточно. Поэтому командование Флота приняло решение сформировать 1-й добровольческий отряд моряков Северного флота для помощи сухопутным войскам. В отряд набирали добровольцев с кораблей и подводных лодок, красноармейцев из береговой охраны. Все тот же бывший непосредственный начальник Кислякова Колодницкий в этом отряде должен был командовать взводом, и предложил деду идти к нему командиром отделения. Дед согласился. Так Василий Кисляков попал в морскую пехоту.

О подвиге моего деда писали и во время, и после войны, печатались даже листовки с его портретом и описанием подвига. Однако, как мне кажется, обычно, особенно в послевоенных описаниях, суть подвига представляется не совсем в соответствии с ее пониманием самого Героя. Во всяком случае он свою заслугу видел не только в том, что приказал товарищам отходить и прикрывал их отход, а, главным образом, в том, что удерживал высоту «Безымянная» один в течение семи часов, и, в конечном счете, мы ее не потеряли. В противном случае нам стоило бы гораздо большей крови потом выбить врага с данной позиции.

У отделения кончались патроны, оставались всего три гранаты, вся надежда была только на пулемет. Кто-то и, желательно, не один должен был

все равно идти в тыл за подкреплением. С другой стороны, разницы большой не было, впятером они останутся на высоте или он один – патроны все равно были только в пулеметных рожках, а пулемет был один. Шансы погибнуть лично у него были одинаковы, останься он один или с отделением. Но командир все это взвесил и принял решение не обрекать ребят и в то же время увеличил свои шансы на спасение, так как у отделения было больше вероятности пробиться к нашим, чем у одного связного. При этом до последнего момента он держался, надеясь на подмогу, когда кончились патроны в рожках, стал устраивать вылазки за трофейными автоматами, пытался обманывать противника, несколько делал вид, что поднимает в атаку отделение, пытался дезинформировать противника, будто бы бой ведет он не один. Впоследствии он считал, что подвиг состоял именно в том, что он выжил, чтобы удержать оборону. Ему представлялось, что было бы глупо, если бы он и сам погиб и высоту отдал. И только когда у него осталась лишь последняя граната, и близкий конец был очевиден, он принял решение идти в последний, ближний бой, чтоб взорвать себя с несколькими фашистами. Но ему повезло, помощь пришла именно в этот момент. Стоило ему встать и с криком «За Родину!» ринуться на врага, как откуда не возьмись в атаку поднялись пришедшие к нему на выручку товарищи, и враг, не ожидавший этого, был деморализован и обратился в бегство.

О службе своей дед сам написал в книгах, которые, несмотря на редакторские коррективы советских времен, в общих чертах передают отношение рассказчика к войне, пережитым трудностям и потерям. Нам он, конечно, рассказывал больше. Того, что мы от него узнали о войне, не показывали по телевизору, об этом не принято было писать в книгах. Ведь люди есть люди, и на войне тоже бывали случаи и воровства, и пьянства, и самосуда, но при этом оставалось место и настоящим подвигам. Северный фронт – это вообще не только огонь и кровь, это еще и воспаления легких, и отморозенные конечности. Большинство его историй было о том, как высаживались с мотоботов в ледяную воду по пояс, а с берега шел минометный обстрел, в темноте – сверкали трассирующие, и с воздуха бомбили, но другого пути как навстречу огню не было, и залечь, спрятаться было некуда: до прибрежных камней водяная гладь. Вспоминал, как бежали в атаку сутками напролет в мокрых ватных штанах, чтоб не замерзнуть, а потом ночью на улице у костра их сушили. Ватные штаны – вещь, конечно, теплая, но только когда они сухие, а когда они мокрые, и на улице мороз, то они превращаются в тяжелые и негнущиеся рыцарские доспехи, обжигающие холодом. Вот несколько абзацев из его книги:

«Ручей был неглубокий и неширокий. Мы тихо перешли его, но попали в болото, усыпанное валунами. Выбирать место посуше было уже некогда.

Залегли прямо на мох, через который сразу же просочилась вода. «Из воды в воду» – с горькой усмешкой подумал я».

«Густой туман не давал нам сориентироваться на местности. К утру стало холодать и мы основательно замерзли. Гляжу, у Зинченко – уж на что богатырь – и то лицо посинело, желваки ходят, а зубы Иван стиснул, чтобы дробь не выбивали, терпит».

«Холод пронизывал все тело. Особенно мерзнут ноги и руки. Скорее бы в бой, тогда согреемся».

Но эти трудности морпехи переносили стоически. Война войной, но бои шли не каждый день, люди привыкали к бомбежкам, шутили, фотографировались друг с другом, даже выпивали, когда был повод. В общем, четыре года люди так или иначе жили, ночуя в лучшем случае в окопах, в землянках, у костров, а иногда и просто на голых камнях, на мху (в условиях каменистой прибрежной полосы севера устраивать окопы было проблематично). И не только в бой приходилось идти плечом к плечу, но получалось, что куда угодно, и на обед, и в баню, и чуть ли не в туалет! Многие вещи становились общими, делились друг с другом – всем – а как же иначе? И к этому тоже надо было привыкнуть, ведь это ни день, ни два, а четыре года без дома, без родных, без теплой постели, каждый день одни и те же лица, одна и та же одежда. Психологически это тоже очень тяжело. Не хватало чего-то домашнего, ласкового, уютного. Наверное, поэтому именно на фронте, как это ни странно на первый взгляд, дед завел собаку. Ему подарили щенка, когда он был в отпуске на Печоре, а дед воспитал настоящего разведчика, помощника себе в боевых делах, и самое главное – преданного товарища. В одном из штурмов овчарка Север закрыла своим телом вражескую амбразуру. Дед не мог забыть своего верного друга. После войны в доме Кисляковых всегда держали овчарок.

Трудности военного времени сплачивали людей, фронтовая дружба – это не пустые слова, солдаты на войне за один день становились друг другу самыми близкими на свете. А люди, с которыми дед пересекался по службе до начала войны, воспринимались почти как члены семьи, что уж говорить о земляках из Коми, оказавшихся на фронте рядом. Отдельный отряд морской пехоты приписывали то к одним частям, то к другим, и везде дед встречал старых знакомых по Печоре, знакомился с другими земляками, где-то рядом воевал его двоюродный брат Егор Кисляков. С ними со всеми его связывали общие воспоминания, на войне их особенно тянуло друг к другу. Тем тяжелее было потом получать известия о смерти многих из них. Так практически на глазах у Василия Павловича погиб друг его юности старшина Кухарев. Он пишет: «От горя я не мог и слова вымолвить. Эх, Сережа, Сережа... Вместе с ним по комсомольской путевке мы приехали служить на Северный флот.

А прежде он так же, как и я, плавал масленщиком на пароходе. В Щельяуре плясал я на его свадьбе, когда он женился на веселой девчонке, дочке машиниста парохода «Сыктывкар». Вместе с Сегеем Кухаревым мы служили в Полярном до войны, вместе пошли в 1-й добровольческий отряд. И вот его не стало... Ко всему можно привыкнуть на войне, но только не к смерти товарищей, с которыми делил последний сухарь, с которыми вместе шел в бой...».

Опять же в кино не увидишь, в книжках не прочтешь, но ведь на самом деле были на войне случаи, когда солдаты от страха, от горя, от ненависти даже с ума сходили. Мы живем в мирное время, в цивилизованной стране, где все объяснимо, во всяком случае, подчинено какой-то логике и здравому смыслу, определенным нормам морали и нравственности, прежде всего. А на войне все не так, все наоборот. Война – это что-то противоестественное для человеческой психики, это глубочайшее эмоциональное переживание и противоречие. Бойца, идущего в бой, одновременно охватывают и страх, и ненависть.

Я вновь позволю себе цитату из книги В.П.Кислякова: «Кстати о страхе. Страшно ли на войне? Тот, кто утверждает, что ему неведом страх, говорит неправду. Когда мы бежали на штурм высоты и вокруг свистели вражеские пули, я сжался весь, страшно было, что смерть заденет меня. А потом увидел моряка с разорванной грудью – и вместо страха в сердце лютая ненависть к фашистам появилась. Тогда я забыл про опасность, стал стрелять из винтовки и гранаты бросать».

Пример простой, но показательный. Эта эмоция, родившаяся внезапно, была такой силы, что победила в подсознании другую эмоцию. Но были и постоянные чувства, в том числе и чувство ненависти к врагу было постоянным. Оно подогревалось всячески, людей настраивали всеми возможными способами, но зерно этой ненависти рождалось в самих душах людей. И причиной тому было великое человеческое горе. Нельзя говорить о том, что люди поднимались в атаку только движимые жаждой мести за родных и близких, но личные счеты с фашистом были на войне у всех, и Василий Кисляков не был исключением.

Война унесла жизнь его родного брата Николая, который был младше Василия на четыре года. Он воевал в начале войны тоже совсем рядом, на Севере, командовал минометным отделением. Надо ли говорить, что они виделись на фронте. Собственно, именно от брата он узнал о своем награждении Золотой Звездой. Позже они встречались в г. Кировске в госпитале, где лежал после осколочного ранения в грудь Николай. После госпиталя его перебросили на Центральный фронт, где он погиб 9 августа 1943 г., повторив подвиг Матросова, и похоронен возле дер. Алексино Дорого-

бужского района Смоленской области в братской могиле № 3. И, между прочим, ничем не награжден посмертно, во всяком случае, нам об этом ничего не известно.

Как сухо звучит: «братская могила № 3». А сколько народу лежит в этой братской могиле? А сколько таких братских могил только в Дорогобужском районе? А по стране?

Летом 43-го после учебы накануне гибели брата дед побывал на родине в Среднем Бугаеве, повидал сестер и отца. Мать Василия Кислякова Дарья Матвеевна умерла еще в 1937 г., во время войны Павел Тимофеевич жил с дочерьми. По рассказам Героя, его отец, человек суровый и много повидавший на своем веку, плакал, когда обнимал старшего сына, плакал от счастья, что он жив. А что было со стариком через несколько месяцев, когда он узнал о гибели младшего сына? До окончательной Победы он так и не дожил, умер в апреле 1945-го.

Так что, кроме желания бороться за Родину до конца, кроме того, что он тогда, как и все партийные, считал себя обязанным «находиться в первых рядах», были у Кислякова еще и личные счеты с фашистом. Именно человеческое горе и желание отомстить за близких, за друзей, за брата Колю, именем которого он после войны назовет одного из сыновей, как мне кажется, толкнуло Кислякова проситься снова в самое пекло, на Дунай, когда на севере наша территория была полностью очищена от фашистов. Этому предшествовала в 1942 г. учеба в штабе береговой обороны и служба помощником начальника штаба по разведке 5-го батальона 12-й бригады морской пехоты, а в 1943 г. полугодовые курсы переподготовки офицерского состава в Архангельске и командование ротой морской пехоты 1-го батальона той же 12-й бригады.

Несмотря на долгую учебу и боевой опыт в начале Кисляков допускал в деле командования ротой некоторую необдуманность, вероятно, сказывалась молодость, да и характер у него был горячий. Например, в октябре 1944 г. в бою на развилке дорог на Петсамо и Титовку под конец боя мой дед оставил вверенное ему подразделение и увлекся конным преследованием немецкого автомобиля, на котором ретировались офицеры вермахта. За это он получил потом выговор от командира батальона подполковника Петрова, с которым, кстати, они были знакомы с 1937 г., иначе бы дед, наверное, так легко не отделался.

Однако на ошибках учатся, и на Дунайскую флотилию в 1945 г. прибыл командовать ротой автоматчиков-десантников 143-го Краснознаменного отдельного батальона морской пехоты Черноморского флота уже зрелый и опытный офицер. Именно их батальон не дал отступавшим немцам взорвать знаменитый центральный в Вене мост через Дунай – памятник архитектуры

мирового значения. В том бою дед вновь не ударил в грязь лицом. За проявленную в сражении доблесть он был награжден Орденом Отечественной войны 1-й степени. В тот день его контузило, до конца своих дней он не мог потом избавиться от глухоты.

Таков славный боевой путь моего деда, Василия Павловича Кислякова.

И вот война кончилась. Пришло время устраивать жизнь, строить и созидать, растить детей.

Женился дед в январе 46-го. Встретились они еще в начале 1945 г. в Москве, как раз когда его перебрасывали на юг. В книге дед написал, что, будучи проездом в Москве, конечно, сразу посетил Мавзолей Ленина и Красную площадь. Возможно, и в Мавзолее он побывал, но главное, что он успел – это за компанию с одним из своих боевых товарищей заглянуть в гости к его сестре в Сокольники. Там они познакомились и с ее соседкой по комнате – Лелей Подьуровой, будущей женой Василия Кислякова. Пока он был в Москве, они встречались, когда отбыл на фронт – переписывались. Сразу после войны он вновь побывал в Москве, но опять проездом, их встреча вновь была недолгой. Окончательно он вернулся в Москву только в январе 1946 г., и они сразу поженились. Вот почему я в самом начале писал, что если оставить только боевой путь, то портрет Героя выйдет неудачным. Война, как часть жизни, решала судьбы многих людей, а в жизни, как и в человеческой душе, всегда есть место и такому тонкому чувству как любовь. Отважный командир роты морской пехоты, прославившийся своими подвигами, оказался способен на любовь с первого взгляда, он смог понять и помочь ей пережить трагедию ее молодости (война унесла жизни двоих ее детей).

Но ведь, подумать только, если бы не война, то все сложилось бы совсем по-другому, и они бы вряд ли встретились, и многого бы еще чего не произошло, и даже, получается, меня сейчас бы, значит, на свете не было. Выходит, в каком-то смысле война, которая унесла жизни миллионов людей, одновременно свела и связала множество судеб, которые в обычных обстоятельствах никогда бы не переплелись. Парадокс.

В 1946 г. в семье Кисляковых уже родился первенец – мой отец Геннадий, следом в 1947-м – второй сын Николай, а в 1948-м деда направили в составе контингента Советских войск командовать ротой в Финляндию, где им суждено было прожить семь лет. Часть была расквартирована на большой площади. Они жили в лесу на бывшей даче посла под Паркалла-Удом. В Финляндии в 1949 г. у них родились двойняшки Лида и Люда.

Судя по всему, для В.П.Кислякова это было самое счастливое время. В Москве они сдавали комнату и на эти деньги могли себе позволить летом в отпуск отправиться на юг, к морю. Жена умело вела большое хозяйство (у

них были корова, свиньи, утки), сам он в мирное время продолжал военную карьеру, дети росли, у них был отдельный дом, вокруг шумел лес... Конечно, не хватало игрушек для детей, поэтому дед притаскивал им из леса то бельчат, то камышового котенка, который вырос потом в огромного ручного зверя, пугавшего своими кошачьими забавами армейских лошадей.

Кисляков был по истине «дитя природы», он не просто любил лес и животных, он как будто знал их язык, чувствовал их. Видимо, он впитал в себя это с детства, пока рос на Печоре. Мне с ним довелось примерно в 1983 г. участвовать в передаче «От всей души». Ее снимали в Белгороде, нас поселили в доме отдыха за городом. Стояла весна, почки распускались. А вокруг – Божья благодать: лес сосновый, особенный, живой – с белками, с громадными муравейниками по пояс. Дед целыми днями водил нас лесными тропами, показывал что-то нам, просто отдыхал, получал удовольствие. Однажды гуляя, мы набрали на поле, засаженное маленьким сосняком – по колено буквально. Сосенки были совсем маленькие, умиляли, как дети. Он готов был каждую из них расцеловать буквально, настолько щемящее чувство любви они у него вызывали. Он вообще умел любоваться мелочами, нагнувшись над какой-нибудь букашкой или травинкой.

Или вот другой пример: каждое лето, проживая за городом, уже будучи большим стариком, он вставал в пять утра и уходил или в лес по каким-нибудь делам, или на реку на рыбалку. Рыбаком он был заядлым и умелым. Сам мастерски плел сети, верши, бредни, но любил и с удочкой посидеть. Без улова не возвращался.

В общем, для Кислякова жизнь в Финляндии, должно быть, тогда казалась раем, несмотря на тяготы неустроенности и ощущения временности быта.

В 1955 г., Советский контингент из Финляндии был выведен, дед ввиду сокращения вооруженных сил был демобилизован, и семья возвратилась в Москву. Детям надо было учиться, да и здоровье у него ухудшилось. Сказывались и боевые ранения, и австрийская контузия, и нечеловеческие условия жизни военного времени, и вредные армейские привычки. Дед очень много курил. По его собственным рассказам, в молодости он вообще не выпускал изо рта трубки, а если курил папиросы, расход у него достигал двух пачек в день. Это не могло не сказаться на здоровье. Надо было налаживать новую жизнь и менять привычки.

Оказалось, что специальности как таковой у него нет. Не знаю, задумывался ли он когда-нибудь об этом, но вышло так, что жизнь заставила его столкнуться с проблемой выбора своего будущего уже в возрасте около 40 лет. Так было со многими, вернувшимися с войны, но в случае с Кисляковым война кончилась уже 10 лет назад, а ему, бывшему командиру роты и капитану

запаса, далеко уже не мальчишке, приходилось все начинать с нуля уже на глазах у детей-школьников. И тут огромную моральную поддержку, как мне представляется, оказала наша бабушка, Елена Ефимовна, которая всю жизнь была ему главной опорой, заботилась об уважении к нему окружающих, о том, чтоб дед никогда не терял смысла жизни. Моряки тоже не бросили командира. Он никогда не был одинок, рядом были его боевые друзья, для которых он всегда оставался дорог, они его до конца жизни так и называли: «наш ротный».

Гости сменяли друг друга в их доме постоянно, стол всегда ломился от сладостей и деликатесов (Елена Ефимовна была из семьи потомственных кондитеров), у них любили бывать и скульптор Кербель, и фотокорреспондент Халдей, и дважды Герой Леонов, и Герой Советского Союза Бабиков, и однополчане деда, и наши многочисленные родственники. При этом жила семья Кисляковых отнюдь не зажиточно. Из мебели в доме до конца 1970-х было только самое необходимое, жене и дочерям приходилось шить одежду самим. Гостеприимство и трудолюбие – вот основная общая черта членов семьи Кисляковых.

Дед всю оставшуюся жизнь проработал простым рабочим. Пока они жили в Сокольниках, он работал сначала в Главметростре, а позже – на заводе «Красный Богатырь». Потом, когда в 1959 г. они, наконец, получили отдельную квартиру в районе метро «Университет», дед нашел работу поближе к дому на заводе «Каучук». Производство было вредным, отрицательно сказывалось, в первую очередь, на органах дыхательных путей. Здоровье начинало давать сбои все чаще. Пришлось бросить курить, на работе пришлось переводиться в другие цеха или на другие специальности – труд становился для него тяжелым. Он уже нуждался в регулярном лечении. При этом он продолжал трудиться с полной самоотдачей, был ударником коммунистического труда, удостоен награды «За добросовестный труд». Кроме того, старался взвалить на себя побольше общественной нагрузки, его то куда-то выбирали, то он сам записывался в народную дружину. Он никогда не жаловался, он не умел жаловаться, он вообще боялся показаться слабым.

Еще бы, ведь для многих, в первую очередь у себя на родине в Коми, а так же и на Кольском полуострове, он был человеком-легендой. У нас есть одна занятная фотография – я предполагаю, что на ней здание сельсовета в его родном Бугаево. На здании висит посвященная ему табличка с его барельефным профилем, на котором деда узнаешь с трудом: красавец-мужчина европейской внешности. На открытках, плакатах военного времени и, особенно на иллюстрациях детской книжки Н. Букина «Север, фас!», Василий Кисляков – «косая сажень в плечах», этаким Илья Муромец времен

Второй Мировой, собирательный образ всех моряков-североморцев. Даже в представлении большинства фронтовиков, ни разу его не встречавших, но наслышанных о нем, Кисляков был обладателем незаурядной внешности. И когда с ним знакомились, каждый раз удивлялись, на сколько Кисляков, нарисованный воображением, отличается даже визуально от Кислякова реального.

Вот его истинный портрет: на самом деле он был совсем небольшого роста, коренастый и жилистый. В молодости он активно занимался спортом, имел разряд по лыжному спорту, участвовал в соревнованиях и завоевывал призовые места, в общем, он над собой, конечно, работал. Но изначально природа не наградила его атлетической фигурой и классическими пропорциями тела. Его лицо тоже нельзя было назвать красивым: довольно явно выражены были монголоидные признаки (прикус, скулы). К тому же лицо носило следы перенесенной оспы. Из-за глухоты он разговаривал очень громко и, вдобавок, отрывисто, что характерно, вероятно, для его родного северного говора. К этому можно прибавить, что манера выражать мысли у него вообще была оригинальной, он старался строить речь как можно более четко и кратко, по-армейски. И тем не менее, эта его странная манера разговаривать и его внешность все равно не оставляли сомнений у тех, кому довелось с ним познакомиться во время и после войны, что этот человек мог и «один против ста», и центральный мост в Вене спасти от фашистов...

Уж не знаю, работал ли он, как сейчас говорят, над своим имиджем, или это получалось у него вполне естественно, но внешне он производил впечатление сурового морского волка. Он брил голову наголо, всегда дома носил синие гимнастерки, весь был покрыт татуировками, выходя на улицу, чаще всего надевал берет. Все стены и полки у них в квартире были увешаны и заставлены кораблями, бескозырками, фотографиями военных лет, всякими сувенирами северной, военной и морской тематики. Он жил всю жизнь воспоминаниями о севере, о море, о боях. Дети росли в ауре морской романтики. Старший сын в юные годы даже поступил в Нахимовское училище, дед мечтал, что он пойдет по его стопам. Его надежда в каком-то смысле сбылась, правда, мой отец выбрал другую воинскую специальность. Он стал чекистом и вышел в отставку уже в звании полковника ФСБ. Василий Павлович всегда гордился сыном Геннадием.

Дед не умел произносить пафосные речи, говорить торжественные тосты, писать оригинальные открытки. Не знаю, можно ли его назвать коммуникабельным человеком. Хотя он любил пошутить, был достаточно веселым, рассказывают, что в молодости первым выходил из-за стола плясать. Отец вспоминает, что во дворе его все знали, каждый с ним любил поговорить.

Но я его помню уже пожилым и несколько другим, более закрытым (наверное, болезнь и старость меняют человека), молчаливым, внешне суровым человеком. Но при этой кажущейся суровости, на самом деле, в душе он был очень ранимым и где-то даже сентиментальным, хотя и прятал свои эмоции. Даже у настоящих Героев есть свои слабости. Парадокс в том, что дед наивно расстраивался или по-детски обижался из-за сущих мелочей, но при этом, умел стоически переживать действительно серьезные удары судьбы, ему не присущи были чувство зависти и другие человеческие пороки. Зато его мог до того расстроить, например, проигрыш в какую-нибудь игру в кругу семьи, что он уходил на кухню пить валерьянку. Или, скажем, он не умел скрыть досады, если кому-то удавался больший улов на рыбалке, чем ему. Но насколько все это было искренне! Он всегда был естественен и абсолютно искренен, он по-детски искренне радовался и обижался. В общем, он был нормальным человеком, со своими достоинствами и недостатками. Он просто жил, как умел, жил как этого требовала от него сама жизнь.

Умер Василий Павлович 29 ноября 1990 г. ночью. Этому предшествовала долгая и затяжная болезнь. У него был рак легких, фактически он умирал постепенно с сентября месяца. Он задыхался, очень похудел, не мог повернуться на бок – было больно. В последние дни жизни круглые сутки дежурили возле него по очереди жена Елена Ефимовна и дочь Людмила, им приходилось нелегко. Он не стонал и не жаловался, но ясно было, что его мучили адские боли.

Похороны были с большими почестями, с салютом, проводить в последний путь Героя пришло много народу. Похоронен дед на Троекуровском кладбище. Рядом лежит его жена, пережившая его всего на полгода.
19.04.2005 г.

А. Ольхова

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В СУДЬБЕ МОЕЙ СЕМЬИ***

Великая Отечественная война... Что связывает меня с этим событием? Прежде всего – это беда моего народа, так как война шла долгих четыре года и тогда никто еще не знал, когда она закончится, сколько еще народу погибнет. В грозные 1940-е годы, конечно, еще не было меня и даже не было моих родителей, но были мои дедушки и бабушки, прадедушки и прабабушки. Родные со стороны мамы – коренные северяне, родные со стороны папы – русские и донские казаки, оказавшиеся в Казахстане. Я хочу рассказать об участии моих родных в Великой Отечественной войне, показать их вклад в победу.

Что заставило меня сесть за реферат. История. История, которую как предмет я изучаю почти 10 лет. На уроках мы изучаем: историю Древнего мира, периоды рабовладельческого строя, развитие капитализма, периоды блестящих побед и горьких поражений нашего народа.

История – это всегда люди, так говорит Ирина Ивановна, мой учитель истории. И это понятно, мне всегда казалось, что другие люди, не известные нам, творят эту историю. Однако Ирина Ивановна доказала, что это не так. Что в истории нашей страны участвовали не только книжные герои, но и наши предки.

XX век – это век бурных событий: Первая Мировая война, революция и многое-многое другое. А какое участие принимали в этих значимых событиях мои дедушки и прадедушки, бабушки и прабабушки?

Цель моего исследования: проследить участие моих родных в исторических событиях Родины.

Мне стало интересно, а что они делали в периоды бурных перемен? Из воспоминаний родителей я постаралась собрать информацию воедино. К сожалению, многие из участников тех далеких событий уже умерли. Информации получилось очень много, но в данном случае дело не в количестве. Я знаю, что и моя семья, благодаря данной работе, несколько вечеров вспоминала своих родных и близких. Нам было чем гордиться, и независимо от того, будет ли оценен данный реферат с оценочных критерий, он останется семейной реликвией. И уже мне будет что передать, а может и дополнить моим детям.

* Руководитель И.И.Ткаченко.

1. Родня Ольховых

Слово «Родня» по толковому словарю Владимира Даля имеет синонимы: *сродный, кровный, единокровный, близкий по родству (первой степени)*, а так же – *дальний, кровный (двоюродный, троюродный – второй степени)*.

Моей родней я могу считать дедушек и прабабушек из Казахстана и Республики Коми; дядек и тетюшек, проживающих в Сибири, в средней полосе России и в Печоре, а также двоюродных и троюродных сестреночек и братишек, проживающих как в России, так и в ближнем зарубежье. Это родня второй степени, а со мной рядом проживает родня первой степени: мама, папа, моя старшая сестренка, но речь сегодня не о них. Речь сегодня о родне второй степени – о бабушках и дедушках, о прабабушках и прадедушках.

Мой папа, Ольхов Александр Владимирович, родился в Восточном Казахстане. По национальности он русский, но не всегда его родня жила в Казахстане.

Беляевы (родня папы со стороны матери) и Ольховы (родня со стороны отца папы) оказались в Казахстане после Гражданской войны, где их семьи вынуждены были искать новые земли, уходя от голода, коллективизации и эпидемий. В каждой семье насчитывалось по 6-7 детей. С собой в далекие земли они взяли кастрюли, плошки, немного одежды и сохранившихся животных: коров и лошадей. Это все что было. Но это все-таки что-то было. Беляевы ехали с Поволжья, а Ольховы – с Дона. Благодаря тому, что у них был скот, обе семьи сразу же были приняты в колхоз. Хотя сильно Беляевым и Ольховым этого не хотелось – отдавать своих животных для коллективного пользования, но по-другому уже жить было нельзя. Не откажешься! Могут и посчитать за кулаков и отправить еще куда подальше.

Переехала родня в Казахстан в конце тридцатых годов и до самой Великой Отечественной войны без отпуска и выходных не за деньги, а за трудовую работала в колхозе. Прабабушка Поля потом в 80-е гг. XX столетия получала за периоды работы в колхозе пенсию в размере 20 руб.

1.1. Ефим Ефимович Беляев.

Мой прадедушка Ефим Егорович Беляев (дедушка моего папы) был призван в 1941 г. в ряды Советской Армии из Восточного Казахстана. Служил он рядовым в пехоте – самых главных войсках. Участвовал он во многих боях и сражениях, сначала отступая от врага, затем наступая.

Он участвовал в знаменитой Курской битве, в ходе которой решалась судьба войны. В одном из боев он был тяжело ранен и демобилизован.

Он долго лечился в различных госпиталях, но многочисленные раны заживали с большим трудом, да и возраст давал знать, поэтому по окончании лечения, Ефим Егорович был демобилизован.

В 1944 г. израненный он вернулся домой. В мирной жизни дедушка так и не смог себя проявить, так как тяжелые раны сделали его инвалидом. Прожил он после войны всего лишь несколько лет и умер задолго до рождения моего папы.

1.2. Пелагея Нестеровна Беляева.

А моя прабабушка Пелагея Нестеровна, ей сейчас 95 лет, (бабушка моего папы, жена Ефима Егоровича Беляева) до сих пор живет в Восточном Казахстане и переезжать в Россию к своим детям не хочет, потому что она говорит, что могилы родных с собой не возьмешь.

В 1944 г. прабабушка Поля работала в колхозе в Восточно-Казахстанской области. Работали в колхозе без выходных и праздников по 14-16 часов: сеяли рожь, собирали картофель... Фронту нужны были продукты, солдат нужно было кормить. И работала прабабушка Поля не жалея сил.

А когда израненный дед Ефим вернулся с фронта, то легче бабушке не стало. Так как нужно было кроме работы в колхозе, домашних работ еще и осуществлять постоянный уход за больным мужем.

После смерти Ефима Егоровича осталась бабушка одна с четырьмя детьми-подростками, но всех вырастила трудолюбивыми и добрыми людьми, дала им образование: почти у каждого – среднее специальное. И по сей день живут ее сыновья рядом в деревне Барашки, а дочери живут в России.

По характеру бабушка Поля большой оптимист: никогда не жалуется, что ей трудно, сложно, что не хватает денег. Кормится до сих пор плодами земли, пьет воду с Иртыша, вяжет зимними вечерами теплые носки внукам и правнукам.

Сегодня у нее насчитывается 12 внуков, 14 правнуков и одна правнучка. Образование внуков на сегодня гораздо выше, чем у их родителей: половина из них закончила высшие учебные заведения (академии, университеты, институты). А бабушка Поля и дед Ефим закончили церковно-приходскую школу. А я даже и не знала о существовании такой. Ее мама прожила 105 лет, так что бабушка Поля считает, что она еще поживет.

1.3. Николай Степанович Ольхов.

А еще мой один прадедушка – Ольхов Николай Степанович, папин дедушка – до начала Великой Отечественной войны был призван на действительную службу в кавалерию, с 1941 по 1944 г. служил в артиллерии. Участвовал в очень многих боях, в том числе в битве за Москву, под Курском, как и дед, Ефим Егорович. Я не знаю, к сожалению, были ли они знакомы друг с другом в то время, встречались ли на поле битвы. В те времена они еще не были родственниками, но были земляками.

В 1944 г. он был тяжело ранен прямым попаданием фашистского снаряда в артиллерийский расчет и ослепший – демобилизован. По пути

домой его сопровождала медсестра, которая оказалась моему прадедушке дальней родственницей.

Когда умер дедушка Коля, папа только пошел в первый класс, и поэтому он не очень помнит дедушкины истории, но самое начало военного пути деда папа сохранил в своей памяти и передал об этом нам.

Военный путь деда начался с боев под Москвой, осенью 1941 г. Николай Степанович Ольхов попал в батальон, в задачу которого входило не допускать врага в нашу столицу – Москву. А враг был близко: в бинокль офицеры рассматривали столицу. Немцы были хорошо вооружены, сыты, наглы, ведь за несколько месяцев они захватили почти всю западную Россию.

У наших солдат не было хорошей еды, необходимых боеприпасов. Да и одежда могла бы быть потеплее. Но не это беспокоило солдат. Боль пронзительная, острая, не проходящая, пронзила солдат. Боль за Москву, за Родину, за родных. Неужели не выдержим, неужели отступим? Дедушка говорит, что даже тяжело раненные солдаты не хотели покидать свои траншеи. Но не только одни советские солдаты защищали Москву. Каждый день сотни и сотни мирных граждан копали траншеи, помогали раненым, готовили горячую еду для солдат.

И солдаты, и мирные жители не жалея себя боролись с фашистами. И они вопреки всему – победили. Враг дрогнул, враг не прошел. Это были первые победы нашего народа, первая победа деда. За бои под Москвой деду была объявлена благодарность от командования в письменном виде. Эту благодарность дедушка отправил домой – в далекий Казахстан и весь поселок приходил в дом Ольховых прочитать, посмотреть на этот документ. Ведь эта была одна из первых весточек с фронта.

Доживал дедушка Коля в семье моего отца. Умер он в начале 1970-х гг. Папа говорит, что дедушка был очень добрым, любил детей, обожал внуков, любил слушать радио. Особенно постановки на военную тему. Плакал, когда погибали литературные герои. Любил патриотические песни. Имел неплохой голос и прекрасный слух. Когда просили его что-нибудь спеть, пел песни военных лет. Считал, что военные годы для него – это лучшие года. Потому что он был деятельным, молодым, здоровым.

2. Родня Каневых

Мамина родня всегда (сколько себя помнит) проживала на Крайнем Севере – в Печорском районе. Но это касается только родных со стороны мамы – Пастуховых. Их родовая деревня – это деревня Родионово, основана одним из наших предков. В настоящее время в этой деревне уже не живут коренные жители, стоит несколько домов, но проживают в них временно различные специалисты из города. Когда мы летом отправляемся в отпуск

на своем автомобиле, то на бараже проплываем нашу деревню, и мама всегда показывает дедушкин дом. Так ей кажется, что это дедушкин дом, хотя я думаю, что с реки очень легко ошибиться и принять соседний дом за свой. Деревня Родиново стоит на высоком берегу Печоры, место очень красивое: вокруг деревни расположились душистые луга, густые леса.

Мама говорит, что еще в период ее детства деревня была полна народу: стояло несколько десятков домов, в которых жили многодетные семьи. В одной семье детей насчитывалось 19 человек. У них был двухэтажный дом. Жили они не богато (а тогда все так жили), но были все очень гостеприимными и радушными. Мама почти все каникулы летом проводила в этой деревне у дедушки с бабушкой. Было очень весело. Детей за лето в деревне набиралось много: и городских (как моя мама), деревенских (приезжали из школьного интерната). В каждом доме с большим уважением относились к гостям: спрашивали о здоровье родителей, предлагали самое вкусное. Особенно маме нравилось бывать в самой многодетной семье (фамилию этой семьи мама забыла, ведь это было так давно, почти 40 лет назад). На стол в этой семье кисель ставили в тазах и в таких же тазах – свежий душистый хлеб. А когда за столом сидят 20 ребятишек, то представляю, как это вкусно: хлеб, кисель, морошка, свежая сметана.

Но это родня со стороны моей бабушки. А вот у моего дедушки, Канева Василия Егоровича (отца мамы), родни не было. Конечно, факт рождения есть, но точной даты никто не знает и место рождения тоже. Потому что моего дедушку в 1924 г. нашли на берегу р.Печора (д.Кожва) под лодкой. Утром услышали писк и, заглянув под лодку, нашли мальчика с черными волосами, накануне по реке проплывала баржа с ссыльными. Трудно поверить, чтобы какая-нибудь деревенская девушка таким образом захотела избавиться от ребенка. Деревенские жители по своей природе не способны на столь жестокие поступки – бросить младенца на берегу реки под лодкой. А если бы никто не нашел? Да и беременность в деревне невозможно скрыть. Так что моя мама, шутя, иногда говорит, что может быть мы вообще дворяне? Может быть, наша родня сейчас во Франции? А папа, когда показывают по телевизору Париж, всегда кричит: «Нина, иди скорей, твою родину показывают!». Мама смеется. Да, это шутка. Хотя, кто знает правду?

Младенца сначала отдали в больницу, там ему дали ему фамилию и имя, а затем, когда мальчик вырос, его на воспитание взяла семья Беленьких, украинцев, сосланных на Север.

2.1. Егор Назарович Пастухов.

Мой прадедушка Пастухов Егор Назарович родился в начале 90-х гг. XIX в. Еще будучи молодым человеком он участвовал в Первой мировой войне, затем стал бойцом Красной Армии молодой республики Советов.

Немецкие и белогвардейские пули миновали деда, и он благополучно вернулся в свою родную деревню – Родионово. Почти сразу дедушка женился, и в семье Пастуховых в 1925 г. родилась девочка Анна – моя бабушка.

Прадедушка, как и все жители деревни, участвовал в создании колхоза. А для души у него были два любимых занятия – это ловля рыбы и охота. Занимался Егор Назарович не ради удовольствия, а потому что для коренных деревенских жителей рыба и лесная дичь являлись если не единственным источником питания, то хорошим подспорьем. После девочки Анны в семье Пастуховых появилось еще несколько девчонок и мальчишек. Жизнь с каждым годом становилась сытнее, колхоз богаче, но и до них доходили слухи о том, что не все так благополучно на большой земле. До жителей глухих деревень слухи доходили с опозданием, но доходили. 1939 г. – финская компания, 1940 г. – фашистские войска идут на восток, 1941 г. – началась Великая Отечественная война.

Прадедушке в это время уже было более 50 лет. Выглядел он моложе своих лет, так как вел, как сейчас говорят, здоровый образ жизни: не употреблял спиртное, не курил, так как был глубоко религиозным человеком, особого направления – христианин-баптист.

Он был призван в ряды Советской Армии из деревни Родионово Печорского района осенью 1941 г. Егор Назарович был хорошим охотником, метко стрелял, быстро ходил на лыжах и поэтому попал он вместе с другими земляками в оленьи батальоны, сформированные из оленеводов и оленей из печорских оленесовхозов.

Егор Назарович в свои 50 лет не выглядел атлетом, но его силе и выносливости могли позавидовать многие молодые.

10-й батальон, в который он попал, был сформирован в начале 1942 г. в Архангельской области. Добирались охотники, оленеводы до Архангельска несколько месяцев. За сутки оленям удалось пройти от 40 до 50 км. Олени то спускались на заснеженный лед Печоры, то поднимались на ее берега, преодолевали болота и топи, выбивали крепкими копытами из-под снега седой от мороза мох. По старому, давно заброшенному Лешуконскому тракту и вышли на Пинегу и Северную Двину, а по ней добрались и до Архангельска. Места вокруг Архангельска показались деду неприветливыми, непривычными: чахлый лес, низкорослые ели. И погода здесь не привычная: уже в конце марта начинает задуть с моря влажный солнечный ветер. А на Печоре в это время по-зимнему ярится мороз, и вьюга застилает весь белый свет.

В марте оленьи-лыжные батальоны были отправлены на фронт. Дедушку и его земляков выгрузили из вагонов возле Мурманска, а затем уже они

своим ходом переправились в район речки Западная Лица, там проходила линия фронта.

В апреле 1942 г. на Севере наступило некоторое затишье. Наши войска накапливали силы и готовились к наступлению. Десятому батальону, в котором служил Егор Назарович, была поставлена задача прорваться ночью в тыл противника и доставить боеприпасы в район безымянной сопки, которую к этому времени должны занять наши бойцы.

В путь тронулись, когда совсем стемнело. Упряжки, нагруженные ящиками с минами, втянулись в цепочку. К утру бесценный груз был доставлен к месту заданной точки, но нужно было сделать еще и второй рейс. Он оказался не таким удачным, как первый. Почти в самом его конце, на бредущем полете, почти касаясь вздрагивающих оленьих спин, прошли фашистские самолеты над самым поездом, нещадно поливая его из пулеметов.

В этой бомбежке были убиты несколько дедушкиных земляков. Как не прочна, уязвима на войне человеческая жизнь! Шальной осколок, слепая пуля – и нет человека, но несмотря на фашистские самолеты и этот груз был доставлен нашими бойцами.

Оленеводы на оленях доставляли боеприпасы, вывозили с поля раненных и обмороженных. Солдаты полюбили оленеводов за безотказную службу, не показную, внешне даже как-то неприметную храбрость и веселое простодушие, которое особенно ценилось в перерывах между боями. Особенно пришлось по душе оленьи упряжки фронтовым разведчикам. Стремительные вылазки в глубь обороны противника стали обычным делом и не мыслились без легконогих выносливых оленьих упряжек, для которых не существовало необходимых мест и бездорожья.

Так пролетело два года. Наступил 1944 год. На северном фронте назревали крупные военные действия. Оленьи транспортные роты вместе со всеми нашими частями готовились к наступлению. В Ловозерской тундре спешно отрабатывались новые тактические задачи. Надо было заставить оленей везти груз на спине, так как с санками летом пришлось расстаться. С большим трудом приучили оленей таскать груз на спине, это был выюк из «воля» – мягкой оленьей шкуры.

1944 год – это последний год войны для моего прадедушки – Егора Назаровича, так как именно в этом году он был ранен и отправлен домой, в свою родную деревню Родионово на Печоре. Возвращался он домой на поезде. Часами простаивал он у раскрытого окна, провожал глазами мелькавшие, как в тумане, пыльные полустанки и словно оплетенные зеленью села, жадно примечал все вокруг вновь прорезавшимся в нем вторым зрением. И мир, такой непростой, накаленный, подчас жестокий, отогревал

его душу летним солнцем, продувал ее смолистым ветром тайги, которая со всех сторон подступала к окнам вагонов и протягивала ему свои добрые мохнатые лапы...

Вернувшись с фронта, Егор Назарович взялся за решение мирных проблем. А их было много. Не все мужчины вернулись с войны, и во всем не хватало мужских рук, но нужно было жить, поднимать детей, работать в колхозе и за себя, и за погибшего соседа.

А для души у прадеда было два занятия: ловля рыбы и охота, возвращаясь с которых, прадед всегда делился своей добычей с вдовами, соседями, так как он считал, что забота о родных умерших воинов ложится на плечи вернувшихся с войны. Он соблюдал этот неписанный закон до конца своей жизни.

Умер прадедущка в начале 80-х гг. XX в. в глубокой старости. Он не дожил до своего 90-летия совсем немного. Мама говорит, что впервые на похоронах бабушки она увидела его ордена и медали, и даже царские кресты за участие в Первой мировой войне. Их несли на красных маленьких подушках. При жизни дед никогда не хвастался своими наградами. И только смерть показала, какую жизнь прожил он, какие подвиги совершил, о которых нам приходится только догадываться.

Сегодня я могу сказать, что мой прадедущка Егор Назарович Пастухов принимал самое непосредственное участие в исторических событиях нашей страны. Как говорится в одной песне, «...своими руками историю делал».

2.2. Василий Егорович Канев

Моему дедушке Каневу Василию Егоровичу (маминому папе) в 1944 г. исполнилось 19 лет. В этом году он закончил школу милиции в г. Ухта, и ему было присвоено звание младшего лейтенанта. Ему очень хотелось на фронт, но его не брали, так как в тылу тоже нужны были квалифицированные офицеры. Сразу же после прибытия по месту жительства – в г. Печора, он был определен на охрану стратегического моста через р. Печора.

В годы войны пропускная способность Северной железной дороги была значительно увеличена, это позволило полностью обеспечить вывоз воркутинского угля, лесной продукции, нефти, которую уже тогда добывали под Ухтой и другой продукции в места потребления. Значение этой магистрали было настолько велико, что немцы сбросили специальную диверсионную группу с целью взорвать железнодорожный мост через реку Печору. Однако диверсионная группа не успела выполнить задание и оказалась обезвреженной. Это было в 1943 г.

Но и в 1944 г. мост продолжал оставаться стратегическим, так как по нему продолжали отправлять необходимую продукцию, среди которой стратегическое значение имели все тот же лес, уголь, нефть. Добыча нефти

«Ухтакомбинатом» в годы войны возросла почти в два раза и составила в 1945 г. 172,5 тыс.т. На полную мощность заработала первая в стране нефтешахта № 1. В это же время была открыта целая группа газовых месторождений. Исключительно высокими темпами развивался Печорский угольный бассейн, обеспечивающий углем Северный морской флот и многие промышленные предприятия Ленинграда, Кирова, Горького и Москвы.

День и ночь под усиленной охраной находился наш знаменитый мост над р. Печора. В охране этого моста участвовал и мой дедушка Василий.

Почти каждое лето, выезжая в отпуск, я проплываю под этим мостом, и в памяти встает образ моего дедушки на фотографии в виде молодого офицера. Я горжусь им, потому что мост сохранился и продолжает функционировать и в наше время. И в этом есть заслуга моего дедушки – Канева Василия Егоровича.

2.3. Анна Егоровна Пастухова (Канева).

А моей бабушке Анне Егоровне Пастуховой в 1944 г. исполнилось 18 лет, но несмотря на столь юный возраст она уже была бригадиром лесорубов. Да-да, бригадиром лесорубов, а лесорубами были девушки и женщины от 14 и старше. Мужчин не было, все ушли на фронт. А фронту нужен был лес. И валили лес хрупкие девичьи руки, на технику рассчитывать было нельзя. Конечно, кое-что из техники и у них было, но не было запасных частей, новых механизмов, да и механиков тоже, и большинство видов работ в лесу выполнялось девчатами вручную. Но и в этих условиях Коми республика бесперебойно снабжала 40 крупных предприятий страны, обеспечивала работу оружейных и других заводов, ряда железных дорог.

Как бабушка говорит, самыми страшными врагами были: летом – знойная жара, комары, от которых нигде не спрячешься, а зимой – морозы до –40°. Но все терпели девочки, девушки, женщины, так как их труд нужен был Родине. Жили они практически в лесу и в деревню приходили только по самой острой необходимости: помыться, взять другую одежду, если старая сильно порвалась, и самое главное, узнать новости. Как там на фронте? Кто вернулся домой, а кого уже никогда не ждать.

Но не только лесом жили деревенские коми девчонки. Они чем могли помогали фронту: вязали шерстяные носки, сушили лечебные травы, ягоды и грибы. Потому что в те годы главный девиз был «Все для фронта, все для Победы». И так – всю войну. За доблестный труд в тылу бабушка Аня награждена медалью.

Итак, Великая Отечественная война в истории моей семьи. Собрав этот материал, я могу сделать вывод, что действительно, мои родные принимали самое активное и непосредственное участие в исторических событиях моей Родины. Они размышляли, зачем это нужно им, не обсуждали поступки

правительства. Тогда это было не принято. Они были очень образованными людьми, но они понимали, что Родина находится в большой беде. И именно они должны сделать все, чтобы стало лучше.

Можно отметить одно совпадение в истории моих родных – это то, что прадедушка Ефим Егорович Беляев, Николай Степанович Ольхов и Егор Назарович Пастухов возвратились домой в 1944 г. Они были уже не молоды, ранены. Поезда шли на восток, и я не знаю, может быть, они жали друг другу руки или даже при очередной победе обнимали друг друга, может, плакали над одним и тем же, а может, они не разу и не встречались. Но это не важно. Ведь все, что они делали тогда: прадедушки Ефим Беляев, Егор Пастухов и Николай Ольхов, дедушка Канев Василий, а также бабушка Анна Пастухова, прабабушка Пелагея – все они приближали День Победы, а значит, и день моего рождения.

Я считаю, что очень важно знать и помнить не только свои личные даты, но и знаменательные даты своей страны, своего народа, своих родных и близких. И я обязательно передам своим детям все, что знаю и помню о своих родных и близких – с юга и крайнего севера. Ведь со смертью человека не должны умереть его дела, память о нем. И все это должно храниться в нас, в их потомках и тогда мы сможем передать память о них следующему поколению, и значит, что их страдания, боль не были напрасны.

Составляя родословную, некоторые клеточки у меня получились пустыми (см. Приложения) и поэтому я обязательно продолжу работать по сбору информации об участии моих родных в тех или иных исторических событиях нашей Родины. Уже в это лето я думаю, что при встрече с родными, я узнаю большее. Мои родственники обещали мне в этом помочь.

Литература и источники

1. Даль В.И. Толковый словарь. – М.: Русский язык, 1989.
2. Изъюров И. «В оленьей упряжке»: Быль. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989.
3. Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996.
4. Кредов А. Новейшая история XX в. – М.: Центр гуманитарного образования, 1995.

И. Е. Шахов

ПОД ЗНАКОМ РОКА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ
(ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ) *

Наше поколение родилось и прожило свою жизнь под сенью государства, гордо именовавшегося СССР. Трудно привыкнуть к мысли, что такого государства сейчас нет на карте мира, и оно никак не может возродиться в прежней форме. Вместе с тем советская история (1917–1991 гг.) будет долгие годы будоражить человеческие умы – как ученых, так и тех, которые интересуются историей своей Родины.

Были достижения, еще больше было потерь – особенно нравственных. На их восстановление потребуется жизнь не одного поколения. Каким образом кучке большевиков удалось склонить миллионные массы трудящихся к захвату власти и затем ее защищать? Почему абсолютно большая часть населения принимала активное участие в строительстве так называемого «счастливого общества»?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы, свидетели и прямые участники событий тех лет, просто обязаны воспроизвести пережитые явления на бумаге, показать будущим поколениям мироощущение той эпохи через жизнь и дела отдельных личностей.

Предлагаемые читателю сочинения не являются мемуарами, хотя описание тех или иных событий неизбежно приобретает форму воспоминаний. Настоящий труд скорее всего сборник литературно-публицистических очерков. Они неизбежно толкают автора к размышлениям о пережитой эпохе. Через личностные оценки мне хотелось показать образ мышления и действия людей, волею судьбы оказавшихся современниками тяжелого и кровавого XX века. Возможно это увлечет тех, кто пожелает познать внутренние мотивы поступков людей нашего поколения. Автор надеется, что вечен и непреходящ интерес людей к своей истории.

К сожалению, эта книга не могла быть издана официально через Коми книжное издательство. Возможно рукопись и дождется лучших времен, когда появятся средства. Но все же я благодарю это издательство (А.В. Ульянова и И.И. Белых) за внимание ко мне и ценные советы, которые мною были учтены в этом «самиздатском» варианте книги. Я искренне признателен Центральному государственному архиву Коми республики, который, во-первых, сохранил рукописи моего дедушки В.П. Кунгина и, во-вторых, подтолкнул

*Фрагменты из книги **Игоря Егоровича Шахова** (1925-1996), которую автор издал на свои средства тиражом около 20 экземпляров самиздатом в год своей смерти.

меня к литературному творчеству. Большие услуги оказала родная Сыктывкарская фабрика нетканых материалов. Наконец, спасибо родным и близким, поддержавшим меня в запоздалом начинании. Хочется отметить председателя генеалогического общества «Ордпу» М.Д. Игнатова – коллекционера «самиздатской» литературы, который подарил идею «самиздата», привлек внимание общественности к наследию моего деда В.П.Кунгина. Спасибо и Д.И.Напалкову, который оказал помощь в редактировании и помог внести важные дополнения из архива деда. Сердечное спасибо всем, кто помог в работе над книгой. Пусть ее тираж составляет десять экземпляров, но все же я буду рад получить ваши замечания, и заранее прошу прощения у тех, кто ненароком оказался задетым печатным словом.

От Печоры до Эльбы

Лето 1942 года выдалось на Печоре небывало жарким. По песчаной косе, что раскинулось под Кожвой, на босу ногу нельзя было ходить, до того песок раскалялся. Но как всегда река к себе притягивала. Мы с Васей Поповым ухитрились временами сбегать к реке и отмыться от налипшей грязи. А было от чего грязи набраться.

От зимнего забоя оленей на склад райконторы «Заготживсырье» поступали шкуры от убойных пунктов Абези, Сыни, Колвы, припечорских сел. Часть из них никак или плохо была обработана и не годилась для отправки к местам назначения. Вот и приходилось нам всю эту работу выполнять. Засаливать и заново пересаливать плохо обработанные шкуры, укладывать в «подушки» с бечевой перевязкой и готовить к отправке. Большой частью они шли на баржи и по реке отправлялись на Усть-Цилемский замшевый завод. С одной такой баржой и мне довелось там побывать.

Между тем, домашние заботы мало нас интересовали. Все разговоры между нами начинались и заканчивались на армейские темы. Еще в февралемарте взяли 1923 год, вот-вот и наш черед.

Трудно сейчас объяснить, но плохие дела на фронтах летом 1942-го, факт, что немец рвался на Волгу, нас мало волновали. Все это считали временными неудачами, как это было в прошлом году под Москвой. Скоро дела пойдут как надо. Больше говорили о том, куда бы желали попасть, где интереснее будет служить и воевать.

Я себе решил раз и навсегда: только в авиацию. В предвоенные годы так много говорилось об авиации, что другое казалось малозначительным. От восхваления гражданской, особенно полярной авиации, перешла любовь

к героическим военным летчикам, что пришли с неба Испании и Монголии, к рассказам о летчиках-испытателях.

Долго ждать не пришлось. 8 августа и мы получили повестки: 12 августа к 10.00 прибыть в п.Канин-нос на призывную комиссию.

Кожвинский район был образован незадолго до начала войны. Он охватывал территорию, которая сейчас включает Воркутинский, Интинский, Печорский районы, часть Вуктыльского района. Райцентром был назван п.Канин-нос, ныне речная часть г.Печора. Поскольку в поселке не смогли разместиться все районные службы, часть из них осела в с.Кожва и п.Промкомбинат (ст.Кожва). Райконтора «Заготживсырье» разместилась в с.Кожва.

Связь между двумя частями райцентра осуществлялась в летнее время маленькими буксирными пароходами «Иванов», зимой ходил небольшой автобус. Железнодорожный мост через Печору еще не работал.

Пароход «Иванов» до смешного был тихоход, о его ходовых качествах острословы сочиняли массу саркастических присказок и прибауток. Для покрытия расстояния в 10 километров ему требовалось более двух часов.

И вот на палубе «Иванова» мы прибыли в Канин-нос и поспешили в военкомат. При всей суматохе, что творилось с отправкой мобилизованных на ст. Кожва, в военкомате был почти идеальный порядок. Размещался он в одноэтажном брусчатом доме типа общежития. В кабинетах чистота и порядок. Все призывники являлись в назначенное время. Чувствовалось, что все здесь подчинено строго определенному расписанию.

Как и ожидали, здоровье у обоих было отменным – можно в любые войска. Подошли к столу, за которым сидели члены призывной комиссии. Одного из них, председателя райисполкома Истомина, немного мы знали, не раз приходил в нашу контору по вопросам выполнения планов заготовок пушнины и шерсти. Оленьими шкурами меньше интересовались – на полушубки не идут, нельзя из них делать и армейские шапки.

После недолгих переговоров между собой, военком объявляет нам: направляем вас обоих в ГМЧ, объяснил: это значит Гвардейские минометные части. Я говорю, что направьте меня на летчика, истребителем хочу быть.

Тут Истомин говорит: «Ты что, так это же лучшие части, гвардейские, а ты отказываешься». Я им говорю: «Гвардейские части есть и в авиации». Похвалили меня за скорый и вообще-то верный ответ, но ничего не могли поделать. Не было у них разрядки в авиацию, а что такое ГМЧ вряд ли сами что-то могли сказать. Понятия «реактивная артиллерия», «части РС» (реактивные снаряды), «бесствольная артиллерия», наконец, «Катюша» пришли позже, и даже военные люди не знали, что такое ГМЧ.

В конце рабочего дня в одной большой комнате нас собрал военком и произнес небольшую речь. Говорил, что в ГМЧ подбираются лучшие,

политически грамотные ребята. Обязательно комсомольцы. Мы не имели права, где не следует упоминать слово ГМЧ. Говорите, что взяли в артиллерию и весь разговор. 16-го августа нам надлежало прибыть на ст.Кожва. Старшим назначается Соколов. Этот высокий, довольно плотный парень был из Воркуты.

На ст. Кожва мы с Васей Поповым бывали часто, что связано было с отгрузкой заготовленной продукции. Это всего в трех километрах от с. Кожва. Видели, какое столпотворение там творится. Ежедневно туда прибывали мобилизованные в армию и командами в 150-200 чел. отправлялись в товарных вагонах в сторону Котласа. Это были жители припечорских сел. Но основную массу составляли освобожденные из лагерей заключенные и вольнонаемные этих учреждений. Трудно сказать, сколько прошло здесь людей, но речь может пойти о десятках тысячах.

Когда пришли на станцию, там нас уже ждали Соколов и представитель военкомата. С этого дня нам дали понять, что мы не простые смертные, а люди особые. Нашей группе из 20 человек выделили специальный пассажирский вагон и, хорошо устроившись, поехали в Москву через Киров-Горький. У Соколова на руках пакет с сургучной печатью.

С Курского вокзала поехали на Красноказарменную улицу. Это в районе шоссе Энтузиастов. Позже узнали, что здесь размещается штаб ГМЧ. Все назначенные в эти части обязаны пройти через мандатную комиссию. Вся процедура заняла 3-4 дня. Объявили, что из 20 человек Печорской команды зачислятся в ГМЧ 12 человек. Мы с Васей вошли в это число.

Через пару дней перебрались на Хорошевское шоссе, где в казармах Московского артиллерийского училища им.Красина размещалась 2-я учебно-минометная бригада ГМЧ.

Учебная бригада занимала все восемь спальных корпусов и все служебные помещения. В бригаде одновременно проходили учебу 13-15 тыс. чел. В основном это были новобранцы. Но были и те, кто уже понюхал пороху. Примерно 3-4 человека на 100 человек курсантов. Мы, молодежь, относились к ним с каким-то особым уважением. Командовал бригадой очень подвижный и чрезвычайно популярный среди личного состава полковник Юсупов.

Уже после войны мне довелось прочитать очерк об этом узбек-полковнике. До этого он руководил частями ГМЧ в подмосковных боях, был не единожды ранен и после долгих лечений попал в эту бригаду. Но и тогда авторитет был безупречен.

В казармах одни голые нары. Спали прижавшись друг к другу, чтобы совсем не околеть. В последние дни августа-начала сентября обмундировали. Что-то дали вроде постельных принадлежностей. 13-го сентября приняли Военную присягу.

Учеба оказалась тяжелой, при вечно голодном желудке.

Изучали материальную часть боевых установок БМК-8, БМ-13, сборно-разборные рамы для комплектации установок БМ-30. В программу входили радиодело, проводная связь, средства инструментальной разведки. Много времени уделялось изучению стрелкового оружия. Большая часть занятий проходила в поле, около окружной железной дороги. На полевых занятиях особенно много занимались ориентированием на местности. Пригодились кое-какие знания, полученные в школе на уроках военного дела. Мы не только знали, что такое буссоль, но имели навыки обращения с ним. Политзанятия сильно не донимали, чтением газет и раньше увлекался и в политике разбирался лучше своих сверстников.

Прошло больше столетия этим дням жизни, но ничего хорошего припомнить не могу. Из-за нехватки еды остались одна кожа да кости. Дошло до того, что с Васей мы стали опухать.

Где-то в начале декабря нас с Васей перевели в команду слабосильных, отвели в специально отведенное помещение для восстановления сил. Там мы вступили в новый 1943 год.

За 20 дней пребывания в санаторных условиях силы нам вновь вернулись и опять стали походить на настоящих ребят. Конечно, для этого потребовалось употребить немало мяса, яиц и другой калорийной пищи. Да и условия были лучше – постели, подушки, одеяла.

Пока мы восстанавливали силы в учебных взводах прошли зачеты и друзья надели на петлицы треугольнички: младший сержант, сержант. Нас с Васей обошли званиями, на второй срок не оставили и вместе со взводом направили в сформировавшийся 325-й Гвардейский Миннометный полк Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии. Полк размещался в здании школы на улице 3-я Усиевича, недалеко от станции метро «Сокол». Переход совершили пешим строем. Это было 7 января 1943 г.

Полк только начал формироваться и людей было еще мало, меньше 100 человек. Но были уже командир полка майор Самокиш Владимир Николаевич, начальник штаба майор Доставалов Николай Григорьевич, замполит полка капитан Рычажков Владимир Александрович.

Начальник штаба лично принимал прибывающих на формирование полка ребят и распределял их по подразделениям. Нас с Васей Поповым зачислили во взвод управления полка – меня старшим разведчиком, его старшим радистом. Командиром отделения разведки стал Шишкин Саша из Златоуста. Наш ровесник, хотя и по знанию дела, и по культуре поведения был намного выше других. Всегда подтянутый, гимнастерка с абсолютно белым подворотничком, всегда в начищенных сапогах. Настроение всегда бодрое, с хорошим знанием пословиц и поговорок. Чтобы больше не

говорить об этом парне добавлю такую деталь. Когда в сентябре 1943 г. мы приехали в Москву на ремонт техники и разместились в с. Коломенское, Саша особым вниманием и симпатией пользовался у местных девчат. Но он предпочтение отдал хозяйке дома, где мы разместились для житья. Хозяйка Надя проживала с сынишкой 4-5 лет. Мужа в 1939 г. взяли в Армию и с первых дней войны не было никаких известий о нем. Надя проворно работала на полях совхоза «Огородный гигант». Но молодость требовала свое. Силы еще оставались и для любовных дел. Да и такого парня, как Саша Шишкин, нельзя было не любить. К великому сожалению, Саша погиб в тяжелых боях под Витебском в январе 1944 г. В этих боях с декабря 1943 г. по март 1944 г. полк понес наиболее большие потери. В тот день, когда погиб Саша, мы хоронили сразу 28 ребят. Поразительно, но факт: смерть косит лучших людей.

Вернемся к делам полка. По мере наполнения полка личным составом ужесточилась дисциплина и наводили воинский порядок. Особенно досаждала нас строевая подготовка с исполнением песен. Часто вспоминали Павла I, которому так любо было смотреть на гарцующих солдат.

Выезжали на огневую подготовку со стрельбой из боевых винтовок. До сих пор помню, что в яблочко не попадал, но пули кучно ложились в косую мимо с правой стороны яблочка. Такое явление я наблюдал и на гражданке, когда приходилось практиковаться стрельбой из винтовки. Видимо, есть какой-то недостаток в расположении глаз.

Майор Достовалов, узнав, что я до армии какое-то время работал в районной газете литработником, пригласил меня в штаб полка для оказания помощи писарям. Писари-строевики и писари хозяйственного подразделения были набраны в основном из москвичей, люди пожилые. Одни из них – Олехнович Виктор Александрович – задавал тон всей штабной работе. Человек большой культуры, всегда опрятный, с аккуратной бородкой вызывал к себе большое уважение. Был интересным собеседником. Хорошо знал Москву, москвичей, всю столичную жизнь. Прежде работал в какой-то крупной организации, был свидетелем пуска в Москве ряда крупных строек с участием Рыкова, Пятакова и других руководителей страны. Сейчас сам себе думаю: с кем-то, видимо, не сработался и спихнули на фронт. Может и прошлое вспомнили. Ну, а вообще-то неплохо устроился. В полку пробыл до победных дней. В 1944 г. по его настоянию в полк прибыл его сын Олег, 1926 года рождения. Не сделай этого, смог угодить и в пехоту. В настоящее время проживает в Москве. Отца похоронил в 1972 г.

Работа в штабе полка, естественно, отвлекала от боевой подготовки. Кто знает армейские порядки, тот понимает объем штабной работы при формировании. Масса подробных списков личного состава, личные дела на

офицеров, строевые записки и т.п. Здесь я познакомился со многими офицерами.

Узнав, что я по национальности коми, досаждали вопросами о жизни в нашем крае. До сих пор удивляюсь, как плохо в стране знают о жизни северных народов. В их понимании мы ездим только на собаках, медведи и волки шастают по деревням, не брезгуем человеческим мясом.

Встречались и такие, кто знал Коми край довольно основательно. Таким оказался старший лейтенант Кверель Аркадий Лазаревич. Он в одно время служил вместе с ребятами из нашей республики и даже выучил несколько предложений на коми языке. А до прибытия в этот полк был на лейтенантской должности в одной артиллерийской части. Там служили коми парни, о которых отзывался с похвалой. С усмешкой он говорил об одном недостатке – при переключках неправильно ставят ударение, что получается довольно забавно. А вообще Кверель был очень порядочным человеком. Всегда при настроении, подтянутый, аккуратный. По национальности еврей. Он ничем не отличался от других офицеров. Обладал своим достоинством, когда нужно проявлял мужество. Командир полка высоко его ценил как офицера и немного позже назначил командиром дивизиона.

И до армии я знал о многонациональности своей страны. Живут около ста национальностей и народностей. Но лишь в армии я столкнулся с такими же инородцами, как сам. Мы не обижали друг друга по национальному признаку. Во время войны мы не задумывались о сущности немецкого фашизма, политруки связывали фашизм с буржуазией. Лишь впоследствии я понял, что в основе фашизма – национал-шовинизм, доведенный до крайней степени. Ариец, чистокровный немец – высшая человеческая раса, все остальные – быдло, скот, прислуга. Особенно ненавистен был для Адольфа Гитлера еврейский народ, как наиболее близкий к немецкому типу; в работе «Моя борьба» А. Гитлер связывает победы марксизма с проникновением в руководство рабочим движением евреев. И в Красной Армии о евреях судили по особой шкале ценностей. Нет, это не было унижение или преклонение, просто общественное мнение как-то выделяло их из однополчан.

Здесь сразу хочется поговорить о евреях, которых я встретил в полку и мне удалось хорошо их узнать.

В одном из боевых расчетов был рядовой Фишман. Никто не знал, как туда он попал. Звезд не хватал, но не отличался слабостью или хитростью. Любил, бывало, подняться на бруствер окопа и танцевать, припевая: «Фриц, меня не убьешь, хоть я и еврей». Все любили его за бесхитростный характер. Но все же до дня победы не дошел. При одном из бахвальств пуля угодила прямо в голову. Похоронили, завернув в плащ-палатку, где-то уже в Белоруссии.

Был я в товарищеских отношениях со старшиной продчасти полка Аксманом. Это вроде заведующий продскладом полка. От своей работы никаких выгод не искал. Со всеми офицерами держался ровно, никакого пренебрежения к сержантам и рядовым. Если где что добудет лишнее, все раздаст по справедливости. Иногда в запасе питья оказывалось больше положенных 100-граммовой нормы, все поделит по числу ртов. И нам с Васей кое-когда что-то перепало.

Жена его Сара была в эвакуации под Владимиром. Бывая в Москве, он как-то ухитрился ее навестить. Однажды в полк вернулся в приподнятом настроении. С большим удовольствием рассказывал о последних часах пребывания у Сары. Напоследок она ему сказала: «Абрам, вернись, пожалуйста, живым, я тебе дам полную волю, имей хоть пять любовниц». Особенно ударял на ее последние слова. Закончил войну целехоньким. В 1945 г. вернулся к жене.

Интересной личностью был в полку начфин Волпянский Михаил Ильич. Призвали его из гражданки, в какой-то области работал заведующим райфинотделом. От других офицеров выделялся плохой выправкой и неряшливой заправкой. Особенно мешал ему обвисший живот. Умел строить добрые отношения со всеми, от командира полка до рядовых солдат. Перед серьезными боевыми операциями часто оказывался в финотделе армии по делам денежного довольствия. Но никто не обращал внимания на такую деталь.

Всем нам запомнился случай, происшедший с ним в июле 1943 г. где-то в лесах Орловской области. Наш Брянский фронт успешно продвигался на Юго-Запад в сторону Курска. Орловская группировка немцев была перерезана и готовились повернуть острие вправо, двинуться в сторону Брянска. Но июль оказался кровавым не только от сражений на земле, но и от большой активности авиации противника. Ночью был гул самолетов от пролетающих над нашими головами дальних бомбардировщиков. Враг бомбил Горький, Ярославль и ряд других промышленных центров. А с четырех утра немецкие «Хейнкели» зависали над нашими головами. Летали они высоко, но благодаря конструкторским достоинствам бомбы хорошо ложились в цель. Когда их в воздухе десятки и сотни, смотавшись на час за новым запасом бомб, снова они падали на головы, и эта вакханалия продолжается до вечера, с двухчасовым перерывом на обед, согласитесь, – ощущение неприятное. «Юнкеров» было меньше, видимо, они были нужнее в районе Курской дуги.

И вот в один из жарких дней зенитчики сбили над нами «Хейнкель». Три члена экипажа выбросились на парашютах: один из них спускался прямо на расположение штаба полка. Многие из нас выхватили автоматы и стали палить по немцу. Но, видимо, пули мало его задели, и он приземлился живым. Это был здоровый детина, как и положено настоящему арийцу с рыжими

волосами. На форме проблескивал железный крест. Мутными глазами оглядывал нас, окруживших его. Тут один из сержантов кричит: «Что с ним чикаться, дать очередь и в землю. Не нести же его до штаба армии». Пока рассуждали, откуда ни возьмись бежит Волпянский. В правой руке пистолет ТТ, левой поддерживает живот от тряски. Бежит и кричит: «Не стреляйте, не стреляйте, я тоже хочу убить немца».

Тут такой хохот раздался, что немец догадался и стал смотреть, скривив губы. Волпянскому дали возможность удовлетворить свое страстное желание. Выпустив обойму из ТТ, немца прикончил. Мы долго еще безобидно посмеивались над такой необычной просьбой начфина.

После войны он работал в Днепродзержинске по специальности. Приходилось встречаться на сборах ветеранов-однополчан. Все такой же шустрый, подвижный, хотя годы дают о себе знать.

Запомнился еще один еврей – уполномоченный «Смерша» Медведовский. О роли «Смерша» в армейских фронтовых условиях можно говорить много. Я считаю, что этот институт в то время был нужен, хотя и методы и формы борьбы с лазутчиками и паникерами могли быть несколько иными. Наш Медведовский особой вредностью не отличался. Конечно, были случаи, что кому-то в полку он не доверял, и такого человека по его требованию откомандировывали в другую часть или на проверку благонадежности.

Командир полка Самокиш, а затем Ковалевич, относились к нему со скрытой неприязнью. Самокиш не любил и не хотел вступать в какие-либо разговоры с ним. Единственное – позволял себе его выслушать и дать какие-то указания или просто отмахнуться. Помню такой случай: Достовалов говорит, что Медведовский не доволен с бытовым устройством. Тут Самокиш со злостью говорит: что ему, бездельнику, еще надо?! Я дал ему красноармейца в ординарцы и хватит. Пусть о большем и не мечтает. Не могу же дать ему еще повара и наладить спецпитание. Достовалов был старше по возрасту, пережил вакханалию 1937 г. и был осторожнее. Он знал, чем могут кончиться конфликты с этим человеком. Поэтому избегал тяжбы.

Не могу толком объяснить одну ситуацию, возникшую в тяжелые для полка дни под Витебском, но стоит о ней рассказать. После ранения под Оршей и с переводом полка под Витебск в январе 1944 г. меня привлекали к проведению учета боевой и хозяйственной техники. Это было вроде годовой инвентаризации. Конечно, моя роль заключалась лишь в оформлении ведомостей с характеристиками состояния конкретной единицы БМ или транспортных автомашин. После отсылки материалов в штаб армии вскоре приехал к нам капитан из армейского «Смерша», фамилию не помню. Он был без одной ноги, но каким-то образом сам водил газушку с самодельным

фургоном. В фургоне он и работал, и, естественно, жил, приглашая туда тех, кто ему понадобится. Пригласил и меня. Сперва взял подписку, что весь наш разговор останется в этом фургоне. Сейчас помню, что допрос, а это именно был допрос, касался плохого состояния техники. Естественно, сейчас не помню все сказанное, да и по роду работы я мало знал и понимал в этом вопросе. Моя писанина делалась под диктовку специалистов технических служб. Говорю же об этом лишь потому, что меня удивило то, что в этой работе совершенно не принимал участия наш Медведовский. Можно полагать, что не всегда «Смерш» доверял «Смершу». Может, готовилась «мина» под командование полка. Но опять же все обошлось благополучно. Остается добавить: закрепленным к нему красноармейцем был милый парнишка из Кировской области Ярыгин. Служил исправно, почему и продержался весь срок существования полка. Мы сначала пытались узнать, чем же занимается его хозяин. Но никогда что-то вразумительного не говорил. Умел держать язык за зубами.

Поваром у первого командира полка был еврей Бердич. Нам, мальчикам, казался он стариком, но было, наверное, лет под пятьдесят. Запомнился он мне тем, что что-то однажды сказанное им никогда и ни у кого больше не слышал. Человек-одиночка в своих мыслях и суждениях. Например, неминуемую победу над Гитлером он объяснял тем, что президент США Ф.Рузвельт по национальности еврей и он никогда ни на какой сговор с немцами не пойдет. Живые свидетели тех лет, наверное, помнят о том, насколько тревожила нас прочность союза большой тройки. Один политрук не раз нам говорил: «ворон ворону глаз не выклюет, буржуй буржую хребет не ломает». Такое мышление было у нас в крови.

Из всего сказанного у меня нет оснований относиться к евреям с антипатией. И в мирной жизни приходилось не раз встречаться с людьми этой национальности. Но и они не изменили моего отношения к ним.

Дни, проведенные в школе на улице Усиевича с 7 января по 24 марта 1943 г., оставили в памяти добрые воспоминания. Все чувствовали, что очень скоро нам одной семьей придется вступить в пекло войны. Был сформирован дружный боевой коллектив, который в боевой обстановке показал спаянность и хорошую выучку.

Был подобран хороший офицерский состав, хотя большая часть из них не имела боевого опыта и основательного военного образования.

Постоянно устраивались различные мероприятия, называемые культ-походами. Мне, например, довелось посетить МХАТ и посмотреть одну из первых постановок – спектакль «Фронт» А.Корнейчука. Играли ведущие артисты, бывшие на слуху еще со школьных лет. Сам спектакль был событием не только и не столько в культурной жизни, а как прорывом к

правде. Пьеса была опубликована в «Правде». С большой долей сарказма говорилось о бездарности высшего командного состава Красной Армии. Они вступили в войну с пониманием, что такое кавалерия, но не знали и не понимали характер современной войны. Под фамилиями действующих лиц проглядывались реальные личности, о которых раньше сочинялись легенды, писались книги и распевались песни.

Незадолго до выезда на фронт полку вручили знамя с вышивкой: «325 Гвардейский Минометный полк СВГК Красной Армии». Знамя вручил начальник штаба ГМЧ генерал Дегтярев. Вручая знамя, он сказал примерно следующее:

– Родина доверила вам грозное оружие, какого еще не знала военная история. Верховное Командование рассчитывает, что в ваших руках оно будет бить врага метко и неотразимо, и тайна его не будет разгадана врагом.

Люди, прошедшие в жизни такое событие, знают, какой эмоциональный заряд дал всем нам этот призыв генерала. Когда знамя повели по рядам и мы целовали краешек шелкового полотнища, у многих из нас коленки задрожали и удержались только тем, что одно колено было прислонено к земле.

Естественно, всех волновал вопрос, когда, в каком направлении мы тронемся. Понимали, что это уже не 41-й и не 42-й годы. Только что завершилась Сталинградская эпопея. Но понимали и то, что враг еще силен. Свидетельством тому – недавно закончившаяся вторая Харьковская трагедия.

И вот, наконец-то, команда наступила. В 6.00 утра 24 марта выехать своим ходом на фронт в Западном направлении по Варшавскому шоссе.

Перед выездом начальник штаба полка Достовалов вызывает меня и говорит: «Ты, Шахов, будешь при мне. Командир взвода управления предупрежден. Бери свой автомат, вещмешок и садись в мой фургон».

Полку положена по штату только одна легковая машина. Это была уже видевшая виды машина М-1. Шофером был москвич Игнатьев Василий Иванович. Для начштаба из одной бортовой машины ГАЗ-АА из досок и фанеры соорудили фургон с печуркой, в котором мне надобно поддерживать порядок. Таким образом, я оказался вроде ординарца или порученца при начальнике штаба полка. Разумеется, оставался в штабе взвода управления полка в должности старшего разведчика отделения разведки.

Функции и задачи разведки полка реактивной артиллерии схожи с работой разведки артиллерийских частей. Им не вменяется в обязанность захват языка, сбор разведанных в расположении противостоящих на участке фронта вражеских частей. Работу отделения полковой разведки условно можно подразделить на две части. Первая – с НП полка вести с помощью средств инструментальной разведки наблюдение за расположением сил и

огневых средств противника, быть в курсе дел по поведению на поле боя поддерживаемых стрелковых частей, сообщать командованию результаты залпов или проверочных запусков мин, указывать на координаты вновь выявленных целей. Вторая – быть посредником (связным) между командованием полка и командованием поддерживаемых огнем «Катюш» стрелковых частей. Разумеется, на таких встречах обязательно встречались с офицерами и сержантами разведрот стрелковых дивизий для выяснения всех деталей, что потребуется в предстоящих боях. В этом смысле работа разведчика была интересной. Приходилось встречаться с десятками людей со своими характерами и собственными судьбами. Бывали на командном пункте стрелковой дивизии не только представители их поддерживающих артиллерийско-минометных частей, но и летчики, танкисты.

Помню, как в боях, где-то в Белоруссии, находящийся на НП (наблюдательный пункт) командир авиационного истребительного полка по радио руководил действиями своих летчиков. Нам казалось, что летчики ведут себя храбро и умело, но их командиру не все нравилось. Применяя из русского языка запас неприличных выражений и слов, он говорил очень образно и интересно. То одного, то другого он ругал за недогляд, за плохо выполненный вираж. Неслись в радиомикрофон такие, например, выражения: «Павлов, что ты дремлешь, не видишь, что на твой хвост «Мессер» сел».

Артиллерийское разведдело немного я знал со школьных лет. В 1938 г. в старших классах был введен специальный предмет «Военное дело». Был издан приличный учебник. Средства инструментальной разведки, как буссоль, стереотруба, бинокль, если не видели в натуре, то изучали по чертежам. Помогли и проводившиеся в школе различные военные игры, связанные часто с ориентированием на местности. Разумеется, многое дали и занятия в учебно-минометной бригаде, и в полку в период формирования и подготовки к выезду на фронт.

Конечно, вероятность гибели разведчиков и связистов управления полка большая, чем в других подразделениях. Эти ребята всегда впереди полка, часто в боевых порядках пехоты.

Кем бы не был офицер, сержант или солдат, он должен был знать главное оружие – боевую установку. Она у нас называлась БМ-13. Эта установка рассчитана на применение мин-снарядов-ракет (все названия подходят) типа М-13. Это наиболее удачная установка по важнейшим факторам: убойной силе, кучности огня, маневренности, удобству обращения боезапасом, огневому расчету. Снаряд весит 43 кг. Сначала они имели дальность полета 5 км, потом 8 км, а в конце 1943 г. стали поступать снаряды УК-52 (улучшенной кучности). Они уже имели дальность полета 11 км 300 мм ракеты М-30, а позднее М-31 запускались прямо с упаковочной рамы, ставящиеся

на смонтированные на земле рамы. Дальность стрельбы была вначале 2,8 км, к концу войны довели до 5,3 км. Их достоинство – сильнейшее фугасное действие. Ни одно полевое укрепление не выдерживало такого удара. Но служба в таких частях (они формировались в 5-ти дивизионные бригады) была менее завидной, более хлопотной.

Боевые установки БМ-8 раньше перемещались на конной тяге, позже на автомашинах. Они широко применялись в первые полтора – два года войны. Во втором периоде таких наземных частей почти не осталось.

Боевые установки РС (ракетные снаряды) – очень простые в устройстве. На их примере еще раз подтвердилась правота суждений: всякое великое открытие всегда отличается своей простотой и оригинальностью.

Над шасси трехосного грузовика возвышается ажурный переплет металлоконструкций. Восемь рядов швеллерных брусьев скреплены угловым железом, полого поднимаются от заднего борта машины и обрываются над кабиной водителя, напоминая широкие пожарные лестницы, сложенные звеньями одна на другую. Снаряды навешиваются с верху и с низу швеллеров, что называются направляющими.

Для вывода снаряда на траекторию полета вдоль направляющих имеется нарезное устройство, по которому он скользит и затем, набрав скорость, устремляется на цель. У снаряда имеется два выступа в форме пуговицы, на котором он удерживается. Удерживается в начальном положении нехитрым в устройстве замком. В заряженном положении БМ выдвигается не только на огневую позицию, но и передвигается на приличные расстояния, на десятки километров по более-менее проезжей дороге. Не помню случая, чтобы снаряд отвалился или выпал из положенного состояния. Были случаи, когда при залпе снаряд взрывался не выйдя на траекторию. От гибели командира расчета и водителя спасают железные защитные листы, которыми прикрыты задняя стенка и потолок кабины.

Под направляющими около кабины установлены боевые аккумуляторы, электрическая энергия которых используется для запала ракеты. От электрической искры возникает реактивная сила от отброса массы сгорающего ракетного топлива. Поэтому члены боевого расчета обязательно должны спрятаться в заранее открытые щели.

Конечно, рассеивание ракет при поражении цели довольно значительное, но вполне допустимо при стрельбе по широким и глубоким целям. Конечно, поразить отдельную цель ракетой невозможно. Они не для этого предназначены. Большие скопления вражеской пехоты, танков на поле боя – вот настоящие цели «Катюш».

В этой связи мне припоминается случившаяся при мне перепалка командира полка Самокиша с командиром стрелковой дивизии. Он упорно

просил огнем «Катюши» накрыть церковь в центре села, откуда противник корректировал свой огонь. Видимо, комдив так допек Самокиша, что тот перешел на русскую брань:

– Пойми же ты, садовая голова, что я не могу давать залп по такой цели, как купол церкви. Если даже дам залп всем полкам и за пару минут выпущу 384 снаряда, не уверен, что попаду в купол. Это же не ствольная артиллерия. Мы бьем по площади, указанной Вашей или моей разведкой на карте.

Так ни о чем и не договорились. Комдив остался обиженным.

Вернемся к действиям полка. Взвод управления полка состоял в основном из ребят 1923–1925 годов рождения. Был только один старше нас – Миша Борисевич из Слуцка. Не знаю, как он, учитель школы с немалым опытом работы, попал в наш полк и был зачислен рядовым в отделение телефонной связи. Часто нам приходилось его пожалеть – с каким большим трудом и потом достается ему устройство телефонной связи. Надо за спиной таскать тяжелую катушку с проводом, а спереди нести телефонный коммутатор. И при том связь надо держать в полной исправности. Порывы иногда за день случаются десятки раз. И все это на местности, простреливаемой со всех сторон.

Боевой дух во взводе был высок. Готовы были выполнить любое задание командира полка. Конечно, все это вызывало к бойцам взвода большое уважение. Да и сами были задиристыми. Не очень чтили солдат и офицеров огневых взводов и хозяйственных служб.

Прикрепление к Достовалову особой радости не вызвало. Да и свои ребята смотрят на таких служак с долей иронии и насмешек. Но все же этот кусок жизни (около трех месяцев) для меня был полезным. Я был свидетелем довольно серьезных разговоров и бесед. Встречался с интересными людьми.

К месту назначения прибыли за 7-8 часов ходу по Варшавскому шоссе. Въехали по правую сторону знаменитой Зайцевой горы с углублением от шоссе примерно на два километра. Спустились под гору, где и обосновался штаб полка. Выбрали места стоянок для дивизионов, на один-два километра ближе к передовой. Боевые расчеты стали рыть аппарели.

Видать, что здесь недавно были жаркие бои. На самой Зайцевой горе в траншеях, ямах и просто в поле валялась масса неубранных застывших трупов. По всему полю было видно, что часть только что прибыла на фронт. Все в новеньких шинелях. Встречались в застывшем состоянии лейтенанты, капитаны, не говоря о рядовых. У офицеров блестели новенькие золотистые погоны. Это позже ввели для боевых обстановок полевые погоны.

Выходит, что Зайцева гора днями была отвоевана, немцы пытались возвернуть, но оборонявшиеся выдержали натиск, хотя для многих он оказался первым и последним днем участия в войне.

Фронт застыл в районе населенных пунктов Милятино-Орловка-Каменка. Командование намеревалось с приходом сил поддержки возобновить здесь, на Спас-Деминском направлении, наступление. Полк разместился позади боевых порядков 139-й стрелковой дивизии. Нам предстояло их поддерживать своим огнем в предстоящем возобновлении наступления. Начало артподготовки назначалось на 8.00 26 марта.

24-го активно вели подготовительные работы. Боевые машины уже стояли замаскированные в аппаратах. Обустроили командный пункт полка поблизости от КП командира стрелковой дивизии. Выдвинувшись немного вперед отрыли траншеи с подходами для наблюдательного пункта. Установили оптические приборы. Все это прочно связали с кабельной связью. Вася Попов обосновался со своей рацией на КП. С этого дня он не расставался со своей переносной коротковолновой радиостанцией.

Здесь впервые в практике применения реактивного оружия была применена новая тактика. Смысл состоял в том, что место стоянки БМ с открытыми аппаратами находилось всего в 100-200 метрах от огневых позиций. До этого БМ после произведенного залпа немедленно отрывались от этой позиции и стремительно уматывались в тыл, иногда на расстояние до пяти километров. А тут просто вертались в свои ниши.

Известно, что при залпе из сопла снаряда вырывается мощная струя огня, которая поднимает вверх клубы дыма и пыли, видимые на большие расстояния. Враг, конечно, это место засекал и по этой цели открывал ответный огонь или даже направлял авиацию. Видимо, командование решило, что инициатива в наших руках, укрытие в сочетании с защитным огнем дают не меньшую надежду на сохранение боевой техники.

Ко второй фронтовой ночи лучше подготовились в части устройства ночлега. Первую ночь провели кому как удалось. Большая часть – под небом, подстелив под себя ветки. Благо были в лесистой местности. Сейчас же вгрызались в землю, сделали вроде землянок. Настоящие землянки с накатом, печуркой, лампой-самоделкой из гильзы артснаряда, с боковыми местами для лежания стали делать позже.

Мы с Достоваловым обошли дивизионы, осмотрели проделанную работу батареями, побывали на КП и НП полка и вернулись в расположение штаба. Самокиш остался на КП, ему предстояла еще встреча с командиром стрелковой дивизии.

Чертовски устали и быстрее улеглись спать. Мне самому ночлег пришлось устроить прямо на земле, опять же подстелив ветки и укрывшись поверх шинели плащ-палаткой. Назавтра ожидался горячий день, первый в истории полка.

Артподготовка была назначена на 8.00 утра. В шесть часов все уже были на ногах, Достовалов со всеми переговорил по телефону. Но в штабе ему не сиделось. Прихватив меня, пошел к более близко расположенному первому дивизиону. Командир дивизиона Прокопенко Николай Васильевич был, как и Достовалов, в годах и чувствовалась их близость. Для каждой БМ была подготовлена позиция. В ямах размещался боезапас. При каждой позиции БМ имелись подготовленные щели для укрытия боевого расчета от огня из сопла снаряда. Противник молчал. Только изредка раздавались короткие очереди автоматов.

За 15-20 минут до восьми выехали из укрытия боевые машины и за какие-то считанные минуты заняли огневые позиции. Все это делалось спокойно, без суеты. Моторы работают на тихих оборотах. Чувствовалось, что враг не догадывается о наших намерениях.

Не доверялись наводчикам командиры огневых взводов, сами устанавливали на установках прицелы. Для порядка начштаба кое-кому устроил небольшой экзамен по умению вести огонь по выбранной и указанной на карте цели. Оказалось, что не только лейтенанты, но и наводчики умели пользоваться баллистическими таблицами, умели вносить корректировку на влияние ветра по артиллеристическим формулярам.

Без пяти минут восемь командиры батарей выдвинулись вперед и, по всему виду, с волнениями ждали момента дать команду на производство залпа.

Надо сказать, что огневая поддержка дивизии была слабой. Кроме нас в артподготовке участвовал только один полк ствольной артиллерии.

И вот 8.00. Комбаты четко командуют:

– По немецко-фашистским захватчикам – огонь!

Раздался ни с чем не сравнимый рев и скрежет. К небу взметнулись длинные языки пламени. Это было неопишное зрелище. Через несколько секунд земля тяжело загудела. Снаряд за снарядом посылали на врага и пушкари.

Длилась эта канонада всего 15 минут. На КП I дивизиона сообщили, что первую линию обороны пехота прошла успешно. Но немцы уже успели неплохо устроить вторую оборонительную линию. Третий залп был дан на эту глубину.

Вдруг наступило какое-то затишье. Достовалов после переговоров с комдивом-2 Портянко говорит, что, пройдя около двух километров, пехота залегла и начала окапываться.

За второй линией обороны немцев проходила железная дорога, и они спешно подбрасывают подкрепления. На этом наше наступление захлебнулось.

Нельзя сказать, что у нас случилась неудача. Имели продвижение, овладели Каменкой. По всему фронту дивизии имелись пленные. Наши потери относительно невелики. Мимо нас прошли в тыл несколько раненых, большая часть без сопровождающих.

Этот день запомнился еще и тем, что впервые видел пленных немцев. Человек 20-30 в сопровождении нескольких красноармейцев прошли через огневые позиции I дивизиона. Увидев наши БМ, зашевелились, стали метаться друг к другу, бурно переговариваясь между собой. Чувствовалось, что некоторых из них дрожь пробирала. Единственное, что можно было понять, это слово «Катюша». Были не прочь постоять и поглазеть на это оружие, но сопровождавшие дали окрик, и пленные поплелись дальше. Что касается нас, то этот заурядный факт поднял нас самих в своих глазах. Не зря в песнях воспевалось наше оружие и от него немцев дрожь колотила.

Я, естественно, не знал замысла командования, но думаю, что мы тогда решали частную задачу. При такой малой плотности огня большие задачи не решаются.

Серьезные стратегические задачи на лето 1943 г. только еще разрабатывались. Но западное направление – главное направление для обеих сторон. И враг должен знать, что здесь заслон прочный.

На второй день Достовалов в моем сопровождении пошел на рекогносцировку местности на предмет смены местоположения полка. Пешком по тропинке подались вправо, пройдя около пяти километров. Вышли на какую-то болотистую местность, почти совсем безлесную. И тут случилось непредвиденное – раздалась автоматическая очередь. Оглянулись – огонь открыли немцы, невесть как попавшие в это болото. Мы сразу залегли и скрылись за кочками.

Достовалов кричит: Шахов, открывай огонь! Я и так уже успел подготовиться, и автомат послушно заработал. Едва ли попал, расстояние было приличное. Но видел, что они побежали в свою сторону и скрылись из виду. Достовалов заключил, что эти немцы бродят в поисках «языка». Они открыли огонь лишь потому, что мы свернули и к ним в руки попасть не могли. Я до сих пор добром вспоминаю тот день. Что случилось бы, если бы автомат отказал. А такие случаи бывали сколько угодно. На этот счет автомат ППШ имел грешок. Печально кончился бы поход и в том случае, если бы мы не свернули от них в сторону и прямо подались им в лапы.

Но никакой переход полка на другой участок не состоялся. С занятых позиций дивизионы сделали еще несколько батарейных и дивизионных залпов по скоплениям немцев, и на всем направлении наступило затишье. До Спас-Деменска оставалось около 15 км.

Несколько отойдя в тыл, километров на пять-семь, полк маневрировал вдоль линии фронта. Скорее, для видимости и дезориентации противника. Путь пролегал от Варшавского шоссе в южном направлении через города Мосальск, Мещевск. Несколько раз дивизионы выдвигались на линию фронта и производили залпы из одиночных или спаренных БМ.

Сейчас, зная историю войны за 1943 г., наши действия вписываются в единый замысел плана войны на этот год. Наше командование уже знало планы немцев по ликвидации Курского выступа. Осмысливая это намерение, наши войска усиленно готовились к ответным ударам. Но враг должен полагать, что Западное направление остается для нас главным, и здесь, естественно, мы держим большие силы.

Апрель запомнился еще и тем, что в фургоне начштаба между «большой тройкой» (Самокиш, Рычажков, Достовалов) часто возникали разговоры на немыслимые темы. Самокиш от кого-то был наслышан, что война в ближайшее время закончится. Я недоумевал, но спорить солдату не положено. Враг в 200 км от Москвы и конец войне?! Абсурд. Сейчас-то мы знаем, что Сталин через Берия делал какой-то зондаж в сторону Гитлера. Может, по каким-то каналам доходили они и до командиров отдельных частей. ГМЧ были в прямом подчинении Ставки и больше других имели возможность проникать в государственные тайны.

В эти дни Самокиш откровенничал со своими помощниками и командирами дивизионов и о скором возвращении в Москву. В Москве остались их любовницы, и жили они мечтой о побывке в Москве.

В приподнятом настроении как-то звонит командиру 3-го дивизиона Головень Николаю Трофимовичу:

– Как будешь у меня, я заставлю тебя гопак станцевать. У меня есть большая новость.

Тот не унимался и просил раскрыть свою тайну. Самокишу самому не терпелось открыть секрет:

– Слушай, Микола! Скоро поедем в большой город. Сам понимай – куда!

Но и эта новость была уткой. Никто в Москве нас не ждал.

Можно лишь предположить, что с подготовкой к летней кампании производились крупные перегруппировки войсковых соединений и отдельных частей. Вполне возможно, поднимался в штабе ГМЧ вопрос о передислокации нашего полка на другое направление. Без захода в Москву в то время это сделать было невозможно. Но все мечты наших командиров оказались пустыми хлопотами.

Здесь хочется подчеркнуть, что старший офицерский состав полка жил дружно. Рычажков прибыл с какой-то партийной работы и мало что инте-

ресного мог рассказать всем. Самокиш, особенно Достовалов, прослужили в армии довольно много, обживали разные гарнизоны, на различных совещаниях, военных учениях встречались с военными деятелями и охотно делились впечатлениями от прошлых лет.

Мы с Сашей Бирюковым, ординарцем Самокиша, почти всегда присутствовали на этих беседах, и от этого их откровенность не угасала.

Что интересно, при этих разговорах мало, почти совсем, не касались событий в Красной Армии в 1937–1938 гг. Не упоминались фамилии репрессированных маршалов, командиров как будто по согласованному сговору. Люди были приучены не трогать запретную тему. Запомнился лишь такой случай. Как-то Самокиш в доброжелательном духе высказался о бывшем командующем Киевского военного Округа Федько. Рычажков в чем-то с ним не согласился и стал говорить об обезвреживании «пятой колонны» в Красной Армии.

Тут Самокиш вспылил и говорит:

– Да, брось ты болтать о какой-то «пятой колонне». Из-за этой выдумки мы потеряли цвет Красной Армии.

Здесь вмешался Достовалов, как всегда человек осторожный:

– Бросьте вы трогать эту тему. Поживем – увидим. История скажет свое слово.

Как я много позже понял, они ничего не говорили о литературе, музыке, искусстве. Чувствовалось, что в этом плане они слабаки.

Выпивать – все выпивали, но в меру. Лишь Достовалов временами перебарщивал и еле держался на ногах.

Жена Самокиша с сыном эвакуировалась в Среднюю Азию откуда-то с Украины. Письма получал довольно часто.

Рычажков, очень симпатичный, сухощавый, с видом атлета, тоже был женат. Семья жила по месту прежней работы. После действительной службы был на партработе. С началом войны вновь призвали в армию, и от политрука дослужился до замполита отдельного полка РС.

Достовалов, старше других по возрасту, был родом из Кургана. Почему-то от жены письма приходили редко, но зато часто писал отец. Об отце отзывался с большой теплотой.

В конце апреля мы оставили Спас-Деменское направление и своим ходом переехали в район Сухиниги-Козельск. На фронтах установилось затишье.

В дни этого затишья начальство добилося разрешения отлучиться от полка для побывки в Москву. Была подготовлена масса бумаг в различные ведомства и заводы по нуждам полка. Выехала вся «большая тройка» – Самокиш, Рычажков, Достовалов на легковушке и газушке-фургоне нач-

штаба. С ними были мы с Бирюковым, водитель Игнатъев и Андреев. «Газушка» стояла у дома, где проживала знакомая Достовалова. Это была грузная женщина под 40 лет. Муж, полковник, пропал без вести еще в 1941 г. При ней была дочь 15-16 лет. Знакомая Достовалова рассказывала, что муж был в хороших отношениях с генералом Неделиным, с которым вместе чуть не попал в армейскую мясорубку 1937 г.

Любовницей Самокиша была очень симпатичная Антонина, лет 25–ти. Часто при нем, и не стесняясь нас, ехидничала над подружкой Рычажкова, которая была безобразна на лицо и неуклюжа в ходьбе.

Андреев и я большей частью были на улице или в фургоне. По правде говоря, наше начальство довольно учтиво относилось к нам и не забывало приглашать нас на свои застолья.

Через три дня тронулись в обратный путь и к вечеру были уже в расположении полка. Полк подчинили 10-й Армии, располагавшейся на стыке Западного и Брянского фронтов. Штаб полка стоял около города Козельск.

Положение дел на фронте позволяло подалее удалиться в тыл и заняться серьезно подготовкой к предстоящим боям.

Отошли от линии фронта и расположились на отдых в чудесной местности.

Здесь хочется отвлечься от военных тем и коснуться наших внутренних переживаний.

Полк пробыл в фронтовых условиях около 26 месяцев. Это время не было наполнено сплошными военными действиями. Были жаркие и мучительные дни, но были и беззаботные дни, время, когда блажь поселяется в твою душу.

Все проведенное на фронте время условно можно разбить на три равные доли. Одна треть – непрерывные активные боевые действия. Ночь перемешивается с днем. Ежедневная работа на НП или КП полка. Разведчики с приборами, радисты со своими рациями Р-5, связисты с катушками провода и подвешенными на шею телефонными аппаратами. Все в движении. По несколько раз меняли месторасположение. Если и стоим на месте, все равно сами мотаемся с поручениями и заданиями. Теряем своих товарищей. Переживаем за пехоту, которой так трудно даются пробежки. Что говорить – и часто их ругаем. Часто без больших на то причин трудно подниматься для броска. Надо и их понимать – умение артиллеристского сопровождения пехоты позже пришло. Да и таких возможностей стало больше. В такие дни всем достается. Ни чуть не легче огневицам. Попробуйте 2-3 раза в день для БМ отрывать аппарели. В расчетах вместо шести-семи человек остаются три-четыре человека. А каждый снаряд весит 43 кг. Для одной зарядки надо

их 16 штук. Но их надо брать не с машин, а с укрытий, куда они же выгрузили совсем недавно с подоспевших машин. И такой ритм длится неделями.

Вторая треть – это пассивные действия полка в составе стрелковых подразделений, кому приданы для огневой поддержки. Фронт, как правило, не меняет своей конфигурации. По обе стороны дают о себе знать, ложатся по близким целям мины, по более дальним – артиллерийские снаряды. Иногда надо пехоте коридор прорубить, очень часто требуется наша помощь для проведения разведки с боем. Может и воздушная разведка указать цель для накрытия батарейным, дивизионным или даже полковым залпом. БМ имеют устоявшиеся позиции с обустройством. Выхав для залпа на огневую позицию, обратно возвращаются на свое место. Все отделения имеют обустроенные землянки. Научились их делать быстро и со всеми атрибутами. Посты охранения действуют по уставу. Пищеблок работает нормально. Никто не остается без горячей еды. Остается время и для писем, и для душевных разговоров. Как правило, разговоры на ночь начинаются и кончаются байками о бабах. У кого сколько было и какие они были по своей стати – знают все в своем отделении.

Последняя треть – это время, в течение которого нет никаких активных действий ни с той, ни с другой стороны. Такое курортное время бывает в период подготовки крупных стратегических операций. Штабы работают над картами, тыловики накапливают стратегические запасы снарядов, мин, горючего, продовольствия. Личные составы чистят оружие, приводят в порядок транспортные средства. Устраиваются банные дни, стирка одежды. Командиры в такое время мало вмешиваются в распорядок жизни солдата. Все понимают – это дар судьбы и надо его использовать для отдыха и накопления новых сил.

Солдат рад, если в таких случаях есть поблизости населенный пункт с живыми мирными людьми. Они быстро дорогу туда простолбуют, узнают, кто они такие, много ли там девчат. Жители рады нашему приходу. То солдатское бельишко возьмут за бутылку самогона, то за такую же плату дровишек навезут на военных машинах. Да мало ли что нужно той и другой стороне.

Такое отступление от дел полка я сделал ради того, чтобы напомнить: у оставшихся в живых солдат такие курортные дни на всю жизнь сохранили любовь к природе, любовь к человеку, очищали душу от мракобесия, бешенства и человеконенавистничества.

Прошло столетие, но я часто вспоминаю два таких безмятежных отдыха. Первый курорт (мы так привыкли называть такой отдых) был в мае 1943 г., второй – в мае 1944 г. Чудесный период года, когда все благоухает и нарождается. Роднят их и места: среднерусская полоса, многократно

воспетая с любовью Тургеневым, Буниным и другими знатоками русской души.

В обоих случаях взвод управления размещался вокруг штабных машин полка. Красивая местность с покато́м на южную сторону. Лес, в основном, лиственных пород, хвойный лишь как подрост. Прошла здесь вырубка 30-40 лет назад. Под ногами разнотравье, нельзя точно сказать по названиям – сплошная смесь. Особенно чуден этот лес утром, когда тело обтекает прохлада. На пригорке, в метрах ста, поднимается солнце. Листья деревьев сверкают в лучах поднимающегося солнца. Оно все больше захватывает деревья, и шелест листьев сопровождается бликами солнца. Сквозь эти листья небо становится хрустальным. Все выше поднимаясь, солнце начинает занимать все видимое глазу пространство. Но ласкающий душу шорох продолжает щемить душу.

Внизу, примерно на столько же метров от нас, тихо течет Жиздра. На всем видимом расстоянии берег в траве, нет песчинки. Из-за этого она еще больше кажется волшебной.

Природе нет дела до того, что всего в двадцати километрах от нас пройдет линия жизни и смерти целых народов.

А птицы... Мы, северяне, не слышали и не знали соловьиные песни. А здесь это чудо природы будоражит самые каменные сердца. Говорят, что любители соловьиных трелей умеют делить их песни по коленам, но и нам, простым смертным, было отчего душу тревожить. На ум приходят слова из чудесной песни «Соловьи». Действительно, в такие дни и в такое время солдатам не до сна. Не спит солдат, припомнив дом и зеленый сад при нем.

Вот если бы еще услышать пение петуха – бесподобно. Мир создан для счастья, жизни и детской радости. Ведь все это божий дар. Сама весна зовет к милосердию. Но отнюдь, жизнь идет наоборот. Она зовет к пожертвованию. Не только собой, но и всего любимого тобой круга. Мало того. Жизнь вынуждает жертвовать будущим. Ведь от меня будущего вообще не будет.

Война продолжалась, и полк не мог долго отдыхать в курортных условиях. В последних числах мая и начале июня полк в составе войск 50-й Армии участвует в активных боевых действиях в северной части Орловского мешка немцев. Но никаких впечатлений из этих действий память не сохранила.

Все то, что делалось, говорит о предстоящих крупных событиях на фронте. На нашем участке накапливалась огромная сила. Кругом напичкана ствольная артиллерия. Сосуществовали с нами родственные части ГМЧ.

Полк занял исходный рубеж на безлюдной местности. Ни с каких сторон нет сел и поселков. Взвод управления разместился в чрезвычайно укрытом месте. Глубокая лощина, выступающая вершиной в сторону противника.

По дну оврага протекает ручей с чистой водой. Местоположение оказалось благоприятными условиями для устройства землянок. На этот раз землянки сделали настоящие, с двухслойным накатом. Материал для накатного устройства нашли в низких ложинах – разобрав небольшой мост для гужевого транспорта. Здесь он был никому не нужен.

Голову высунешь за верхний край ложины – открывается простор с обзором на несколько километров. Абсолютно открытая местность. Только вдали виднеются какие-то деревеньки. Непонятно, за что цепляются немцы. Здесь они стоят давно, по всей видимости, успели зарыться в землю.

НП полк устроил в непосредственной близости от взвода управления. По косогору протоптали тропинку и выходили на дежурство за какие-то 5-8 минут. До боевого охранения пехоты рукой подать. Заступавшая на смену группа проходила вдоль наших землянок, одержавшие тоже шли мимо нас. Конечно, бросок от края оврага до своей ячейки часто оплачивали кровью. Здесь как уж удастся. Приходилось бросок поддержать с открытием минометного огня. Разумеется, надо воспользоваться ночной темнотой. Но в то лето обе стороны необычно много пользовались осветительными ракетами. Иной раз навешивали целый сноп фонарей, державшись в небе довольно долго. Обе стороны хотели знать, что творится перед ними.

БМ стояли за нами километра на 3-4 в укрытиях. Выбранные огневые позиции изучали не только командиры взводов и батарей, но и водители. Они должны будут в день «Х» за считанные минуты поставить машины в нужное место.

В эти дни произошло событие, оставившее след на всю оставшуюся жизнь. От землянки до ручья была протоптана тропка, по которой мы бегали за водой. Бегали по очереди, или бежит тот, кому хочется размяться. На одном выступе, пониже от землянки, делали маленький костер, чтобы чай вскипятить. Время было к обеду, когда немец должен харчиться. Значит, ему не до швыряния мин. Я схватил котелок и покатился под гору к ручью. Только дошел до ручья, как немцы открыли огонь не только из минометов, но стали запускать снаряды и из пушек. Решили, и это впоследствии не раз подтверждалось, – режим дня ими стал нарушаться, и они могли начать стрельбу в любое время суток. Между прочим сей график все чаще стали нарушать и летчики.

С наступлением тишины я поднялся с земли и побежал вверх, к землянке. Почувствовал – что-то случилось неладное. Оказалось, что одна мина взорвалась около землянки. Увиденное было страшнее ожидавшегося. Мина угодила на край наката, его разворотило и погубило моих товарищей. Двое истекали кровью и сразу видно – им конец. В одном углу лежал командир отделения Боянов Михаил Андреевич и стонал от рваной раны на левой

ноге. Тут прибежали ребята из соседних землянок. Помогли Боянова на плащ-палатке донести до санчасти. Погибших ребят захоронили, отойдя от ложины метров на 300-400.

Еще до активных действий потери были и в других подразделениях. Иначе не могло и быть. С утра до вечера висел над нами самолет-разведчик «Рама». Он не мог не видеть огромные скопления войск, и ни один выпущенный снаряд не оказался напрасным.

5 июля немцы развернули свою стратегическую операцию под Курском. Об этом сражении написано сотни книг, выпущено десятки фильмов. Нашим войскам пришлось испытать огромный натиск врага. В некоторых сражениях одновременно принимали участие с обеих сторон до четырех тысяч танков. Местами мы были вынуждены отступить на 25-35 километров. Последующие поколения не раз будут возвращаться к этим дням в этой великой войне.

Наш народ хорошо знает ход событий на Курской дуге. Но он слабо представляет действия Брянского и левого крыла Западного фронтов в эти июльские дни. Между тем успешное завершение этого беспримерного сражения во многом было предопределено действиями советских войск севернее Орла и Брянска. Враг заметался. Резервы иссякали. Окончательную точку в разрушении иллюзии немецких войск поставил Степной фронт, подготовленный в тылу для броска на обескровленные армии Гитлера.

5 августа прогремели и засверкали огни первого в истории войны салюта в честь освободителей Орла и Белгорода.

Все это дало возможность осуществить наступательные операции в строгом Западном направлении. В сентябре освободили Смоленск. В октябре фронт снова застыл намного восточнее Витебска, далее по Днепру.

Начало нашему наступлению было положено 12 июля, когда Брянский фронт и левое крыло Западного фронта перешли в решительное наступление.

Артподготовка началась в 6.00 и длилась полтора часа. Застоялись не только артиллеристы-минометчики, но и пехотинцы. Прямо под нашими головами волна за волной утюжили передний край врага наши штурмовики. Здесь случился один неприятный случай, о котором никто нигде не вспоминал. Одно штурмовика в самой близости от нас вдруг объело пламенем и самолет камнем упал на землю. Не могли его сбить зенитчики врага. Я уверен, что в том море снарядов и мин, что по разным траекториям летели на голову врага, оказался и такой, который попал в этот штурмовик. Война есть война. Не все погибали от рук врага.

Фронт тронулся и стал продвигаться успешно. И так успешно, что начштаба Достовалов никак не понимал, что случилось. Нет ли здесь вражеского подвоха? За пехотой пошли танки, местами они перегоняли стрелковые части

и оказывались освободителями российских сел от врага без пехоты. После прорыва второй линии обороны тронулся и наш полк. Лето. Жара. Дороги сухие. Мы проехали мосты, куда мы утром давали свои залпы. Из наших снарядов оставались куски изогнутого железа и сопла. Было жалко, что некоторые залпы попали по пустому месту и никакого вреда врагу не причинили.

Продвигались быстро. На второй день левее остались райцентр Ульяново, город Болхов. На третий день вошли в город Жиздру. Помню, в городе не то что дома, но не было и целой стены. Одни камни. Правда, в городе было отличное ухоженное кладбище. Березовые кресты стояли точно очерченными рядами – 10-15 в ширину и 70-80 в длину. Позднее таких кладбищ-захоронений довелось видеть не раз. Что-то, а немцы хоронили своих солдат со всеми понятиями и национальными традициями.

Бывалые солдаты не радовались, а волновались по поводу нашего быстрого продвижения. Не готовит ли немец для нас «котелок»? Особенно тревожился начштаба Достовалов. Но скоро эти опасения рассеялись. Немец улизнул из Орловской западни и спокойно отвел войска. Они оставались лишь для прикрытия нескольких важных узлов. Чтобы мы на них сильнее лбы расшибали и меньше нас пошло на Запад.

С начала наступления и до первой декады августа полк был в постоянном движении, ни дня для отдыха. Чуть ли не ежедневно менялись подопечные стрелковые дивизии. Особенно много доставалось связистам телефонной связи. Жалко было на них смотреть, гимнастерка не просыхала. В этих сражениях доводилось связь протягивать или свертывать вместе со связистами стрелковых частей. А среди них до половины были девушки. Тогда это никого не удивляло. А теперь, как вспомнишь, душа уходит в пятки. 18-19-летние девочки с катушкой за спиной и повешенным на грудь аппаратом мотаются по полям войны по 12-15 часов в сутки. А тут еще вши начали заедать. Вшивость и после замечалась, но то, что было в калужско-орловско-брянских местах, нельзя ни с чем сравнивать. Дело доходило до того, что рубашки отряхивали над костром, и падающие на огонь вши отдавались треском. Какие только меры не принимали, но все напрасно. Белье и гимнастерки даже стирали в бензине, но результат был ничтожный. Приглашали вошебойные автомашины и несколько легчало, но вскоре вши донимали опять. Постригли везде, где растет волос, выезжали на помывку в полевые бани, но полностью так и не избавились. Удалось отбиться от проклятых вшей только в середине сентября, когда стало известно, что полк выедет в Москву для ремонта и обновления техники и отдыха. Видимо, бодрое настроение само по себе лишает вшей жизнедеятельности.

Овладев железнодорожной станцией Хотынец (он посередине между Орлом и Брянском) наступило затишье. Правда, в воздухе бои не прекращались. Нашего превосходства еще не было. Ежедневно летала «Рама», которая временами очень эффективно корректировала огонь своей артиллерией и действиями авиации. Запомнились эти дни и тем, что здесь противник очень широко применял снаряды, начиненные шрапнелью. Один раз он разорвался прямо передо мной и начинки со свистом врезались в землю около меня.

А мирных жителей все нет. Редко где встретишь гражданское лицо.

На окраине одной дачи сожженной деревни произошел довольно забавный случай. Увидев остатки сгоревшей и разбитой деревни, пошел я поглядеть, что там есть. Вижу яблоню с плодами дички. Небо в тучах, но временами солнце проглядывает. Не успел дойти до яблони, вдруг из облаков вынырнул «Костыль». Так на фронте называли немецких ближних самолетов-разведчиков. Это вроде нашего «У-2» («кукурузника»), только заднее оперение изогнуто вверх, образуя форму костыля. Они по вольному распоряжению вели разведку за положением дел на нашей стороне участка. Мы знали, что они имеют при себе небольшие бомбочки (до 20 штук по килограмму весом) и в удобных случаях с большой вероятностью попадания бросают этот груз на возникшую цель.

Но это случилось внезапно, да так низко, что я опешил. Вижу, пилот мне показывает кулак с явной угрозой на уничтожение. Что делать, ведь он не отвяжется. Но опять же счастье обернулось ко мне лицом. Прямо рядом оказалась яма, меньше метра глубиной и длиной в рост человека. Не размышляя я юркнул в эту яму. Где-то с боку глухо разорвались две бомбочки. Чуть не задев яблоню, немец развернулся и улетел в сторону. После долго раздумывал – для чего это яма была открыта. Пришел к одному выводу – кого-то здесь думали хоронить, но потом передумали. Но такая недорытая яма мне оказалась очень кстати.

Еще хочется сделать небольшое отступление от заданной темы и поговорить о немецкой агитации за отказ от участия в войне и за переход на их сторону.

На любом фронте немецкие листовки-призывы – повернуть оружие против коммунистов и своих командиров – валялись на фронтовых полях и прифронтовых дорогах. Официально было запрещено их читать. Но как не прочесть, если эти бумажки валялись под ногами. Да и никакого преследования за их прочтение не наблюдалось. Обычные обращения были стандартного текста: «Русский солдат, одумайся с кем ты связал свою жизнь. Над тобой командуют жида да коммунисты, ты им нужен только как раб.

Штык в землю! Переходи на нашу сторону». Кончалось обращение так: «Эта листовка является пропуском для перехода на нашу сторону».

Были листовки и с руганью нашей печати. Особенно злобно ругали «Правду», называя ее «политической проституткой».

Из всех побывавших в руках бумаг не могу забыть подкинутый нам журнал «РОА». Это было в июле-августе 1943 г. на границе Орловской и Брянской областей. В одно утро в расположении дивизионов обнаружили валявшиеся друг от друга на расстоянии 50-100 метров иллюстративные журналы, похожие на «Огонек». Правда, меньше по толщине, но больше очень четких и ясных иллюстраций и фотографий.

На всю лицевую сторону обложки портрет генерала Красной Армии. Форма одежды и амуниция (знаки различия, ордена, окантовка) соответствовали принятому тогда стандарту. Под портретом надпись: бывший командующий 2-й Ударной Армией РККА, ныне Главнокомандующий Русской освободительной Армией генерал-лейтенант Власов А.А. И затем весь красочный журнал посвящен жизни и быту солдат и офицеров якобы реально существующей РОА. Прежде всего подчеркивается, что в прямых военных действиях они не участвуют. Их дело – охрана дорог, тыловых учреждений немецкой армии. Расхваливались совершенно безопасная служба в этой армии и сытая жизнь ее солдат.

Например, фотография группы бывших красноармейцев, чистящих картошку, а под фотографией надпись: такая работа, наверно, лучше, чем сидеть в боевом охранении или с винтовкой наперевес бежать на губительный огонь противника. Журнал переходил из рук в руки, но свою задачу явно не решал. Мало кто верил всей этой басне. Думается – эти журналы забросили не с самолета, а раскидали лазутчики.

Запомнился и такой случай. Дело было летом 1944 г. где-то в Белоруссии. Утром встали и видим: вся территория, занимаемая полком, усеяна листовками размером в стандартную страницу. Читаем: Открытое письмо Илье Эренбургу. Текст изобилует деталями из жизни писателя. Автор (имя Михаил, фамилию забыл) пишет, что он с ним знаком со студенческих лет. Знает все подлое, что он сделал в жизни, и что из полезного смог дать русским. Разумеется, главное: ты, жидовская морда, всю жизнь продаешь за серебренники свои убеждения. Теперь призываешь русских: «Убей немца». Тебе хорошо это говорить за широкой спиной русского мужика. А почему ты сам не берешь в руки винтовку и не идешь убивать немца?! Небось, боишься. Текст довольно длинный, на всю страницу, вспоминаются детали из личной жизни, все недостойные дела, совершенные им в своей жизни.

Наши солдаты посмеялись над этой писаниной бывшего друга Эренбурга.

– Видимо, здорово им насадил, коли до такой ругани доходят.

Должен прямо сказать, что такие листовки и обращения никакого влияния на моральное состояние наших войск не оказывали, скорее всего они вызывали к врагу большую ненависть.

Конечно, наша часть относилась (как теперь выражаются) к элитным войскам. Был какой-то отбор. Но тем не менее она отражала общий настрой войск.

За всю службу в полку помню случай, когда один солдат устроил самострел: из винтовки выпустил пулю в левую руку. По своей глупости себя подвел, – нет, чтобы пулю выпустить через котелок или сквозь булку хлеба. Обгоревший рукав шинели выдал его с головой.

Я не помню, но Вася Попов утверждает, что в полку был случай измены Родине. Один рядовой – парнишка лет 18-19 – пытался перебежать на сторону врага. Но был пойман, и ревтрибунал приговорил его к расстрелу. Исполнение приговора, по словам Попова, было немного комедийным. Перед строем зачитали приговор о расстреле, выдвинулись из строя три человека с автоматами для приведения приговора в исполнение. Только изготовились солдаты для выпуска очереди, как подсудимый побежал в сторону леса, при этом виляя из стороны в сторону. Стоило большого труда все же поймать и расстрелять.

Теперь хочется с высоты сегодняшнего дня взглянуть на виденное тогда, в то напряженное время. Прочитав сочинения А.И.Солженицына, начинаешь заново прокручивать те события, и поневоле приходится соглашаться по многим пунктам. Мы слишком упрощенно понимали так называемую освободительную миссию Красной Армии не только в Европе, но и у себя дома. Русские крестьяне, 2-3 года прожившие при немцах без колхозов, не очень радовались нашему приходу. Узнать правду о поведении отдельных людей при немцах трудно даже в масштабе одного села. А что говорить о стране?

В наступающих войсках было много разговора о том, что в ряде сел и деревень, освобождаемых нами от оккупантов, население встречало наши войска недружелюбно. Были случаи, когда немцы, покидая населенный пункт, вооружали местное население для удержания его от наступающей Красной Армии. При этом назывались конкретные населенные пункты, где русские палили по русским. Особенно часто это случалось в местностях, которые примыкают к границе Орловской и Брянской областей. Все эти разговоры шли от пехотинцев, и не каждый раз им верили. Сейчас же, узнав многое из подлинной истории, зная судьбу Хатыни, пришлось признать, что это была правда. Фронт войны пролегал не только между гитлеровскими войсками и Красной Армией, но местами война шла между самими

русскими, украинцами, белорусами и другими народами, населявшими бывший Советский Союз. Тяжело сознавать, но все это было правдой. Может и нынешние межнациональные разборки корнями связаны еще и с событиями войны.

Недавно я слышал выступление бывшего премьер-министра Грузии. Он дошел до того, что обвиняет нас в вовлечении Грузии во Вторую мировую войну. Из-за этого Грузия потеряла не то 500, не то 700 тыс. своих граждан (сказал, что точных данных у него нет). Спрашивается: разве коммунисты Грузии с меньшим усердием, чем русские, создавали СССР? Кому на руку такие речи от одного из лидеров нового государственного образования?

Но тогда, в пылу сражений, такие детали забывались. Единственное, чего я не забыл и был свидетелем – в середине одного села был навешен на кольях котел на ведер 15, а в котле лежал сварившийся мальчик лет 4-5. Говорили, что отец отказался воевать с наступающими на село частями Красной Армии. За это добровольцы – пособники врага – самого расстреляли, а ребенка сварили в котле.

С начала наступления мы двигались на Юг, а затем свернули на Запад, в сторону Брянска. Мы были удивлены, что села пустые, нет людей. Тогда думали, что они разбежались от ожидаемого боя. Но почему повсеместно? Есть же погреба, ямы. Тем более, в первые дни двигались там, где не было лесов. Факты подтверждали, что население многих сел уходило с немцами.

Мы гордились, восхваляли в песнях брянских партизан. Действительно, факт – брянщина дала славные имена народных мыслителей. Но очевиден и другой факт – этот край был и гнездом зарождающегося антибольшевистского движения. Под городом Локоть была создана для оказания помощи немцам вооруженная бригада численностью 20 тыс. чел. Бригада из пяти полков, артдивизиона, танкового батальона под командованием какого-то Каменского. Впоследствии бригада из Локоти стала ядром I дивизии Власова.

Из виденного в Брянском крае мне запомнилось такое событие. На подходе к одному селу танкисты, вынырнув через люки, устроили самосуд над одним молодым человеком на вид 17-18 лет. Сняв свои шлемы, в поте лица танкисты чем могли били этого паренька. В ходу были палки, полевые сумки или просто руки и ноги. Свернувшись в крючок, парень издавал только глухой звук, похожий на легкий вдох-выдох. Скоро и дух выпустил. Танкисты толкнули ногой и труп покатила в овраг. Я пытался узнать – за что его так.

Один танкист, покрасневший и мокрый от пота, зло посмотрел на меня и процедил: снюхался с немцами, помогал им добывать разведанные о нашем продвижении. Вот так: стоило кому-то ткнуть пальцем на кого-то из своих односельчан, чтобы самому выглядеть верным Советам, тут же

устраивают самосуд. Это подтверждает факт происшедшего расслоения в обществе, попавшем под оккупацию.

Да что Орловские и Брянские деревни?! Возьмем даже культурные центры. В 1949 г. я учился на курсах в г.Павловск Ленинградской области. Они проходили при находящемся там техникуме советской торговли. Безусловно, техникум хороший, отличные преподаватели. Я, как коммунист, состоял на учете в парторганизации техникума. Так побыть на их собрании – потеха на целую неделю. Какой бы вопрос не обсуждали, он всегда поворачивался к теме: кто как вел себя при немцах. Конечно, среди коммунистов таких почти не было. Но среди работающих такие были. Любители замочных секретов умеют обрисовать весь образ мыслей и поведения тех, кому довелось пережить оккупацию. Вот такая взаимная неприязнь, озлобленность, при удачном случае пощекотать одноверцев, а если можно и вилы в бок вонзить, стали национальной трагедией и самой настоящей бедой.

Теперь ближе к делу. Поднакопив силы, во второй половине августа мы вновь овладели инициативой. В составе 16-й Армии шли строго на Запад. Овладели городами Киров, Карачев, Думиничи.

Но все эти бои прошли при больших потерях. Половина БМ в неисправном состоянии была оставлена в одном населенном пункте. Полностью исправных машин осталось не более десяти. Сильно потрепанным оказался автотранспорт. Все возможности летучек были исчерпаны. Да и людей потеряли много. Пополнять личный состав случайными людьми не имели права. Все пополнения шли только через штаб ГМЧ на Красноказарменной улице в Москве.

Все это побудило штаб ГМЧ нас дислоцировать в районе Москвы для обновления и ремонта техники, отдыха и пополнения личного состава.

Весь состав полка был бесконечно рад. Радостное состояние передавалось от самого командира полка. В своем кругу он радостно потирал руки и с набором шуточно-нецензурных слов рисовал картину первой встречи с Антониной.

В середине сентября своим ходом тронулись в сторону Москвы. По дороге прихватили отставшие подразделения с разбитой техникой.

Взвод управления полка со своим имуществом уместился на двух бортовых газушках. Как только выехали на Минское шоссе, запели песни. А петь мы умели. Научились петь еще дома, но все же главной школой была армия. Все из нас прошли какие-то учебные подразделения, где без песни не проходил ни один день.

В таких случаях любили друг другу рассказывать о том, какой был у них старшина и как он мучил солдат, чтобы те научились любить не только Родину, но и строевую песню.

Мы с Поповым часто напевали коми национальные песни, что вызывало удивление и массу вопросов.

Командир взвода управления лейтенант Сосновский имел привычку садиться за руль, сменившись с водителем местами. Так случилось и на этот раз. Местами шоссе было в хорошем состоянии, и Сосновский выжимал из машины все, на что она способна. Я про себя подумал: не обойтись без аварии, где-то мы кувыркнемся.

Так и случилось. На второй день, когда после теплого дождя асфальт стал скользким. Но для нашего Сосновского такая опасность не существовала. В одном месте он так нагнал скорость, что с рулевым управлением не справился, и машина вылетела за дорожную черту, от сотрясения на кювете нас всех вместе с бочками, ящиками, оружием выкинуло за борт машины. Сама машина еще прошла метров десять и опрокинулась на правый бок. Бывают такие непредсказуемые события, повторить которых невозможно, не вписывается в нормальное русло. Никто из нас не погиб и не получил серьезных ушибов. Опрокинувшаяся машина и не загорелась, хотя бензин вытекал большой струей.

Ехавшая за нами легковушка остановилась, и подошли к нам какой-то генерал и два полковника. Генерал молчал, вступил в разговор полковник, более мощный по росту и надменный по лицу. – Кто водитель?

– Я был за рулем, лейтенант Сосновский, – ответил по-честному командир взвода, шофер рядовой Маркушев стоит рядом.

– Так, почему же Вы, лейтенант, беретесь не за свое дело. Слава богу, что все обошлось благополучно. А могла быть большая беда. Если на фронте ребята остались живыми, то здесь могли быть угробленными из-за Вашей безответственности. Передайте командиру полка Самокишу, чтобы он наказал в полной мере своей властью. Он меня знает. Я полковник Выниченко. А вы, ребята, просто молодцы. Пусть и дальше в вашей жизни так повезет. Выходите здоровыми из всех перетрясок. До свидания.

После отъезда начальства мы довольно легко поставили машину на колеса, с нашей помощью она въехала на шоссе, и дальше путь прошел без приключений. Если не считать за ЧП самопроизвольный выстрел ППШ. У солдат есть привычка: садясь в кузов автомашины ставить ППШ с прикладом вниз между ног. При прочих недостатках у ППШ самый существенный недостаток – очень легко поддается самовыстрелу. Затвор тяжелый по весу, слабо закрепляется в нейтральном положении и от легкого стука об пол происходит самовыстрел. Такие случаи бывали десятки раз, но чаще, как и в этот раз, прошло без последствий для себя и товарищей. То что пуля продырявила пилотку – не в счет. При тряске на фронтовых дорогах стук прикладом вниз – обыденное дело.

Знали, что едем в Москву, но куда конкретно, никто не говорил. Каково же было удивление, когда оказались в самой настоящей деревне. Деревянные дома, как у нас на родине, огороды. Это было подмосковное село Коломенское. Правда, заметили: в верхнем конце села начинается трамвайная линия. На одном из домов вывеска: колхоз «Огородный гигант». Недалеко от конторы колхоза была церковь. Говорят, что ее построил Петр Первый.

Нас по три-четыре человека разместили в домах колхозников. Технику разместили на пустыре, между Коломенским и пригородным поселком Нагатино (в настоящее время все они в городской черте).

Мы с командиром отделения Сашей Шишкиным и рядовым Иваненковым разместились в самом крайнем доме, уже вблизи реки. Хозяйка дома, моложавая женщина, не потерявшая привлекательности Надежда Петровна. Проживала с сыном 4-5 лет. Судьбу мужа не знала. Как взяли в армию в конце 1940 г., получила лишь одно письмо. Как в воду канул, нет никаких известий.

Настала для нас настоящая человеческая жизнь. Поскольку мы продолжали питаться по фронтовым нормам, все были сильные и упитанные.

А раз солдат сыт, то его тянет к бабам. Более ушлые и бывалые ребята очень быстро повлюблились и затихли. Все по углам распустились. В небольшом селе целый полк разместился, а на улице редко увидишь солдата. Правда, москвичи и подмосковные ребята на свободные от дежурства дни разъезжались по домам. Начальство устроилось у своих любовниц и мало беспокоило солдат. Тем, кому не нашлось пары в Коломенском, обрели подруг в Нагатино.

Шофер фургона начштаба Андреев влюбился в женщину-милиционера. Ничего необычного, конечно, не было. Женщин-милиционеров в Москве было полно. Вспомнил же об Андрееве лишь потому, что он очень уже забавно рассказывал о своей подруге.

– Ну и мильтошка у меня. Сколько ни давай – ей все мало. Какая-то небесная.

Наш Саша Шишкин закрутил любовь с хозяйкой, которая вела себя очень осторожно и по поведению нельзя было в чем-то заподозрить. Да и сам Саша был человек очень порядочный. Он не мог допустить какой-то вульгарности. Единственное, что его выделяло среди нас, – помочь Наде в домашних делах и чем-то занять сына.

К сожалению, такая безмятежная жизнь продолжалась недолго, около двух недель. Кому-то показалось это непозволительной роскошью, и решили перебросить нас ближе к природе.

Между городом текстильщиков Купавино и шоссе Энтузиастов (5-7 км) имелся мощный лесной массив, стояли могучие ели с малой примесью

сосны. Некоторые деревья нельзя обхватить руками. Грунтовая дорога проходила через этот лес. В осенние месяцы она для автомашин непроходима.

Вот здесь, по обе стороны этой лесной дороги, предстояло обосноваться полку. Дали в руки пилы, топоры и подали команду: стройте себе жилье. Не знаю, чем это было вызвано, жилье строили с большим энтузиазмом. До сих пор помню, как валили лес, пилили на строительные бревна и на себе таскали на место стройки.

Тут опять немного отступлюсь. За то время, что мы пробыли на фронте, приходилось строить немало. Конечно, это, в основном, землянки. Но везде нужна сила, какие-то навыки. Но то, что строили и как строили в лесу под Купавной, это уже настоящее строительство. Строившееся жилье нельзя назвать землянкой. В землю опускались не ниже пояса. Затем рубили сруб. Все чин чином. На кровлю шли тонкомеры, на них ложился мох, в два ряда дерн. По середине дома-землянки – проход, по бокам – места для лежания. Но главное не в том. Был какой-то возымевший всех энтузиазм, прилив физических сил. С сырого хлыста снимали кору, разделявали на шестиметровки, поднимали на плечо и переносили на расстояние 50-100 метров. Никакой усталости. И через какие-то два дня жилье готово для заселения. Вместо дверей в два ряда через перегородку – плащ-палатки.

И сейчас часто вспоминаю эту стройку. Может она зародила мне на всю жизнь страсть к строительству. Где бы ни работал, везде стремился что-то строить. Фронт научил не только и не столько разрушать и громить, сколько возводить и возрождать.

Повзводно разместились в домах-землянках на 20-25 человек. Приятно раздеться до нательного белья и спать в тепле. К этому времени успели избавиться от вшей и как дети радовались, что не надо чесаться. Раз в неделю ходили в Купавну для помывки в бане.

В этот день у меня сильно разболелись зубы, щека опухла. Довелось познакомиться с купавинскими зубными врачами. Добрым словом я их вспоминаю до сих пор. Они обслуживали нас с большим желанием и любезностью. Пользуясь их советами, до сих пор обхожусь без съемных протезов. Обменялись адресами, но переписка не завязалась.

К сожалению, и здесь в подмосковной тиши пробыли недолго, хотя успели проделать большую работу. Все 24 БМ были смонтированы на «Студебеккерах». Половина из них с обеими ведущими осями. Восемь машин имели мощные лебедки. Обновили автотранспорт. Обновили личный состав. Полк опять стал полноценной боевой единицей. Нас ждали новые испытания и трудности.

Полк растянулся по краю шоссе Энтузиастов в направлении на Север. Вся техника новая или подновленная. Люди выглядели настоящими бойцами.

24 БМ подивизионно расположились после штабных машин, десятки бортовых и спецмашин растянулись до километра. Командир полка кроме легковушки М-1 имел и американский «Виллис», он от головы колонны проезжал вдоль полка, останавливался около штабных машин, давал какие-то напутствия, затем на большой скорости возвращался в голову колонны.

Выехали по Можайскому шоссе опять на Запад. Западное направление оказалось заказанным нам на весь период участия в войне.

Ночь в пути провели в селе Хващевка. Оно расположено по правую сторону в полутора километрах от шоссе на пригорке. Ночевали по три-четыре человека в одном доме. Люди в селе жили в большой бедности. Кроме картошки на столе ничего не видели. Одежда вся в заплатах.

Хозяйкой нашего дома оказалась по нашим понятиям старая женщина. Но продолжала работать в колхозе. Муж умер еще до войны. Сын где-то воюет, но где – не знает. Изредка пишет письма, но мало что могла сказать о чем пишет. С походной кухни принесли борщ с американской свиной тушенкой. Борщ был отменным. Она была рада нашему угощению – для нее принесли больше полкотелка.

Мы ночевали четверо, я с Сашей Шишкиным из старых и двое новеньких. Спали на полу, укрывшись шинелями. Утром встали хорошо выпавшиеся, были рады, что ночью не тревожили разные насекомые. Но все же один казус случился. У одного новенького крысы разгрызли и искушали половину одного погона. Много было смеху.

Как поутихли от хохота, Шишкин мне говорит: «Вот попомни, Игорь. Он не жилец на этом свете». И действительно, он прожил не более недели. Погиб от разорвавшегося рядом снаряда. Причем это был одиночный снаряд, не знаю, с какой целью выпущенный противником. К сожалению, и самому Шишкину жить оставалось недолго. Погиб он в боях в декабре под Витебском. Но об этом позже.

В дороге узнали, что у нас новый командир полка – подполковник Ковалевич Анатолий Николаевич. Никто точно не знал, чем было связано освобождение Самокиша от командования полком. Большинство из нас считали, что ему не простили ту вольность, которую он предоставил солдатам и офицерам в селе Коломенском. Позднее официально сообщили, что он командует таким же полком на Южном фронте.

Вслед за Самокишем освободили от должности и замполита Рычажкова. Незадолго до этого он получил звание майора. Куда он девался, никто не знал. Вместо него прибыл майор Грабауров. Человек уже в возрасте. Сразу скажу, что у меня с ним сложились хорошие отношения, не знаю, чем я понравился такому степенному человеку. Может где-то заметил, что я неплохо разбираюсь в политических вопросах. После войны долго работал

заведующим областным отделом социального обеспечения в г.Ростове. Состояли в переписке. Умер в 1985 г.

Уже прибыв на фронт, сменили и начальника штаба Доставалова. Уехал в распоряжение штаба ГМЧ. Тепло попрощались. Дальнейшую судьбу не знаю. Вместо него прибыл майор Белочкин. Контакта с ним было мало и что-либо интересное вспомнить не могу. Зато Вася Попов оказался в числе его любимцев.

На второй день полк прибыл в зону боевых действий. В ожидании боевых распоряжений расположились в лесу вдоль Афанасова озера. Впереди ничего не видели, но со слов командиров узнали – перед нами, через реку стоит Орша. Противник еще сохранил плацдармы на этой стороне, и вопрос взятия Орши пока никто не ставил.

На второй день после рекогносцировки мы оборудовали НП полка на довольно высокой местности. Но из-за плохой погоды не было полной видимости. Знали только, что здесь была деревня Петрики. Но из домов сохранились только разбросанные и обгоревшие бревна. Противник постоянно держал деревню под артиллерийским и минометным огнем. В этой суматохе в деревне продолжали проживать местные старик со старухой. Ютились в подzemелье. В минуты затишья мы бывали у них и кое-что подкидывали им из еды. Сами они хвалились, что картошки еще много и долго еще продержатся. Рассказывали, что они уже дважды меняли ночлежное место. Покидали из-за постоянного долбания снарядами и невозможностью дальше оставаться в обжитой землянке. На этом месте чуть меньше падает мин и снарядов.

С помощью бойцов взвода управления обустроили НП полка. Он стал и вместо КП. НП-КП состоял из двух землянок на два-три человека. В одной разместился командир полка с начальником разведки и ординарцем. В другом – мы с Сашей Шишкиным и связистом. Землянки соединили проходом, в середине которого разместили приборы разведки. Накат был прочным, благо дерева было много.

Действия с обеих сторон ограничились артиллерийскими и минометными налетами. У пехоты подвижек не было. Полк проявил свое присутствие лишь несколькими батарейными залпами из различных позиций. У нас были уже снаряды УК-52. В сочетании с огнем ствольной артиллерии наш огневой налет был еще мощнее. Ни один налет врага не оставался без ответа. После нашего удара противник замолкал. Но это не касалось деревни Петрики. Немцы огнем ротных минометов постоянно себя подбадривали и нас поугивали. Мы были у них на виду. Я уже писал, что немцы перестали бльости ранее соблюдавшийся распорядок, и мина могла шлепнуться в любое время дня и ночи.

Так было и в тот день – 17 ноября. День был пасмурным и к часам пяти стемнело. Я выдвинулся на бруствер и стал прислушиваться к звукам, доносившимся с их стороны. Вдруг шлепнулся вблизи снаряд, и меня обдало волной песчаной смеси, жаром и знакомым запахом от взорвавшегося снаряда. Не успел одуматься, как лицо залилось кровью. Понял, что это осколок попал в лицо. Выбежали ко мне друзья из землянки. Вышел и командир полка. Начальника разведки не было. Где-то он был у пехотинцев.

Нашелся санитарный пакет и мне быстро лицо перевязали. Ковалевич велел связисту отвести меня к «Виллису», что находился в низине в укрытии, и отправить в расположение штаба полка. Помню, он так распорядился:

– Передай доктору (так он звал полкового врача Белова), чтобы Шахова ни в какой госпиталь не отправлял, а сам вылечил. Он еще мне нужен будет.

Я очень обрадовался такому решению комполка. За какие-то десять минут были у «Виллиса». Шофер, очень симпатичный весельчак-грузин Перцхалава, как штык готов, и мы сразу же тронулись.

В санчасти Белов уже знал о случившемся, не надеясь на указание через посредника комполка, сам позвонил и сказал то же самое. Ко мне подбежал санинструктор Слава Ильин и быстро снял повязку. Свежей крови не было, но лицо успело опухнуть. Оба глаза закрылись. Но голова работает нормально. Большой боли не чувствовалось.

Так началось лечение в санчасти полка. Через три-четыре дня опухоль стала спадать, постепенно глаза открылись, дней через десять и сам осколок выпал из своего гнезда.

Вскоре я вернулся в землянку взвода управления, там и долечился. Здесь при распиловке дерева для дров поперечной пилой задел левый указательный палец, и его дольше, чем рану от осколка, пришлось лечить. Осколочное ранение через три недели было заметно лишь оставшимся шрамом ниже левого глаза. А палец навсегда остался негибачущимся.

Сейчас трудно сказать, добились ли мы чего-нибудь существенного под Оршей. По-моему, никаких заслуг приписать себе здесь не можем.

В начале декабря полк был переброшен в район Витебска. Здесь были сосредоточены мощные силы, особенно большествольной артиллерии. По шоссе через Рудню и Лиозно днем и ночью в сторону фронта двигались большие массы войск и боевой техники. Немцы, разумеется, знали, с чем это было связано, и их движению не давали покоя.

Здесь впервые в широком масштабе враг применил кассетные бомбы. Вывалившись из чрева самолета, бомба, больше похожая на торпеду, разделялась на две части, и оттуда высыпались десятки маленьких бомбочек с величиной «лимонки», и они увеличивали вероятность поражения противника в десятки раз. И, действительно, кассетная бомба страха нагоняла немало.

Особенно они устрашающе действовали на водителей. Даже с переходом на ночные перевозки страхи не поубавились.

Полк поддерживал стрелковые части 33-й Армии. Штаб расположился в сосновом лесу, где зарылись в землю. Но и это не было спасением. Враг прекрасно знал, что на этом лесистом островке напичкано людей и техники вдоволь и ни один снаряд не будет бесполезным. Артобстрел не ослабевал ни днем, ни ночью. Весь лес был испорчен, оставшиеся стоять деревья были напичканы осколками.

В эти зимние месяцы особенно досталось огневым подразделениям. В активные боевые действия полк вступил сразу по прибытии. Ежедневно полк по три-четыре раза менял огневые позиции. Стрелковые части при мощной огневой поддержке прорубили проход длиной около 6 километров и шириной 2-3 километров. До Витебска было совсем недалеко, он был виден на горизонте. Но этот «мешок» при обильно пролитой крови оказался единственным достижением за всю зимнюю кампанию на этом участке фронта. На отвоеванной территории едва ли найдется участок размером в крышку стола, куда не упала бы мина или снаряд. Рассказывали и писали об этом фронтовые газеты, что в эти зимние дни в Витебске побывали высшие чины из Берлина, в их числе знаменитый фельдмаршал Роммель с единственной задачей: побудить свои войска также отстаивать Витебск, как русские отстаивали Сталинград. И они держались, хотя наши силы, конечно, уже во много раз перекрывали вражеские.

В конце февраля наша сторона отказалась от намерения освободить Витебск, и фронтовая полоса затихла. Только летом, с началом стратегической наступательной операции «Кутузов» Витебск был освобожден.

Для полка эти месяцы оказались самыми тяжелыми и кровопролитными из всего периода пребывания на фронте. После успешных летних боев не только ствольная артиллерия, но и части ГМЧ стали сопровождать пехоту. Только успеют мощным огнем подготовить пехоте участок для прорыва, но стоит им подняться, как выползающие из своих нор минометчики, автоматчики, ближняя артиллерия заставляют пехоте обратно залечь. Здесь с большим умением были организованы узлы сопротивления. Понятно, пехотные командиры ругали артиллеристов и минометчиков за оставление без подавления этих самых узлов сопротивления. Иногда эти упреки доходили до бранной ругани, но мы ничего не могли поделать. По тяжести потерь и их результативности эти бои можно сравнить только с «Демянским котлом». Там тоже зря погибли десятки тысяч славян.

Я вспомнил об этом «котле» по такому поводу. Известно, что на Октябрьском Пленуме ЦК КПСС (1958 г.) в адрес Г.К. Жукова было сказано: – Вы, г. Жуков, все победы считаете своими, а за неудачи повинны дяди. Мы

можем тебе напомнить Демянские события, где без всяких результатов погибли десятки тысяч солдат и офицеров.

Подобные упреки за Витебские потери следовало бы кое-кому сказать даже в более жесткой форме. Правда, этого не случилось. Я это сочиняю не от себя. Об этом говорили всю войну и в первые послевоенные годы те, которые лично пережили Сталинградскую эпопею, Крымские трагедии, первую и вторую Харьковские драмы и другие известные горькие эпизоды войны.

И наш полк в эти зимние месяцы понес ощутимые потери. Естественно, я не знаю числа погибших и раненых. Но хорошо помню, в один из этих дней сразу хоронили 28 человек. В их числе командир отделения разведки Шишкин Саша. Это для нас была тяжелейшая утрата.

7 марта 1944 г. полк своим ходом выехал на ремонт техники, отдых под Смоленск. Жили в лесу неподалеку от тех мест, где были убиты тогда военнопленные польские офицеры немцами. Дни тянулись нудно, без всяких интересных событий или мероприятий. Разве что раза два побывали в ближайшей деревне, где крестьяне угощали самогонкой. Каждый из нас имел возможность чем-то расплатиться: то неиспользованный еще в деле материал для портянок, то излишняя рубашка нательная, то кусок мыла. И раньше нам довелось бывать в нищих деревнях, но смоленские деревни отличались абсолютной нищетой.

Весной 1941 г. произошла реорганизация системы фронтов, и на Западном направлении образовались три Белорусских фронта. Наш полк вошел в состав 2-го Белорусского фронта. В начале апреля, совершив 750-километровый марш, расположился в 25 километрах западнее города Мстиславль (в районе местечка Рясна).

Середина апреля – начало мая – самое благодатное время года в обычной жизни. Но на фронте они приносят особую одухотворенность, что вызывается чувством конца чего-то тяжелого и беспросветного, холодного и мучительного периода. Дни стоят солнечные, теплые. Утро наступает ясное, тихое. Днем приятно растянуться в траве и вдыхать душистый запах трав или сладкой благоухающей хвои. Чуден вид и вечернего неба. Вдали за чернеющим лесом поднимается лунный диск. Слышен только шелест листьев.

Курортный май 1944 г. тоже стал славным. Как будто не прошел с того Жиздринского мая целый год. И какой год! Пройдено в разных направлениях несколько тысяч километров. Стала очевидной наша победа, и уже не хотелось погибать. Ведь та же красота природы, то же солнце, излучающее миллионы зайчиков, те же соловьи. Только внизу уже не Жиздра, а Проня, которую в скорости надо будет форсировать. Но это еще не сегодня, а может и

не завтра. А пока надо все это забыть. Забыться сейчас легче и песни поются легче. Этому содействует и то, что полк расположился в чудесном месте. Занятый полком участок имел под небольшим углом скат на Юго-Западе. Редкий лес почти целиком из лиственных пород: дуб, ясень, береза, липа и еще бог знает какие. К полудню поднимается легкий ветерок, который стихает по мере ухода солнца за горизонт. Невесть откуда появляются соловьи, и земля становится родной. Вспоминаются слова из песни:

И с полей уносится печаль,
Из души уходит прочь тревога,
Впереди у жизни только даль,
Полная надежд людских дорога.

Господи, как же хочется быстрее закончить эту затянувшуюся страшную войну!

Полк вошел в оперативное подчинение 49-й Армии. Линия фронта поддерживаемой нами 293-й СД проходила по левому берегу р. Проня. На том берегу, правее нас, стоял г. Чаусы, который предстояло нам захватить. Но до этого надо еще дожить. Стратеги готовили войска к летней наступательной операции. А солдаты, вроде нас, отдыхали.

Отделения взвода управления полка побывали на будущем участке расположения НП и КП, и каждый по своей части наметил объем предстоящих работ. Наметили места дислокации дивизионов и батарей. Наметили места обустройства землянок. Но пока незачем вблизи от противника глазеть и показывать себя врагу.

И вот наступил день «Х» – 24 июня 1944 г. Началась операция «Кутузов». В первый же день наступления полоса фронта была прорвана по всей линии соприкосновения с врагом.

Без большой крови форсировали Проню, приток Сожа. К вечеру вошли в г. Чаусы. Противник нигде не смог зацепиться и вскоре мы оказались на подступах к Могилеву. Перед нами был Днепр. КП полка оборудовали в каком-то разбитом сарае, в метрах 300 от воды. Под прикрытием мощного огня из всех видов стволов и огня «Катюш» саперы быстро навели понтонный мост. Плюс к тому оказался не взорванным железнодорожный мост.

В этих решающих боях за Могилев большую роль сыграли наши летчики-штурмовики и истребители. За речной гладью простирался луг, во всю видимую глазом длину и ширину, видимо, в метров 150-200. Весенний паводок уже прошел, и теперь местами луг зеленел, местами виднелась не успевшая залужиться голая земля. За этим лугом круто поднимался коренной берег, высотой в многоэтажный дом. Весь этот берег на глубину в несколько

километров был в огненном дыму. Жутко представить себя на месте тех, кто пытается удержать этот город.

Этим непрерывным огнем умело воспользовались не только саперы для наведения понтонного моста, но и летчики. Они сумели на том берегу, примыкающем к отвесному берегу лугу, устроить полевой аэродром. Первыми воспользовались понтонным мостом снабженцы авиачастей. Они подбрасывали для своих самолетов горючее и боезапас. Это позволило штурмовикам беспрепятственно вылетать на утюжку оборонявшегося врага, а истребители барражировали над местностью и охраняли небо от воздушного нападения врага. Самолеты беспрестанно взлетали или садились для подзаправки и пополнения боезапаса. Подобное взаимодействие различных войск трудно себе представить в первые годы войны. Мы, солдаты, и то понимали своим умом возросшее мастерство командного состава.

У противника весь порох иссяк и как-то он размяк. В город рвались не только мы, в лоб, но была угроза и с Юга. Враг отступал и около Быхова. 28 июля мы вошли в Могилев, хотя назвать его городом можно было только условно. Он был весь разрушен.

Распорядившись многочисленными пленными, взятыми на нашем участке, мы, сопровождая стрелковые части, свернули влево и захлопнули Бобруйскую группировку немцев. Здесь в плену оказались не только простые смертные, но и несколько генералов.

В городе состоялась встреча с вышедшими из лесов партизанами. По составу были они разновозрастными. По экипировке, говору, счастливым лицам мы заключили, что перед нами настоящие народные мстители.

Полк в постоянном движении. Лето в разгаре, жарище, гимнастерки постоянно мокрые. Враг отступает, но не бежит. Цепляется за каждый бугор и естественную преграду для нанесения наступающим больших потерь. Дышится тяжело. Не только и не столько от жары, сколько от разносившегося зловония. Разлагающиеся трупы лошадей и человеческие части тела воздух наполняют своеобразным запахом. Это был запах мертвячины в чистом виде.

Прошли Осиповичи, Пуховичи. Враг метался и не находил просвета. Пытался объединиться в мощный кулак для прорыва на Запад. Но нашему командованию удавалось навязать бой разрозненным соединениям до их объединения.

Значительный вклад внес полк в уничтожение 18-й мотомехдивизии противника. Полк совместно с небольшой стрелковой частью навязал дивизии встречный бой в районе городка Червень, в дер. Дряхча. Бой был ожесточенным, временами доходило до рукопашной схватки. При этом полк понес немалые потери, пожалуй, самые большие после Витебской драмы. Тяжелое ранение получил помначальника политотдела по комсомолу Славинский.

Еще на подступах к Червени вражеские части были разбиты и вошли в город без боя. Разрушения есть, но не столько, как бывало в других городах. В городе многолюдье и шум. Кто знает, были ли тут местные. По-моему, город кишел не столько из-за вошедших частей Красной Армии, сколько от многочисленных групп партизан. Они собирались группами и решали свои дальнейшие планы. Пожалуй, из всех собравшихся в городе только одна милостивая девушка с небольшой переносной радиостанцией сидела в скверике и мечтательно глядела мимо всего происходящего. Она до того была сосредоточена, задумчива, что даже наши весельчаки стеснялись оторвать ее от нахлынувших дум. Может, она была из тех, что на парашютах забрасывали в тыл. А буйное веселье, охватившее собравшихся, не приносило облегчения от потерянного друга. Не знаю, может что-то другое было в голове у этой стройной, симпатичной девушки. Но моя версия казалась мне более вероятной. Кто-то сказал, что может она с рацией подослана врагом. Едва ли враг знал о нашем недоверии ко многим своим, оказавшимся на той стороне, и уже научились отличать своих от бывших своих.

Немного передохнув в Червени, ринулись строго на Запад. Обогнув Минск с юга через большое село Самохваловичи, полк принял участие в окончательном преграждении немцам дороги на Запад. Какое-то еще время полк участвовал в уничтожении Минского «котла», но еще до завершения этой операции получил новую задачу.

5 июля полк возглавил подгруппу частей ГМЧ 2-го Белорусского фронта и с частями 3-й Армии принимал участие в дальнейшем продвижении на Запад.

Началом этого пути можно считать овладение знаменитой железнодорожной станцией Негорелое. У всех это слово было на слуху. До похода в Западную Белоруссию в 1939 г. здесь проходила госграница СССР. За ней была панская Польша, как любили называть эту страну. Наша нелюбовь к полякам сохранилась с неудачной польской кампании 1920 г. Негорелое связано с многочисленными пограничными инцидентами, на основе которых сочинялись многочисленные рассказы, повести, очерки о героизме наших пограничников. После 17 сентября 1939 г. граница продвинулась намного на Запад. Нашим форпостом на Западе стал легендарный Брест.

Негорелое на нас не произвело никакого впечатления. Не город и не село. Граница проходила в глубокой впадине с маленькой речушкой внизу. Вся впадина сумрачно темна от густого лиственного леса и плохого солнечного освещения. Через эту темень перекинут железнодорожный мост.

Без больших потрясений прошли через Столбцы, Мир, Новогрудск, Слоним. Остановились в Волоковыске.

С большим интересом в возможных объемах осмотрели Беловежскую пушу. Удивительно чистый лес из хвойных пород. Удивительно стройные сосны располагались друг от друга на одинаковом расстоянии, не очень часто и солнечные лучи легко проникали до земли. Ягель бисером, как рукотворный ковер, распластался под ногами. Мы от большака углубились в лес по проселочной дороге. Воздух наполнен душистой хвоей. Видели кормушки для зубров, но их самих не видели. Видимо, скрылись от человеческих глаз. В красивом, украшенном резьбой домике егеря хорошо поужинали. Здесь оказались и наши девчата-солдатки. Их подразделение разместилось в этих лесах. Наверное, для охраны заповедника от расхищения животных и охраны от огня. Настроение у всех было бодрое. Пели песни. Правда, кроме легких поцелуев ничего большего не было.

Большим событием было овладение г. Белосток. Здесь, на подступах к городу, произошли кровопролитные бои. Потери понесли не только стрелковые части, но и артиллерия и минометные части. В этих боях погиб любимец полка, командир 2-го дивизиона майор Портянко Иван Моисеевич. Это был образованный и высококультурный офицер. Войну начал рядовым ополченцем под Москвой и за какие-то три года дошел до командира дивизиона.

Мне припомнился такой случай. По каким-то причинам я оказался у него на КП. При мне состоялся очень корректный и поучительный разговор с телефонистом на коммутаторе. Этот диалог до сих пор помню:

– Соедините меня с начальником штаба.

– Хорошо.

– Не хорошо, а есть.

– Есть.

– Вот теперь хорошо.

В этом весь И.М. Портянко. Требовательность даже в малом, большой ум при принятии решений.

Белосток мало, вернее, совсем мало пострадал от военных действий. Это чисто польский город, почему мы и вернули его Польше, хотя в 1939–1941 гг. он входил в состав Белоруссии. В городе полк пробыл несколько дней. Мы ходили по городу, много разговаривали с поляками, которые оставались в городе. Все разговоры носили любезный характер. Побывали и в костеле, где шла служба.

Командование использовало передышку для приведения техники в порядок, отдыха солдат и поднятия морального духа у личного состава. Состоялось несколько общеполковых построений, проводились митинги. Главная тема об освобождении своей Родины от немецко-фашистских войск и предстоящем полном освобождении от захватчиков Польши. Польша будет

дружественной нам страной, и здесь категорически не допускаются мародерство, насилие и другие недружественные действия. Другое дело – Германия. Там будет дана полная свобода действий.

Полку было присвоено почетное наименование «Могилевский». Состоялось вручение полку ордена Красного Знамени. Награды получили и многие офицеры, сержанты и красноармейцы. Вручали благодарственные письма Верховного Главнокомандующего за участие в наиболее крупных и кровопролитных сражениях.

В числе награжденных был и мой друг Вася Попов. В эти летние месяцы он не раз показал себя отважным и бесстрашным бойцом. Секретарь Совета ветеранов полка В.Ф. Носов в архивных наградных материалах вывел несколько примеров.

2 июля полк, действуя в группе преследования, вышел в район поселка Октябрь на Березину. В этом месте немцы готовились к взрыву железнодорожного моста. Требовалось срочно дать залп по противнику, не пропустить его к мосту и тем самым предотвратить взрыв. Немцы вели сильный обстрел наших частей. При этом вражеская пуля пробила радиостанцию. Попов сумел быстро устранить повреждение, и комполка смог своевременно вызвать огонь ближайшего дивизиона. Залпом «Катюш» противнику был нанесен большой урон. Наша пехота стремительным броском овладела переправой, и группа преследования переправилась через Березину и устремилась к г. Червень. В упоминавшемся встречном бою Попов лично уничтожил семь гитлеровцев.

9 июля, находясь в районе дер. Чижиновцы, полк обнаружил отдельную группу немецких войск численностью до 200 чел. Вблизи пехотных частей не было. Из состава полка были срочно сформированы группы по уничтожению обнаруженного противника. Действуя в одной из таких групп, Попов уничтожил трех немецких солдат.

История не может зачеркнуть факт проявления большого мужества солдатами и офицерами России в боях за освобождение Белоруссии.

В конце сентября подгруппа ГМЧ фронта распалась, и полк перешел в подчинение 50-й Армии. Занял боевые порядки в районе крепости Осовец. Осовец – известная российская крепость. Знали это со школьных лет. И вот сюда забросила нас судьба. Сама крепость большого впечатления не произвела. Казематы пустовали, немцы и мы пытались приспособить их в оборонительных целях.

Несколько дней провели в деревне, в километрах трех от крепости. Размещались в домах местных жителей. И здесь поляки проявили к нам дружелюбие. Они знали русскую армию еще с той войны. В их селе перебывали сотни русских солдат. Ничего плохого о наших отцах и дедах сказано

не было. Иные вечера угощали домашней водкой. По сравнению с нашими людьми они жили в большем достатке и к нашим тряпкам интерес не проявляли.

В вечерних разговорах интересовались нашей жизнью до войны. Их мысли особенно занимали наши колхозы. Они никак не могли понять, как это можно работать в одну кучу.

В октябре месяце полк принял непосредственное участие в штурме города-крепости Августов. Этот город тоже был созвучен событиями войны в 1915 г.

С наступлением холодов фронт стабилизировался. Стало очевидным – надо серьезно подготовиться к дальнейшим боевым действиям. В пропагандистской работе все больше говорили об исторической миссии Красной Армии – вызволить народы Европы от фашистского рабства. Первой среди этих стран оказалась Польша. Причем мы не стали скрывать – Польша должна возродиться на иных условиях, что были раньше. Наряду с эмигрантским польским правительством в Лондоне летом 1944 г. в г.Люблине был создан прообраз нового правительства – Польский комитет национального освобождения.

В ноябре полк перебрался в район г. Сероцк. Это несколько северовосточнее правобережного пригорода Варшавы Праги. Варшавское восстание было уже подавлено, и на той стороне Вислы были один мрак и безмолвие. Мы владели скупой информацией о происшедшем восстании поляков в своей столице. Только спустя сорок лет узнали о том мужестве, что проявили поляки при попытке освобождения Варшавы от оккупации. По-моему, точка еще не поставлена в истории возникновения этого всенародного подвига. Почему планы и начало восстания не были согласованы с Красной Армией? Ведь нас разделяла только река. Если имелось обращение поляков еще до начала восстания, почему помощь не была оказана? Результат: погибли 200 тыс. поляков, а от города остались одни руины.

Русский человек всегда силен задним умом. Сейчас не прочь порассуждать: не надо было бояться того, что Варшаву освободят сами поляки, пусть и под эгидой Миколайчика. Мы своими ушами слышали гул кровавого сражения в Варшаве, слышали истерическую мольбу об оказании помощи, но остались глухими. Как бы не были обессилены прошедшими боями, наши силы были огромными. Неизвестно, как бы дальше развивались события. Может, потом не было тех жертв, что понесли в Польше: на этой земле оставили только убитыми 600 тыс. россиян и советских людей других национальностей.

Наш фронт перешел в наступление только 14 января. День начинался пасмурный и печальный. Видимости никакой. Небо молчало.

Но назначенное наступление не отменяется. В 8.00 загремела артиллерия всех калибров, в утренних сумерках полетели на врага огнедышащие сигары – реактивные снаряды. После часового гула огонь переместился внутрь обороны. А тем временем саперы натянули понтонный мост. Стрелковые части переправлялись не только по наведенному мосту, но и на разных суденышках: самоходных и весельных лодках. По трясущемуся мосту пошли танки.

Враг оказался в тисках. На Варшаву нажимали не только с Востока, но и с Юга, где имелись наши плацдармы. Все рядом стоящие части тронулись к переправе, а мы продолжали стоять на огневых позициях. Угол наклона направляющих поднимался все выше – увеличивалась дальность поражаемых целей. Враг большой стойкости не проявлял и постоянно бросал свои позиции. Наступающие части обтекали Варшаву. Через два дня, а именно 17 января 1945 г., Варшава была полностью очищена от врага. Враг топтал Варшаву около шести лет. Польша потеряла 6 млн. своих граждан.

Нашему полку войти в Варшаву суждено не было. Мы тоже тронулись, но в северо-западном направлении, вдоль правого берега Вислы.

Продвижение было успешным. Без больших столкновений отвоевывали город за городом, деревню за деревней. Населенные пункты все чаще стали называть фольварками. В ряде случаев наступление было настолько стремительным, что жители не успевали опомниться, и при вступлении частей Красной Армии город продолжал жить обычной жизнью.

Занимаемые в первые дни наступления города и населенные пункты были чисто польскими, и народ не прятался. Временами умиленная толпа собиралась к нашим машинам и начинались расспросы по самым разным вопросам. Возникал гул восторга и раздавались различные предположения по дальнейшему ходу событий. Выплескивались обиды в адрес немцев. Задавались и нам различные вопросы, многие из которых вызывали общий хохот.

Серьезный на вид пожилой поляк задал и такой вопрос:

– Скажите паны, скоро ли за вами последуют колхозы?

Надо сказать, что наши солдаты были хорошо подкованы и умели быстро найти ответ, причем достаточно умный и убедительный. А на вопрос о колхозах ответ был примерно таким:

– Наше дело освободить страны Европы от фашизма, а как будут жить народы освобожденных стран – нам неизвестно. А колхозы наши не на колесах, и они с места на место не кочуют.

Война продолжалась. Новым испытанием стойкости полка явились бои в районе г. Торн (по-польски Торунь). Торн сам по себе – город-крепость. Кроме полевых соединений здесь размещались военно-учебные заведения.

Но, главное, здесь были заблокированы 5-6 вражеских дивизий численностью свыше 30 тыс. чел. Группировка хорошо вооружена, имела сильное руководство.

Испытать свое счастье немцы решили 7 февраля. На этот день они поставили себе такую задачу: деблокировать окружение, выйти из кольца, двигаясь вдоль Вислы на Север, на благоприятном месте переправиться на левый берег и соединиться со своими частями.

Так случилось, что слабые по оснащённости людьми и техникой наши части не удержали натиск, и враг огромной массой прорвал кольцо окружения и начал двигаться по намеченному маршруту. Но вскоре их марш застопорился. На их пути встали дивизионы полка и какая-то небольшая стрелковая часть. Огнем «Катюш» разметались скопления вражеских войск. Огневой щит был настолько организованным и мощным, что оставшиеся в живых вернулись к городу. Мы чувствовали, что враг на этом не остановится, жди с утра новую попытку прорыва. Посланные за снарядами и горючим машины не возвращались. Для решения этой проблемы оставались считанные часы.

Ковалевич спешно собрал работников штаба и командный состав дивизионов и сказал:

– Если к утру мы не достанем снаряды и горючее – конец полку. Поэтому я немедленно выезжаю на поиск наших снабженцев и любой ценой добьюсь доставки боезапаса и горючего. А вам приказываю подготовиться к отражению наступления немцев на прорыв. Каждому расчету, отделению подготовить огневые точки для применения стрелкового оружия, ПТР, гранат. Сегодня только они представляют реальную силу. Замполитам осмотреть обустройство огневых точек и выяснить понимание каждым бойцом характера предстоящего боя.

Ночь прошла в большой тревоге. Все жили и работали во имя победы в утренних боях. Надо сказать, что в эту ночь проверялась на стойкость внутренняя убежденность каждого человека. Решение повсеместно было единым: враг может пройти только через наши трупы.

У некоторых БМ еще оставались по одному-двум снарядам. У этих машин передние колеса опустили в ямы или кюветы и подготовили для стрельбы прямой наводкой.

В эти часы действия Ковалевича и заодно замполита Грабаурова были мужественными и поистине талантливыми. В этой сумятице и при бродячих группах немцев они сумели разыскать затерянные колонны машин и по бездорожью, по разбитым мостам сумели к утру восьмого доставить и горючее, и снаряды. Нашей радости не было конца.

Но и ночная работа по подготовке к отражению натиска врага стрелковым оружием не оказалась напрасной. Несмотря на сокрушительный огонь «Катюш» в ряде мест немецким колоннам удавалось дойти до огневых позиций дивизионов, и в дело вступали автоматы, а иногда доходило и до рукопашных схваток.

Как и ожидали, с утра немцы выпустили несколько снарядов, большего у них уже не было. Затем пошли на пролом. Их путь лежал с восточного берега оз. Швехатово-Зее по льду, и вдоль берега двинулась огромная масса войск. Видимость была плохая, и густые цепи гитлеровцев выплывали из тумана. Полк встал стеной перед врагом.

На движущуюся массу обрушился смерч огня. Снаряды рвались внутри колонны немцев, от чего над ледяным покровом поднимались черные тучи. Оставшиеся еще в живых в полном отчаянии и замешательстве метались по кругу, не понимая, что с ними творится. Но стоило на 5-10 минут приостановить огненный шквал, как, воспрянув духом, немцы опять идут на пролом. Эта отчаянная напористость усиливается при поддержке их артиллерийским огнем. Стоящие за ними пушки, получив запас снарядов, начали вести интенсивный огонь по нашим позициям. На этот раз он нанес нам ощутимые потери. Два БМ получили прямое попадание. Гибли наши солдаты и офицеры.

Пользуясь случившимся и ослаблением огня, немцы продолжали наступать. Дело дошло до того, что сотни гитлеровцев вплотную подошли к боевым позициям 3-го дивизиона. Командир дивизиона был вынужден вызвать огонь на себя от «Катюш» 2-го дивизиона. Залп был удачным, и группа немцев была рассеяна. С остатками справились стрелковым оружием.

Большое испытание пришлось и мне выдержать. Управление и вспомогательные подразделения полка оказались на правом крыле за I дивизионом. У I дивизиона сложилась отчаянная обстановка. Напиравшие немцы, несмотря на потери от наших винтовок и автоматов, подошли непосредственно к БМ. Дело доходило до рукопашных схваток между машинами.

Пользуясь этой суматохой, у БМ группа немцев из 40-50 человек проскочила между нами и дивизионом и стремительно двинулась на Запад. Бежавшие в задних рядах время от времени поворачивались назад и давали короткую очередь из автоматов, не допуская их преследования.

Что делать? Первому дивизиону было не до этой группы. Нас во главе с замполитом I дивизиона В.И. Шитовым было семь-восемь человек. Для принятия решения оставались секунды.

Тут я быстро встал, завернул концы шинели за ремень и, выдвинув руки с автоматом, побежал догонять убежавших немцев. За мной побежали и

другие солдаты. Лишь Шитов остался на месте, а потом присоединился к своему дивизиону.

Стреляя на ходу, продолжали преследовать немцев. Несколько человек, получившие наши пули, остались на нашем пути. Продолжавшие бежать от нас отстреливались и по всему не думали руки поднимать. Их автоматы, наконец, замолчали, видимо, кончились патроны. Многие из них перешли на пистолеты. Впереди безбрежное поле, покрытое небольшим слоем снега. Наконец, мы группу догнали на небольшом ледяном поле. Это был промерзший ручей, по равнинной местности он разлился и от наступивших морозов покрылся ледяным покровом. Нас в явном меньшинстве, но мы здоровые, а не доходяги, какими выглядели немцы. Их еще оставалось не менее половины ударившейся в бега группы.

Всех перестрелять не имело смысла. Человек пять-шесть, что держали в руках оружие, перестреляли, остальным велели побросать оружие и повернуть в сторону озера, к стоянке I дивизиона. Это были матери, видевшие виды арийцы. Рослые, обросшие щетиной и с впалыми скулами. У некоторых на френчах железные кресты. Бесспорно, они продолжали верить своему фюреру. Но были они обессиленные из-за голода, от пережитых потрясений и от этого неудачного отчаянного броска. Оставшихся живых немцев мы обыскали. В погоне за этими немцами мы отделились от дивизиона на метров 300-400.

Подшли к дивизиону, присоединили своих немцев к ранее сдавшейся группе и всех их отправили для формирования единой группы пленных немцев. Очевидно, их передавали стрелковой части для сопровождения на армейский сборный пункт военнопленных.

Было еще светло, и мы имели возможность поглядеть на содеянное нами зрелище. Озеро Швекатово-Зее шириной в 2-3 километра и длиной до 5 километров. Последняя военная зима оказалась морозной, и озеро было сковано прочным ледяным панцирем, что выдержало несколько тысяч солдат с легкими орудиями, тащившимися автомашинами начальствующего состава. Картина была ужасающая. На этом берегу к подходам на огневые позиции дивизионов валялись десятки немцев. Некоторые оставались еще живыми и со страхом смотрели на нас. Но самое страшное было на льду. Погода успокоилась, открылся широкий обзор и можно было разглядеть итоги прошедшего боя. Все просматривалось до горизонта. Ледяное поле озера чернело человеческими телами. Местами трупы лежали один на другом, и не видно ни снега, ни ледяной корки. Виднелись не отдельные точки, а большие черные глыбы. Все в человеческом месиве.

Не знаю, кто и как убирает оставшиеся трупы вражеских войск. Мы шли впереди, и нас это вроде не касалось. В составе тыловых частей каждая

армия имела похоронные команды. Они хоронили не только тех наших, которых не похоронили однополчане, но и занимались трупами вражеской армии.

К вечеру 8-го полк сосредоточился в районе расположения второго дивизиона и подсчитал свои потери. Они были довольно серьезными. Погибли более десяти наших бойцов и офицеров. Особенно много досталось санчасти полка. Санинструктор В. Т. Ильин бегал от дивизиона к дивизиону и вместе с их санитарями организовывал отправление раненых в госпиталь. Многие не хотели никуда отправляться и желали оставаться в полку. Каждый раз этот вопрос решал индивидуально начальник санчасти майор Белов. Явно он делал с согласия комполка. Раненых на машине отвезли в госпиталь.

И на этот раз мы по-человечески отнеслись к жертвам тех дней. Всех погибших захоронили в окрестностях Торна с воинскими почестями.

Так завершилось это двухдневное сражение, которое смысленные журналисты метко назвали «Ледяным побоищем». Об этом сражении широко писали в армейской и фронтовой газетах.

Не знаю, кто из состава полка сколько уничтожил врага. Разделить количество убитых по стрелявшим невозможно.

Невозможно определить и заслугу полка в успешном завершении Торненской операции. Кроме нашего полка в ней участвовала стрелковая часть. Штаб полка в боевом донесении написал, что в этих боях полк уничтожил более двух тысяч гитлеровцев. Но эта цифра, конечно же, была занижена. Наступило время, когда стало не модным хвастаться количеством убитых врагов.

Все однополчане, принимавшие участие в этом сражении скажут, что решающая роль в ее успехе принадлежит 325 Гвардейскому Минометному полку. Личный состав полка встал грудью против наседавшего полчища. И еще. Трудно сказать, какая была бы судьба полка, если бы командир полка А.Н. Ковалевич к утру 8-го февраля не доставил на позиции запас снарядов и горючее. Ведь даже в этих условиях дело доходило до рукопашных схваток.

Вскоре полк был награжден орденом Александра Невского, что свидетельствует об исторической связи между тем и нынешним «Ледовым побоищем».

В уничтожении Торненской группировки немцев большое мужество и высокие качества организаторов выполнения боевой задачи проявил командир 6-й батареи 3-го дивизиона Чувьрин Анатолий Семенович. Среди нескольких человек, награжденных орденами Красного Знамени, был и Анатолий Семенович. Стоит напомнить, что в послевоенные годы он показал себя и как незаурядный прозаик. Им написано несколько рассказов о подвигах воинов полка. Самое значительное из них – повесть «Сигнал к атаке – залп «Катюш».

Оправившись после этих боев, полк присоединяется к наступающим в северном направлении войскам фронта и принимает участие в освобождении городов Тухель, Хойниц, Бюлов.

Где-то в этих местах несколько недель пришлось простоять на ремонте. Сейчас не надо было для ремонта техники удаляться глубоко в тыл. Армейские ремонтные службы располагали не только необходимыми узлами и деталями для ремонта техники, но и запасом новой или отремонтированной техники. Причем имелись запасы и для частей ГМЧ.

В середине марта полк подключился к боевым действиям 70-й Армии и держал путь на Север – в направлении Гдыни и Данцига. Продвигались по прочной грунтовой дороге, магистральное шоссе оставалось по сторонам. Не знаю, двигались ли по Польскому коридору или по немецкой земле Восточной Пруссии, но все увиденное нас поразило своей красотой и картинной природой. Хорошо обустроенные фольверки и имения бауэров. Хозяева сбежали, дома пустовали. Случалось в таких домах переночевать или передохнуть от постоянного движения. Пришли мы сюда не по злой воле, а из-за возложенной на нас миссии. Мы помнили, что они натворили у нас дома, от Бреста и Одессы до Москвы и Волги. Поэтому порой давали волю своим, не всегда добрым желанием. Обшаривали комнаты, голбцы. При каждом доме отдельно располагалось подземное сооружение с запасом меда, копченостей, консервов, домашнего вина. Нас, деревенских ребят, удивляло, что немцы в домашних условиях могут все съестное консервировать путем закупорки стеклянных банок крышками. В подвалах каждого дома-усадьбы имелись консервы курятины, свинины, разные соленья. На усадьбе каждого дома кирпичный гараж-мастерская. Технические службы полка находили в них кое-что нужное из деталей и инструментов для нужд летучек.

Из-за длинных переходов иногда в дефиците оказывается бензин. Поэтому найденный запас бензина оказался желанной находкой. Конечно, были случаи и прямых хулиганских поступков, вызванных злобой на врага, а может и чувством невозможности воспользоваться брошенным добром. Такая злоба выливалась, например, в такие поступки, как автоматная очередь по зеркалу трюмо, распарывание ножом обивки мягкой мебели и других дурацких действий.

Все это было, никуда не денешься от таких позорных фактов. Но и нашего солдата надо понять. Ведь половина из них проживала на территории, подпавшей под оккупацию. Они знали всю мерзость, что досталось их семьям, родным и самим для будущей жизни. Поэтому нельзя его сильно ругать за то, что, вступив в немецкий фольверк или усадьбу немецкого барона, он штыком искал запрятанное в яму имущество, и, найдя его, откапывал и клал в вещмешок приглянувшийся костюм или отрез ткани.

Все рамы боевых установок обвисали вещмешками с барахлом; в кузовах грузовых машин, летучках валялось подобранное добро.

Наш брат, молодняк, мало интересовался этим барахольством. Войдя в дом, мы больше интересовались различными безделушками, часами, по назначению использовали духи и одеколоны.

Меня до сих пор удивляет, до чего русский человек уважает и любит свою Родину. Он никогда не мог согласиться обменять свой дом, свою квартиру где-то в России на эту богатую по нашим меркам жизнь в Германии.

Был у нас водитель БМ Никишин М.И., москвич. Помню, как он упрекал одного солдата, родиной откуда-то из приволжских областей. Так этот солдат, попав в промтоварный магазин, откуда сбежали хозяева, напихал в вещмешок целый тюк маркизетного полотна. Никишин ему: «Нашел что пихать в вещмешок? Что такого дерьма нет у нас в Союзе!»

Наш человек до того начинает скучать по родному очагу, по своей Родине, что это ослепляет его. Ему казалось, что стоит закончиться войне, как всего будет вдоволь. Он начинает забывать, что родная земля наполовину разрушена, люди от голода пухнут. Жены, дети, матери впрягаются в плуг и пашут землю вместо лошадей.

Вернемся к делам на фронте. Двигаясь на Север, во второй половине марта соприкосновения с противником не было. Я уже писал о своих впечатлениях от встречавшихся на пути немецких фольверков и поместьев помещиков. Стоит позавидовать, как немцы любовно обустроивают свою землю, облагораживают и лелеют.

Как-то неожиданно от земледельческой части отвоеванной земли мы вошли в лесной массив. Но и лесистая местность по своей красоте не уступала земледельческой зоне. Мы вдоволь налюбовались и этими местами.

Леса сосновые, саженные, и, проезжая по ним, вдруг видишь аллеи, узкие и прямые, как линейки. Царят синеющий сумрак и полное спокойствие. Сквозь просветы аллей видна ухоженность всего леса, словно за каждым деревом ежедневно следят люди. Мы знали, что на Западе в таких лесах водятся олени и косули, фазаны и кабаны. Но нам они не встречались даже в единичных экземплярах. Магистральные дороги, видимо, были не близко, никакого гула и шума машин слышно не было.

Но настоящая красотища была впереди. Вдруг наша дорога стала просматриваться в бесконечной дали. Причину узнали очень скоро. Лес кончился, и дорога круто пошла вниз. Мы поняли: перед нами Балтийское море. Люди, не видевшие в жизни моря, не сразу определяют, какого оно цвета. Скорее, синего. Гребни волн лениво доходили до песчаного берега и превращались в пену. Вдали, километров за 10, виднелись какие-то два судна.

Любопытству увиденным не было конца. За последними соснами крутой обрыв. Дорога спускается с поворотами. От этого обрыва до песчаной отмели примерно полкилометра. И на этой земле, омываемой морем, раскинулся удивительно белый и чистый город. Дома, в основном, двухэтажные, хотя были и большей этажности. Город разделял на две равные части прямое бетонное шоссе «Гдыня-Данциг».

Город поразил нас не только красотой. Такие места при любых обстоятельствах казались нерукотворными. Но нас поразил тот покой, который царил в городе. Он казался абсолютно пустым – ни людей, ни техники. О положении в городе не знало и наше начальство. Решили вниз в город не спускаться, а сделать остановку здесь, на краю леса.

Вернулся из штаба полка комвзвода и сказал, что это город Цопот. Мы находились посередине между Гдыней и Данцигом. Расстояние между этими, известными со школьной скамьи городами, 12-15 км. Дали команду располагаться с расчетом до выяснения обстановки и дальнейшие планы строить после встречи с общевойсковыми командирами.

Но нам не терпелось сидеть в лесу, пусть и в красивом, видя под собой такой заманчивый город. Пристально всматривались во все стороны города. Мы заметили на одном переулке походную кухню, из трубы шел дым. Значит, в городе наши.

В подобных случаях любил я быть заводилой. Очень скоро группой ребят из шести человек спустились в город с горячим желанием пройтись по городу и разузнать обо всем на месте.

На улице тепло. В последних числах марта в этих местах самая настоящая весна – мы в одних гимнастерках. В руках автоматы. У каждого из нас за поясом пистолеты «Парабеллум». Настроение у всех бодрое. В последнее время мы привыкли первыми входить в незнакомый город и шастать по его улицам. Прелюбопытное занятие.

Спустились по главному ориентиру в самую середину города и вышли на проходящую через город магистраль. Свернули вправо, в сторону Данцига. Идем по городу – тишина. Зайдем в один дом, другой – никаких жителей, все брошено. Все гардеробы полны носимыми вещами, все брошено на произвол. Брать, конечно, ничего не стали. Как всегда в таких случаях подушились духами и одеколонами.

Идем дальше по главной улице. Прошли дорожный знак: до Данцига 6 километров. Немного не дойдя до конца города, решили перейти улицу и вернуться в центр города по другой стороне улицы.

Я иду первым, за мной два товарища из взвода, за ними идет Маликов, старший мастер летучки. Ему под 50 лет, грузный, и за нами волочиться ему тяжело. За Маликовым еще два паренька.

Только свернули, не успели половину улицы (магистрала Гдыня-Данциг) перейти, как по нас ударили автоматные очереди. Я и со мной еще два парня проскочили, и ни одна пуля нас не задела. Мы живо юркнули в окно подвала кирпичного дома. А троих нет. Я вышел из подвала и поглядел из-за угла, что делается на асфальте. Вижу: трое наших лежат на середине улицы. Я только успел крикнуть: Маликов, жив?! Ответ расслышать не успел. Автоматная очередь сбила кусочки кирпича из угла дома. Был вынужден вернуться в подвал.

В подвале нашлось окошко с видом на магистраль в направлении на Данциг. Она обсажена декоративными деревьями, и вид был чисто европейский. После осторожного и внимательного обзора улицы поняли, что мы шли прямо на сторожевое охранение немцев. Не дошли до них метров 25-30. Нас, бодро шагающих, видимо, хотели взять живьем. Из-за брустверов время от времени показывались немецкие каски. Поверх брустверов лежало несколько фауст-патронов.

Когда стали дальше смотреть, видим – за деревьями стоит немецкий танк Т-6. Эти танки мы уже не смогли спутать никакими другими типами танков. Они самые мощные, что имели немцы в ту войну. На страх довлеет их зловещий лик. В их образе что-то перенято от древних тевтонских рыцарей. Как те своим видом должны устрашать неприятеля тяжелым вооружением (меч, щит, лапты), так и Т-6 должен своим видом приводить неприятеля в страх.

Так что положение наше оказалось пиковым. Мы стали шарить по всему подвальному помещению в поисках каких-то подручных средств, чтобы с наступлением темноты забрать ребят. Удовлетворились тем, что в углу нашлась мешковина.

Только стали рассуждать о своих действиях по вызволению с асфальта своих ребят, слышим гул с обратной стороны. Побежали на ту сторону подвала и видим: идет наш танк Т-34. Дать им какой-то сигнал об опасности, естественно, не могли. Только он успел с нашим домом сравняться, как ударил по нему стоящий в засаде немецкий танк. О силе удара можно судить по тому, что башня танка пролетела через крышу дома и упала на огороде, на морской стороне.

Тут к нам в подвал подползли два черноголовых танкиста. На чем свет стоит они по-русски стали ругать свое начальство.

– Никто толком не знает обстановку, а нас посылают разведать дорогу на Данциг. Нет, чтобы раньше пешей разведкой разузнать. Вот мы с Мишуткой выскочили, а Илья там остался. Ему голову снесло вместе с башней.

Мы угостили их сигаретами, и они задними ходами пошли к своим.

Дождавшись вечера, мы стали искать своих ребят. Видим, что наш танк не дошел до места их падения метров 10-15. Но на асфальте ничего не было, никаких следов. По оставленному следу было видно – они лежали именно на этом месте. Как сложилась их судьба после того, как последний раз их видели на асфальте, никто из нас не знал. Позднее, после 9 мая, я получил письмо от Маликова из Новосибирска. Писал, что сумел все же отползти в обратную сторону, там подвернулись какие-то санитары, потом попал в госпиталь. Но на всю жизнь остался с одной ногой. О судьбе двух других ребят ничего не знаю.

Под ночь вернулись в расположение полка. Рассказали печальный исход нашего любопытства: я думал, что меня поведут для объяснения к командиру полка или замполиту, но ничего этого не было. Страшно подумать, а факт: потеря человека на фронте равноценна зажженной и сгоревшей спичке.

После этого я был так расстроен, что ничем не интересовался. Вся красота цопотских пляжей, распустившихся садов, сине-белых домов и вилл не стала привлекать.

Полк свернул влево и завершил боевые действия на этом участке фронта. Москва салютовала и за Гдыню, и за Данциг. В приказах Сталина упоминалось имя нашего командира полка А.Н. Ковалевича. Но в самих городах не были, если не считать того, что группа отчаянных ребят ездила в Гдыню пошарить по складам порта. Говорили, что некоторые набрали немало хорошего хрома. Какое-то время пробыв на окраине Гдыни, полк получил новый приказ совершить марш своим ходом и занять боевые позиции на правом берегу р. Одер южнее г. Штеттин.

Это был очень интересный и во многом познавательный марш. Прошли своим ходом более двухсот километров по цветущей и ухоженной земле, испытывая при этом блаженное состояние от вида на природу, полную чудесных чар. Распирало дыхание от вида зеленого моря садов, цветущих природных яблонь. Сам воздух был густо насыщен запахом цветов.

Померания и Восточная Пруссия были центром немецкого юнкерства. Здесь простирались основные владения немецкого помещичьего класса. На нашем пути встречались юнкерские дворцы, окруженные угодиями с заповедными лесами и охотничьими домиками.

Богато обустроены и усадьбы бауэров – крестьян, если так можно назвать земледельцев, проживающих на фольверках. Островерхие кирпичные дома под черепицей, минимум 3-4 комнаты. Вокруг дома капитальные здания для скота, под гаражи и мастерские, обязательные подземельные сооружения для овощей, фруктов, вина, солений, копченостей. Для всех соответствующие условия хранения, свой температурный режим. У многих хозяйств силосные башни, а траншеи обязательно на каждой усадьбе.

Удивляли нас дороги. Будь одна усадьба или фольверк – обязательно сделанные на вечные времена подъезды, покрытые булыжником. Вдоль любых дорог яблони или посадки дуба. Подъезды выходят на районные дороги, те на внутриземельные, и, наконец, на прямые, как стрела, двухсторонние бетонные автострады.

Они, как щупальцы паука, обхватывают всю Германию и сходятся в Берлине. На этих автодорогах исключается столкновение машин или наезд на кого-либо. Они не задевают ни один населенный пункт. Глядя на немецкие дороги, мне часто приходил на ум расхожий анекдот, ходивший на фронте в первые годы войны. Ганс пишет письмо своей любимой подруге Гертруде, в котором есть и такая приписка:

– Представляешь ли, милая Гертруда, трудности нашего продвижения на Восток? Ведь у русских нет дорог, а только направления.

Еще со школьных лет мы были слышаны о роли прусских дворян в организации и осуществлении захватнических войн германскими империалистами. С кайзеровских времен офицерская каста была отдана юнкерам на откуп. В староредовских нравах воспитывались дворянские сынки. Как правило, они рекрутировались в офицерский корпус. Многие из них дослуживались до генералов. Во все периоды существования рейхсвера, вермахта командный состав на 2/3 состоял из дворянских семей.

Померания, в основном, и кормила армию. Здесь выращивалась отличная пшеница, откармливались тысячи свиней.

И сейчас, проезжая по местам их произрастания, нас охватывало смутное предчувствие – война еще не завершена. Такое предчувствие вызывала обезлюженность этих чудесных мест. Пустовали дворянские поместья, не встречали людей на усадьбах бауэров, редко можно встретить человека и на фольверках. Может, кто-то и прятался при нашем появлении, но приходится оставаться с убеждением – все они хлынули на Запад. Только в городах, что были у нас на пути, жизнь полностью не замерла. Это видно было хотя бы по тому, что с подоконников, с балконов обвисали белые полотнища о признании себя побежденными.

Померанию отвоевали у неприятеля войска Г.К. Жукова. Теперь же с завершением боев под Гдыней и Данцигом они своими главными силами сосредоточились на Берлинском направлении, и линия фронта по правому берегу Одера примерно на 200 км передавалась нашему 2-му Белорусскому фронту.

К 15 апреля на довольно узком участке фронта, южнее портового города Штеттина, сосредоточилась огромная масса войск, готовящаяся к прыжку за Одер и осуществлению решительных действий по завершению самой кровавой войны в истории нашего государства. Наш полк сосредоточился

на западной окраине Грайфенхагена, и в составе 96-го стрелкового корпуса 70-й Армии вел подготовку к форсированию Одера. Одер здесь очень широкий, имеет два рукава: Вестодер и Остодер. Между ними безлюдный остров. Оба берега реки соединены мостом, ширина которого соответствует ширине автострады.

Обосновавшись со своими НП на городской кирхе, мы наблюдали за всем, что в нашем обзоре. По острову мост проходил по дамбе. Местами мост был разрушен, и его пролеты зависли над водной гладью. Сильно разрушена и дамба. Без участия понтонов переброска войск и техники будет невозможна. Поэтому одним наскоком такую водную преграду форсировать будет невозможно.

В небе наше полное господство. Очень заметна активность нашей воздушной разведки. Все огневые точки неприятеля и их возможные узлы сопротивления нанесены на карты командиров. Наземная разведка обследовала всю систему обороны на острове.

Первый этап – завоевать то, что было мостовым переходом и захват плацдарма на материковом западном берегу. На это отводилось два дня. С 16 апреля полк своим огнем подавлял огневые точки врага. Стрелковые части прошли по сохранившимся участкам моста и захватили островную дамбу. После захвата дамбы штурмовики утюжили прибрежную полосу противника. Уже 18 апреля наши войска захватили участок на желанном берегу и огнем со всех сторон оберегали его от потери. Еще сутки ушли на подготовку переправы и закрепление на дамбе.

И вот наступил день, который должен был решить судьбу немецкого рейха на территории севернее Берлина. Утром 20-го апреля началась уже привычная для нас в таких случаях канонада. В течение двух часов артиллерия, минометы, штурмовики долбили полосу обороны противника. На его стороне никакой видимости, все во мгле.

На переправу потянулись наши части. Пехота посажена на машины. Все очень организовано, без всякой панической суеты. В полдень переправился и наш полк. К нашему выходу на твердый берег мгла уже рассеялась и открылось лучезарное небо.

Сойдя с автострады, свернули немного вправо, в направлении на Штеттин. Половина нашего взвода оказалась в хвосте полка и вместе со слесарной летучкой I дивизиона занималась подтягиванием отставших машин вспомогательных служб. На какое-то время мы остановились на чистом поле. Около нас припарковались также две машины армейской радиосвязи. С машин прыгнули такие милые девушки, что рады были бы вместе простоять хотя бы сутки. Однако здесь случилось непредвиденное. К нам подлетели штурмовики ИЛ-2. Около нас сделали разворот, и мы

решили, что они нас узнали и пошли другим курсом. Какое же было удивление, когда они по нам открыли из всех пушек огонь, на другом круге сбросили весь запас бомб.

Погибли три человека и двое были ранены. Человек 7-8, в их числе и я, оказались не задетыми, хотя единственное, что успели – это залечь около колес летучки и бортовой машины. Пострадали и наши соседки-радистки из машин радиосвязи. Одна сразу была убита, а у другой большой осколок врезался в ногу, выше колен. Стонал и водитель одной из этих машин. Оставшийся живым из их команды мужчина растерялся и бегал у убитой и раненой радисток, не знал, за что хвататься. Пришлось нам помочь достать с их машин перевязочные средства и перевязать кровоточащую рану.

Как же так, ведь штурмовики точно были наши, хотя и не заметили красных звезд. Свои ИЛ-ы не смогли ничем другими перепутать. Никакого толкового объяснения этому факту мы не нашли.

На улице жара за 30 градусов. Мертвые оставались мертвыми. Нам оставалось вместе с оставшимися живыми из машин радиосвязи заняться похоронами. Местом захоронения выбрали самое высокое место на этой красивой и безлюдной местности. Только успели выбрать место для рытья могилы, как к нам подъехал на своем «Виллисе» командир полка. Он выслушал наши объяснения, поручил своему ординарцу забрать красноармейские книжки погибших для передачи в штаб полка для оформления гибели документами.

Затем он дал такую установку:

– Ребята, я вам вот что скажу. Эта сторона Одера, где сейчас стоим, остается за Германией. Надо их похоронить на той стороне, которая переходит дружественной нам Польше. У вас бортовая машина исправная, поэтому погрузите усопших в кузов, сами садитесь и переезжайте на ту сторону и похороните честь по чести. Что делать с погибшей девушкой – пусть сами решают. Раненых возьмите с собой. Там по пути подыщите госпиталь и поместите для выздоровления.

Отдав такие распоряжения, он сел в машину и поехал в сторону Штеттина. Мы же сделали точно так, как велел комполка. Завернув в плащпалатки, похоронили своих ребят на южной окраине Грайфенхагена. Местом выбрали сквер, где уже покоились несколько десятков наших солдат.

Но этот удар наших штурмовиков продолжает будоражить нас своей неразгаданностью. Из всех версий мы остановились на том, что это были наши самолеты, переданные польской армии. Польские авиачасти только формировались и в этот раз была допущена ошибка из-за слабой подготовки летчиков.

Сейчас, достаточно много узнав о неведомых тогда деталях, допускаю и такой вариант. К концу войны гитлеровское командование стало больше доверять изменнику генералу Власову и дало возможность иметь авиачасти и бронетанковые подразделения в составе РОА. За эти годы были случаи захвата неприятелем и нашей военной техники. Их можно было восстановить и из числа сбитых и вынужденно посаженных. Есть большая вероятность того, что тогда нас атаковали именно наши самолеты, но с власовскими летчиками. А так, кто его знает?!

После похорон решили остаться переночевать. В то время на каждой машине были не только продукты, но и канистры со спиртом. Местом ночевки определили улицу с пустующими одноэтажными домиками-коттеджами. Облазили несколько домов. Здесь хозяева убежали более нагруженными, и в домах оставались только тяжелые, трудно перевозимые вещи вроде мебели. Причем, в одном доме увидели распластавшегося на полу лейтенанта. Он, грузный, лежал на полу. Следов ранения не было. Видимо, убили ударом в голову.

В доме, где решили ночевать, было достаточно постельной принадлежности, и, хорошо заправившись, скоро уснули. У машины не оставили даже охрану. Наступила эра русской беспечности.

Хорошо выспавшись, поспешили на другой берег Одера присоединиться к полку. Ехать в сторону Штеттина не пришлось. Полк разворачивался строго на Запад. В тот же день прошли через Шведт. Большого сопротивления противник уже не оказывал, хотя знали, что на севере Германии немцы имеют еще крупную группировку войск.

Наше движение не было прямолинейным, в одном направлении. Захватив Варен, Нойбранденбург, Свинмюнде, мы близко подошли к Росток. Но опять подались к югу, и дальше пошли в направлении на Шверин.

По ходу движения полка кто как мог плелись немцы-беженцы. Каждая семья выбрала свой способ ухода от советских войск и использовала свои транспортные средства. Автомашин почти не было. Больше всего семьи с вещами устроились на конных телегах с резиновым ходом. Были и просто пешие с рюкзаками за спиной. Бесчисленное множество велосипедистов с багажниками. Когда мы их обгоняли, вид у всех, особенно женщин и детей, был жалостный. Они ничего не говорили, но давали понять: простите, не трогайте нас, мы не виноваты. Разве что и говорили вслух, то только «Гитлер капут!»

Где-то за Нойбранденбургом остановили поезд с эвакуировавшимися с тех мест, что было уже под нашим сапогом. Каждый товарный вагон был набит людьми. Всем предложили выйти из вагонов и построиться вдоль вагонов. Убедившись, что это чисто гражданские граждане, предложили

вернуться в родные места. Конечно, среди нас нашлись такие, которые отнимали часы, кольца, обшаривали карманы. Но таких среди нас было немного. Большинство стеснялось заниматься таким промыслом.

Города и населенные пункты, что мы проходили на своем пути, оставались целыми, почти совершенно не пострадавшими. Эти места по красоте и ухоженности были не хуже доодерских. Разве что их красота была более колоритной из-за наличия множества озер. Они здорово украшали ландшафт своей чистотой и отражавшимися в воде прекрасными постройками в виде дворцов, вилл, коттеджей, разнообразных летних сооружений.

И здесь часть людей, напуганных пропагандой о наших зверствах, успела выехать на Запад, на встречу с американцами. Но большее количество оставались на месте. На каждом доме обвисали белые полотнища, свидетельствующие о покорности.

3-4 мая, обойдя Шверин с юго-востока, полк обосновался примерно в 15-20 километрах от города. Объявили нам, что недалеко отсюда Эльба, а за ней стоят американские войска.

Группа офицеров и солдат ездила на встречу с американцами. Рассказывали, что встреча была очень любезной и дружественной. Привезли кое-что из сувениров. Побывавшие там шофера удивлялись тому, какие искусные в американской армии водители-негры. Они демонстрировали свое мастерство ездой задним ходом.

Местом стоянки полка был выбран лес из редких лиственных деревьев. Деревья совсем не мешают радоваться солнечными лучами, которые вызывают в душе праздничное настроение.

Ах, весна! Каждая весна есть начало чего-то нового. Каждая весна – праздник. В этот третий фронтовой май я снова мыслями возвращаюсь к маю 1943 г. под Козельском, к маю 1944 г. под Мстиславлем. А этот май был особенно праздничным. Это чудесное время года вызывает особенно радужные эмоции. Они особенно божественны на фоне природы, природа наполнена зеленью, запахом трав, лучами ласкающего солнца, дуновением прохладного ветра. Но все это было и в те майские месяцы. В этот май мы на чужой земле, вдали от дома. Эта земля породила тех, кто пытался нас задушить. Что задушить?! Просто выжить со света. И вот наша взяла. От этого мая мы ждали победы.

Но что-то с нами случилось. Мы стали не теми, какими были, воюя на своей земле. Куда-то улетучилась жажда мести. Любуясь природой, мы стали к врагу добрее. Это, по-видимому, потому, что россиянин, вырастая в окружении живой природы, набирается лекарства от ответного зла. И было так вовеки веков: содеянное русскому человеку зло забывается сразу после свержения врага.

Окружающая здесь природа мало чем отличалась от российской. Хотя почему-то не было слышно соловьиных трелей. Может быть, здесь их нет, или замолкли от чужого говора. Все видимое было настолько мило, что забывали, где же находишься. Не от этого ли теряется грань между собой и бывшим врагом? А может это и наш порок. Ведь сколько раз враги застигали нас врасплох.

В этом уголке Германии стояли уже 5-6 дней, но известия о конце войны все не было. Это известие к нам пришло только 8 мая. Ожидали построения, митинг, каких-то торжеств, но ничего этого не было. Начались застолья по компаниям, по сложившимся дружба́м. Был не только спирт, но и трофейный ликер. Кто плакал, кто целовался. Огласился лес песнями. Песни самые разные, но больше всего те, что появились в эти тяжкие годы. Пели и русские народные песни, вспомнили и украинские, и грузинские мотивы. Были и танцы. Белорусские ребята лихо исполняли свою лявони́ху.

9 мая в составе небольшой группы на машине совершили поездку на Эльбу. Река теперь разделяла нас со своими союзниками-американцами. День стоял солнечный, теплый. На придорожные поселки и крестьянские усадьбы смотрели без прежнего любопытства. Привыкли к немецкой аккуратности и ухоженности. Ближе к реке стали встречаться озера и человеком устроенные водоемы. По их берегам на другой стороне коттеджи, дома с множеством окон. Под домами сады, у воды павильоны.

Немного не доехав до реки, машина уперлась в шлагбаум. Дежуривший на дороге сержант предложил заехать в комендатуру.

Комендатура размещалась в красивом большом доме, принадлежавшем, по-видимому, богатому чиновнику. Дом с примыкающей усадьбой остался нетронутым, неразграбленным, было все, что обычно бывает в подобных усадьбах.

Комендант, старший лейтенант с погонами общевойсковых частей, встретил нас довольно дружелюбно и сказал, что он с комендантским взводом патрулирует побережье от моста, что примерно с полкилометра ниже нас, вверх по реке километров на десять. Мы знали, что правом пропуска через мост на другой берег он не располагает, и об этом мы не заикались.

Глядя на реку, можно легко догадаться, что весенние воды полностью еще не ушли, и река в межевой берег еще не вошла.

Мы прогуливались вдоль реки по песчаной дороге, прикрывая лицо пилоткой от солнечных лучей. Дружно всходила зелень, над которой кружились стаями стрекозы. От всего этого к полудню становилось душно и сладко во рту. На том берегу, судя по всему, была песчаная отмель и при летней воде был там пляж для жителей близлежащих городков и фольверков. Может у немцев там излюбленное место для отдыха. Сейчас же только солнце

светит над пляжем, светит над лесами и озерами, над городами и деревнями, над каждым домом. Солнце чудесного счастья. По обоим берегам тихо и спокойно. Видно, немцам сегодня не до отдыха, а пришедшие к ним войска закрылись в больших и малых дворцах, домах простых немцев и празднуют свою победу.

Мы прощались с Эльбой уже под вечер. За нами оставалась серебристая лента Эльбы, сверкающая в лучах заходящего солнца. Таким запомнилась мне Эльба. Река, которая на несколько десятилетий разделила Германию на две части, стала границей между социалистическим и капиталистическим миром. Здесь, на этой реке, скрестились два враждебных друг другу лагеря, велась длительная холодная война.

Мы, конечно, ничего этого не предполагали. Мы радовались концу войны. Это уже позже над Эльбой опустился «Железный занавес».

Очень скоро праздники кончились. Началось размещение войск по намеченным местам дислокации и их переформирований. Нашему полку предстояло оказать помощь польским властям в обустройстве Силезии. Полк совершил марш более чем на 500 км на юго-восток с короткими остановками в Штенберге, Вольдевене, Познани, Бреслау, Вальденбурге. Очень чистый городок Вайсштайн стал местом большой стоянки полка. Отсюда выехала домой первая группа демобилизованных.

Жили тихо и мирно, разместившись по многоквартирным домам. По нынешним нашим понятиям это были дома для малосемейных. Очевидно, на находящихся здесь шахтах были и временные рабочие, нанявшиеся на добычу угля на какой-то срок. Наряду с ними были хорошо обустроенные красивые домики и настоящие дома с верандами, лоджиями и богато устроенные дворовые территории.

Несколько раз полк поднимался по тревоге, и при стрельбе из автоматов делали разбежки в сторону видневшегося леса на западной окраине города. Мы никак не ожидали, что немцы будут вести себя спокойно и не начнут партизанскую войну. Видимо, и какая-нибудь группа немцев нашей патрульной службе покажется партизанами и те поднимут тревогу по всему городу.

Марш от Шверина в Силезию, события в самой Силезии запомнились еще и тем, что мы оказались свидетелями того, как польские власти выдворяли немцев на Запад. При стремительном наступлении наших войск немцы оставались на занятой нами территории. Теперь же по соглашению союзников эти земли переходили во владение Польши и новая граница должна проходить по Одере и Нейсе. Предстояло выселить с этих территорий свыше шести миллионов немцев. Поляки решили больше не ждать и выгонять их с насиженных мест силой. На наших глазах и, чувствуя нашу поддержку, поляки давали немецким семьям срок два часа на сборы и по

истечении этого срока вламывались в дома и выгоняли силой. Спорить было бесполезно. Грузились кто на телегу, кто на тележку с колесами велосипеда, или просто с котомкой за спиной и трогались в дорогу. Не обходилось без громкого плача, в том числе детей. Многие наши ребята, особенно из южных областей, говорили, что вот так же с их сел в начале 1930-х гг. ссылали семьи кулаков. Думаю, что сравнение было убедительным.

Наконец, Вайсштейн связан с расформированием полка. Это было трогательное, эмоционально насыщенное событие. Подивизионно квадратом полк выстроился на площади перед зданием, занимаемым штабом полка. Началось прощание со знаменем. Командир полка со знаменосцами и в сопровождении замполита стояли посреди этого квадрата. А.Н. Ковалевич напомнил о славном пути, пройденном полком. Напомнил об орденах, приколотых к знамени, о получении девяти благодарностей Верховного Главнокомандующего, о получении почетного наименования «Могилевский», напомнил о понесенных полком потерях. В строю не было человека, у кого были сухие глаза. Затем комполка прошел со знаменем вдоль строя, мы становились на колени и целовали угол знамени. Дыхание останавливалось от волнения.

На базе полка создавались два отдельных дивизиона – 42-й и 44-й. Вместо стрелковых дивизий образовывались мехдивизии, с придачей каждому из них дивизиона РС. Я попал в 42-й ОГД и в составе дивизиона переехал в г.Заган (по-польски стал Жеган). Здесь в пяти километрах от города были казармы какого-то крупного военно-учебного заведения. Здесь предстояло нести службу в составе Северной группы войск. Началась новая солдатская служба в не менее тяжелых, но мирных условиях жизни.

В дивизионе мне служить долго не пришлось. Спустя примерно полгода был переведен в штаб дивизии старшиной-писарем продотдела. Переехал в город. Жить устроился в одном пустовавшем доме. Это была уже новая жизнь, о которой стоило бы тоже рассказать.

А закончить эти записи хочу одним приятным и одновременно грустным событием. На большой поляне, около военного городка дал большой концерт Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии. Концерт прошел блестяще. Дирижировал сам А.В.Александров. К сожалению, это был для А.В.Александрова последний концерт. На другой день по дороге из нашей дивизии он скончался. Это была тяжелейшая утрата. И сегодня, когда этот ансамбль выступает, мне становится торжественно и грустно. Ведь я видел своими глазами блестящие глаза генерала-музыканта и его виртуозные руки перед их остановкой навеки.

* * *

...Наша жизнь не пойдет ни по немецкому, ни по японскому пути. Мы двигаемся во все времена зигзагами. Значит, для создания так называемого цивилизованного общества потребуется времени в 2-3 раза больше.

Как говорится: поживем – увидим. Хотя и мытарств, и больших тягостей не избежать.

Я вынужден был сопроводить свои воспоминания вышеизложенным историческим отступлением лишь потому, что все мы – дети того общества, которое нас взрастило и которое мы пережили. Мы выбрали больше худшего, чем хорошего. Добрые начала, как любовь к ближнему, милосердие, сочувствие страждущим улетучились в миг, а вот желание переложить бремя со своего плеча на другое, считать природу не имеющим цены, бесполезно расходовать ресурсы, решать сложные проблемы кампаниями и наскоком – эти болезни общества могут быть изжиты только через десятилетия.

Мы – люди своего времени. Но при всех случаях человек остается личностью, если в нем воедино соединены лучшие человеческие качества: простота, доброта и правда. Л.Н. Толстой был сто раз прав, когда говорил, что без этих качеств настоящая личность состояться не может. Оторви от этой троицы хотя бы одну составляющую – человек как личность потерян. На своем длинном пути жизни и работы я эту толстовскую мудрость познал и увидел на примерах десятков, сотен людей.

Незачем себя убаюкивать иллюзиями: мы самая богатая страна в мире, и можем жить не хуже японцев, у которых земные недра пустые, а вместо чернозема одни камни да суглинок. Чтобы жить по-новому, богато, надо сперва захотеть. Захотеть не на словах, а захотеть трудом, в поте лица и засучив рукава. Мы же пока не дошли до понимания такой простой истины.

Н. С. Калинин*

УДОРСКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война вошла в историю нашей Родины как пример массового патриотизма советских людей на фронте и в тылу. Одной из форм проявления любви к своей Родине является движение добровольцев в годы войны.

Занимаясь краеведением, мне удалось по архивным документам установить данные о проявлении патриотизма добровольцами моей малой Родины – Удорского района. Читая заявления добровольцев, я переживал гордость за своих земляков от того, какими словами они клеймили зарвавшегося врага и как страстно убеждали работников райвоенкомата в том, что они должны быть там, где решается судьба страны.

Заявления писали жители всех десяти сельсоветов района: мужчины и женщины, молодые и в возрасте, военнообязанные и допризывники, коммунисты и комсомольцы, колхозники и лесорубы, учителя и учащиеся, врачи и медсестры, работники торговли и общественного питания, транспорта и связи, органов милиции и прокуратуры, советские, партийные и комсомольские работники.

В райвоенкомат поступили заявления от шести руководителей районного масштаба: зам. председателя, зав. райторготделом райсовета – П.А.Кырынышева, зав. райфинотделом – П.В.Устинова, зав. райкомхозом – А.В.Попова, секретаря райкома ВЛКСМ – А.И.Политовой, ответственного редактора райгазеты – А.А.Пантелеевой, инструктора РОНО – И.К.Павловой. С просьбой отправить на фронт добровольцами обратились три председателя: Чупровского сельсовета – А.Г.Петрова, Бутканского колхоза «Май» – Т.И.Пувков, Важгортского колхоза «Партизан» – К.А.Черноусов.

За первые три года войны (1941–1943 гг.) в райвоенкомат поступило 117 заявлений от 102 чел. (65 муж. и 37 жен.), из них по годам соответственно: в 1941 г. – 47 (42 и 5), в 1942 г. – 45 (19 и 26), в 1943 г. – 10 (4 и 6). Трижды обращались с просьбой отправить на фронт четыре добровольца: Т.И. Пувков – председатель Бутканского колхоза «Май», А.В. Попов – зав. райкомхоза, А.В. Зиновьева – налоговый агент из с.Ертом, Т.А. Чернышева – врач Важгортской больницы. Дважды подавали заявление в райвоенкомат семь добровольцев, в их числе четверо мужчин: В.А. Бутырев –

*Калинин Николай Степанович (Сыктывкар) – краевед, исследователь истории Удоры.

инвалид Отечественной войны из Важгорта, Е.А.Ершов и Ю.Н.Ершов – юноши допризывного возраста из с.Ертом, А.С. Митин – киномеханик Райкино; три женщины: Е.П. Ильина – колхозница из Чупровского колхоза имени XV октября, М.Н. Павлова и А.В. Попова – служащие.

Из 65 мужчин-добровольцев призваны в ряды РККА 49 чел., из них 25 фронтовиков сложили головы на войне: погибли в бою – 14, пропали без вести – девять, умерли от ран – два человека. Остальные вернулись домой. Из 37 женщин-добровольцев призваны на войну только двое: Л.М. Ершова из с.Ертом и Е.П. Ильина из с.Чупрово, обе вернулись домой. Кроме того, в порядке общей мобилизации, в 1942 г. из Удоры было призвано в армию 25 женщин. Все они, кроме погибшей Трофимовой Натальи Васильевны, 19 марта 1945 г. вернулись домой.

Приведем наиболее характерные (яркие и подробные) тексты заявлений добровольцев в порядке их поступления в райвоенкомат. Первое заявление зарегистрировано 23 июня 1941 г. от Кононихина Михаила Семеновича, старшего военврача 3-го ранга Удорского РАЙЗО. В докладной райвоенкому М.С. Кононихин пишет: «В ответ зарвавшейся шайки фашистской банды на Советский Союз считаю своим долгом выступить на защиту нашей Матери – Родины. Поэтому прошу Вашего ходатайства перед командованием округа о зачислении и отправке меня в ряды действующей Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Кононихин». Призван 11 июля 1941 г. Дальнейшая судьба М.С. Кононихина неизвестна – в Книге памяти Республики Коми он не отмечен.

Пувкоев Тимофей Иванович, 1907 г. рождения, кандидат в члены ВКП(б), председатель Бутканского колхоза «Май», 26 июня 1941 г., пишет в райвоенкомат заявление такого содержания: «Имею горячее желание вступить в ряды РККА на защиту Советской Родины. Имею все возможности быть защитником советской границы». После третьего обращения в августе 1941 г. призван в январе 1942 г., служил рядовым. Демобилизован в августе 1942 г. по ранению, умер в августе 1965 г. в с.Кослан.

Ильина Евдокия Петровна, 1922 г. рождения, из с.Чупрово, в заявлении от 29 июня 1941 г. пишет: «Изъявляю желание поступить в военную школу, получить через нее знания и навыки по военному делу и идти защищать любимую Родину вместе с братьями и сестрами. Отбивать грязных врагов, подобных фашистам Германии. Этим самым оправдать звание комсомолки с 1938 г. и преданность перед Родиной». Призвана в 1942 г., рядовая. Демобилизована в ноябре 1945 г. Место жительства г. Якутск, Республика Саха.

Потапов Василий Афанасьевич, 1907 г. рождения, житель д.Разгорт, военнообязанный, в заявлении от 30 июня 1941 г. пишет: «Сердце бьется, пришел конец терпению. Нужно бить и до конца разбить зарвавшуюся

фашистскую свору. Для меня нет такой чести, как быть сегодня на фронте с оружием в руках и, если понадобится, отдать свою жизнь за правое дело великого советского народа, за дело партии, за Сталина. Ждать времени не. Поэтому прошу зачислить меня в ряды РККА досрочно». Призван 23 августа 1941 г., служил рядовым в 33-м саперном батальоне. Погиб в бою 8 декабря 1941 г., захоронен в д.Ярославка Тульской области.

Афанасьева Любовь Николаевна, зубной врач Косланской больницы, в заявлении от 14 июля 1941 г. отмечает: «Прошу зачислить меня в ряды действующей Красной Армии. Я хочу встать на защиту любимой Родины от оголтелых банд – германский фашистов. Горю одним желанием покончить с этой бандой стервятников. И думаю, что Вы не откажете в моей просьбе. Я, как и весь советский народ, буду до последних сил громить этих подлых гадов». Ответ райвоенкома на заявления женщин-добровольцев в большинстве случаев одинаков и звучит так: «Прием добровольцев-женщин в Красную Армию пока не разрешен. Будет разрешение, ваша просьба будет рассмотрена».

Пантелеева Агния Алексеевна, ответственный редактор райгазеты «Виль туйёд», в заявлении от 14 июля 1941 г. пишет: «В настоящем прошу Удорский райвоенкомат зачислить и направить меня в действующую Красную Армию. Я полна ненависти к врагу и буду драться на фронтах не жалея сил и энергии до полной победы над коварным врагом».

Кырнышев Павел Александрович, 1912 г. рождения, военнообязанный, зам.председателя, зав. торговделом райсовета, в заявлении от 24 июля 1941 г. пишет: «Убедительно прошу направить меня в действующую РККА. Отдам все свои силы, а если понадобится и свою жизнь для полной победы над врагом». Ответ военкомата: «По согласованию с райкомом ВКП(б) и исполкомом райсовета заявление удовлетворено – призван в счет выполнения наряда 28 августа 1941 г.». Служил рядовым. Демобилизован в сентябре 1944 г., умер в январе 1977 г. в с.Кослан.

Коровин Иван Иванович, 1914 г.рождения, житель д.Коптюга, в заявлении от 27 июля 1941 г., отмечает: «Очень обидно мне, что все мои товарищи на фронте, а я все еще дома. Работаю кадровым рабочим Чупровского лесопункта. Служил в армии с 1937 по 1939 г. В последнее время был на Дальнем Востоке, служил в зенитной батарее. Хочу громить фашистов, уничтожить их, сунувших свое свиное рыло». Призван 20 августа 1941 г., служил рядовым. Пропал без вести в декабре 1941 г.

Парнев Дмитрий Ильич, 1902 г. рождения, житель д.Коздинги, член ВКП(б), в заявлении от 28 июля 1941 г. пишет: «Кровавый Гитлер 22 июня 1941 г. совершил разбойничье нападение на нашу священную Родину – СССР. Чтобы отнять свободу и обратить в рабство 200 млн. народов Советского

Союза. Прошу Удорский райвоенкомат направить меня на фронт, в действующую Красную армию, как добровольца, для защиты Родины от фашистских варваров». Ответ райвоенкомата: «О возможности зачислить Вас добровольцем в Красную Армию сообщим дополнительно». Д.И. Парнев не был призван в армию.

Устинов Петр Васильевич, 1913 г.рождения, военнообязанный запаса вредного нечсостава (техник-интендант), зав.райфо, в докладной райвоенкому от 1 августа 1941 г. сообщает: «По новой таблице бронирования в райфинотделе брони не подлежит ни один человек, кроме заведующего. Я от отсрочки отказываюсь и прошу зачислить меня в действующую армию. Готов в любую минуту встать на защиту Родины и буду драться до последней капли крови». Призван 5 января 1943 г., лейтенант, командир взвода, служил в 1027-м стрелковом полку, 198-й стрелковой дивизии. Погиб в бою 18 июля 1944 г. Захоронен в Псковской области, Палкинский район.

Юдин Степан Андреевич, 1922 г.рождения, житель д.Пасма Важгоргского сельсовета, допризывник, колхозник, секретарь нарсуда 2-го участка. Заявление написано 5 июля 1941 г. и направлено в Москву – зам.председателя Совнаркома СССР, наркому иностранных дел В.М. Молотову. Содержание заявления: «Мне 19 лет. Я глубоко возмущен коварством и наглостью фашистской клики, навязавшей нам войну при наличии Договора между СССР и Германией о ненападении, который выполнялся нашим правительством с исключительной добросовестностью... Я хочу идти на фронт в ряды РККА добровольно, чтобы помогать Красным воинам, отдавая все свои силы для разгрома зазнавшегося врага. До последней капли крови буду бороться за Родину, за честь, за свободу, за великого вождя и учителя тов. Сталина». Заявление передано в Архангельский военный округ, оттуда в Коми АССР и далее в Удорский райвоенкомат, где зарегистрировано 3 сентября 1941 г. Призван в сентябре 1941 г., лейтенант. Демобилизован в марте 1945 г. Место жительства – пос. Усогорск.

Захаров Порфирий Порфирьевич, 1904 г. рождения, учитель Ертомской НСШ, в заявлении от 27 октября 1941 г. пишет: «Когда в грозные дни Отечественной войны социалистическая Родина напрягает все свои силы на борьбу с кровавым фашизмом, считаю своим долгом гражданина СССР встать с оружием в руках на защиту Родины. Прошу зачислить в кадровый состав РККА и направить на фронт. Призван в октябре 1942 г., младший политрук. Демобилизован в июле 1946 г., умер в июле 1953 г. в с.Кослан.

Лобанов Василий Викторович, 1924 г.рождения, уроженец д.Мучкас, сотрудник райгазеты «Вьль туйбд», в заявлении от 22 декабря 1941 г. пишет: «Советский народ уже 6 месяцев ведет войну с германскими захватчиками, наше Отечество в большой опасности. Мое сердце наполнено большой

ненавистью к немецким оккупантам. Я комсомолец, меня ленинский комсомол воспитывал уже 3 года, 7 лет воспитывали в советской школе. Я должен теперь отплатить свой долг перед Родиной и Отечеством, а для этого прошу направить меня в ряды доблестной рабоче-крестьянской Красной Армии. Буду честно и безоговорочно выполнять приказы командования. Буду стойко и мужественно бороться с врагами нашего Отечества». Призван Удорским райвоенкоматом (дата не указана), младший сержант, командир отделения. Служил в 173-м артиллерийско-зенитном стрелковом полку 6-й армии. Пропал без вести 10 июня 1944 г.

Политов Иван Семенович, 1924 г. рождения, уроженец д.Макарыб, учащийся 10-го класса Косланской средней школы, в заявлении от 13 января 1942 г. пишет: «Имею большое желание защищать свою Родину от разбойничьего нашествия и участвовать в Великой Отечественной войне. Прошу зачислить меня в ряды РККА. Обязуюсь быть честным, преданным делу Ленина – Сталина бойцом; стойко, мужественно, умело и до последней капли крови защищать свою Родину, а если понадобится и не пожалею жизни для достижения счастья народов, для великого будущего». Призван в октябре 1942 г., служил рядовым. Демобилизован в ноябре 1945 г.

Курыдкашин Л.Е., колхозник колхоза «Смела» (д.Нижний Удор), в заявлении от 16 января 1942 г. пишет: «В настоящее время считаюсь невоеннообязанным, но имею большое желание защищать социалистическую Родину. Сам я доброволец – партизан, в годы гражданской войны сражался с белой бандой и теперь все мое желание направлено на уничтожение гитлеровцев и полного их разгрома». Ответ райвоенкомата: «Будете признаны годным военной службе по состоянию здоровья, удовлетворим Вашу просьбу». Л.Е. Курыдкашин не призывался в Красную Армию.

Попов Алексей Васильевич, 1889 г. рождения, житель с.Кослан, зав. райкомхоза, в заявлении от 2 февраля 1942 г. пишет: «В настоящем прошу Вас принять меня в ряды РККА. Состояние здоровья – чувствую себя нормально. Хотя на военном учете не состою по возрасту, но имею искреннее желание идти на фронт на защиту Родины. Я буду защищать Родину до последней капли крови. Из Красной Армии демобилизовался по возрасту. Состоял в 55 военно-строительной дружине, военная специальность – пулеметчик-наводчик». Ответ райвоенкомата: «Вы по возрасту к призыву в РККА не подлежите, поэтому Вашу просьбу удовлетворить нет возможности».

Васютов Иван Константинович, 1921 г. рождения, невоеннообязанный, проживающий в с.Кослан, в заявлении от 9 марта 1942 г. пишет: «Во время очередного призыва в 1940 г. меня признали не годным к военной службе по ст. 8 б. Но по состоянию здоровья я думаю, что вполне могу справиться

с обязанностями нестроевой службы. Этим самым я могу заменить полноценного бойца на фронте. Прошу зачислить меня в ряды Красной Армии. Я приложу все свои силы и старания, а если понадобится и жизнь, для оправдания доверия партии и правительства». Призван райвоенкоматом (дата не указана), служил рядовым в 1-м гвардейском Укрепрайоне. Погиб в бою 16 января 1945 г. в Венгрии.

Черноусов Константин Антонович, председатель Важгорского колхоза «Партизан», в заявлении от 24 мая 1942 г. обращается к райвоенкому: «Мне, как председателю колхоза «Партизан», Вами дана отсрочка от мобилизации до 1 января 1943 г., что считаю по моему характеру нецелесообразным. В момент наивысшей угрозы мне оставаться в тылу, т.е. в стороне от фронта, позорно. Я должен быть там, где самый опасный участок фронта. Даю честное большевистское слово, что я на фронте оправдаю доверие партии и правительства. А потому убедительно прошу снять отсрочку и сразу же отправить на фронт. О результатах прошу меня уведомить. В чем и подписуюсь – К.Черноусов». Ответ райвоенкома от 6 июня 1942 г.: «На Ваше заявление сообщаем, что разбронировать Вас в настоящее время не можем. Поэтому желаем, чтобы Ваш колхоз был передовым хозяйством, обеспечивающим фронт продуктами питания, сырьем и т.д. Подготовьте хороших лошадей для Красной Армии, повозки, упряжь». Райвоенком – Г.К.Ванеев, техник-интендант 2-го ранга.

Ершова Любовь Митрофановна, 1924 г. рождения, член ВЛКСМ с 1931 г., житель с.Ертом, в заявлении от 3 сентября 1942 г., адресованной в райком комсомола, пишет: «Имею большое желание вступить в ряды РККА и бороться против немецких захватчиков наравне с другими. Однако, несмотря на мое заявление, райвоенкомат не удовлетворяет мою просьбу. Поэтому прошу райком содействовать мне в этом». Призвана в ноябре 1942 г., ефрейтор. Демобилизована в июле 1945 г. Место жительства – пос. Благовое.

Павлова Ирина Кирилловна, 1920 г. рождения, член ВЛКСМ с 1935 г., окончила физико-математическое отделение Сыктывкарского учительского института, школьный инспектор Удорского РОНО, в заявлении от 30 октября 1942 г. пишет: «Немец хочет отобрать нашу жизнь, молодость, сердце и счастье, данное советское властью. Но как жить без молодости, как жить без счастья? Нет, этому не бывать никогда! Наоборот, у проклятого шакала не будет сердца, молодости и счастья. Но так как эти собаки пока не уничтожены и сейчас самая трудная минута войны, убедительно прошу принять меня в ряды РККА. Бить этих шакалов буду так, чтобы ни одна проклятая душа не имела возможности использовать советский кислород, а вздохла на том же месте, где получила советскую пулю или советский штык. Думаю,

что мою просьбу удовлетворите. К сему – И.Павлова». Ответ райвоенкомата аналогичен предыдущим обращениям женщин-добровольцев.

Вурдов Николай Алексеевич, 1927 г. рождения, ученик 8-го класса Косланской средней школы, в заявлении от 17 мая 1943 г. пишет: «Прошу зачислить меня в ряды РККА вместе с ребятами 1926 г. рождения. Я появился на свет 15 января 1927 г. Как видите, от 1926 г. меня отделяют только какие-то жалкие 15 дней. Тем более, может быть, в сельсовете перепутали даты. Ростом я не уступлю никому из ребят 1926 г. рождения. Стыдно мне, по росту уже мужчине, париться в тылу. Но не думайте, что это заявление пишет какой-нибудь цыпленок, который еще от маминой юбки не отходил. Нет, я уже испытал бомбежки (когда жил в Архангельске), видел морские штормы и перископ фашистской акулы – подводной лодки (я летом 1942 г. участвовал в экспедиции архангельских школьников на Новую Землю) и никто не может сказать, что я трус. Повторяю, я не желаю париться в тылу, когда другие умирают на фронте, я хочу бить фашистов, бить за тот океан несчастий, которые обрушились на нашу страну. Товарищ военком, убедительнейше прошу дать удовлетворительный ответ по адресу: с.Кослан, НСШ, ученику 8 класса Н.Вурдову».

Ответ военкомата от 18 мая 1943 г.: «На Ваше заявление о досрочном призыве в ряды РККА сообщаем, что пока мы людей 1927 г. рождения в армию не призываем, а поэтому нет целесообразности в ходатайстве на призыв в РККА. Вам т.Вурдов необходимо готовиться к своему очередному призыву, подготовиться физически, изучить военное дело, чтобы идти в армию уже подготовленным в военном отношении и быть достойным бойцом РККА.

Прейзиндорф В.П. 3 мая 1943 г. обратилась к райвоенкомату с заявлением такого содержания: «Прошу разобрать и выполнить мою заветную мечту. Я выросла без отца, он погиб под Царицином (ныне Сталинград) в годы гражданской войны, муж с первых дней войны пошел на защиту Родины и погиб на фронте. Так разрешите мне отомстить за погибших отца и мужа, за замученную извергами-немцами мать. Я медсестра, но хочу быть пулеметчицей, чтобы косить врага, не допуская его до цели. Прошу убедительно не отказать в моей просьбе и зачислить меня в ряды нашей славной Красной Армии. Ответ райвоенкомата аналогичен заявлениям других женщин-добровольцев.

Чернышева Татьяна Александровна, врач Важгортской больницы, 27 октября 1943 г. написала и отправила в Москву, Кремль, тов. Ворошилову заявление такого содержания: «Ходатайствую перед Вами о том, чтобы меня направили на фронт. Врачом я работаю четвертый год, с работой справляюсь. Но вот получила сообщение о том, что на фронте погибла моя младшая

сестра, а все остальные члены семьи остались на территории временно оккупированной немцами. Ненависть к врагам определяет мое место на фронте. Только на фронте с оружием в руках я могу отомстить за свою семью. Я хочу спасти жизнь раненым бойцам, которые борются за честь и свободу нашей Родины. На два свои заявления, которые я подавала в Удорский райвоенкомат, получила отказ. Прошу Вас в просьбе моей не отказать».

Ответ райвоенкомата от 9 декабря 1943 г.: «На Ваше заявление, направленное маршалу Советского Союза т.Ворошилову, сообщаю, что за отсутствием наряда на призыв врачей в Красную Армию Ваше заявление удовлетворить не можем». Удорский райвоенком Г.К.Ванеев, ст.лейтенант административной службы. Начальник 2-й части А.Федоров.

Литература и источники

1. НАРК. Ф.Р-5од. Оп. 1. Д. 7. Заявления добровольцев о вступлении в Красную Армию и Военно-морской флот.
2. Книга памяти Республики Коми. – Сыктывкар, 1994. – Т. 2. – С. 503-570; – Сыктывкар, 1998. – Т. 6. – С. 510-557.

ОБЗОРЫ . РЕЦЕНЗИИ . ИНФОРМАЦИЯ

Е.Н.Боле^{*}, А.А.Соколов^{**}

ПОМНИТЬ ПОИМЕННО . О РАБОТЕ РЕДКОЛЛЕГИИ КНИГИ ПАМЯТИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Создание Книги памяти с целью увековечения имен участников Великой Отечественной войны, уроженцев и призванных военкоматами Коми началось в республике в августе 1989 г. В те годы незаменимыми в сборе информации при составлении мартиролога стали ветеранские организации городов и районов республики. В первые годы работа финансировалась Российским Фондом мира, в дальнейшем и до настоящего времени – из республиканского бюджета при участии в работе Коми республиканского отделения Российского Фонда мира.

Усилиями многих энтузиастов-ветеранов, работников военкоматов, рабочей группы редколлегии Книги памяти в 1993 г. издан первый том, последний, десятый печатный том вышел в свет в 2004 г. На тот момент звучивалось, что в десятитомном издании Книги памяти Республики Коми увековечены имена 179929 защитников Отечества, в их числе 58577 чел. – павшие в боях, умершие от ран, пропавшие без вести, 45594 чел. – вернувшиеся с войны, 75758 чел. – фронтовая судьба которых не установлена. В 10-м томе поименно были названы восемь тысяч имен участников Великой Отечественной войны, призванных военкоматами Коми республики, не опубликованных в прежних списках. Такое большое число не увековеченных имен выявилось после пересмотра рабочей группой массива документов, полученных в конце 1980-х гг. из Центрального архива Министерства Обороны РФ (г. Подольск), присланных через ВНИИДАТ и в силу опреде-

^{*} **Боле Елена Николаевна** (Сыктывкар) – член-корреспондент Академии военно-исторических наук, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

^{**} **Соколов Александр Анатольевич** (Сыктывкар) – заместитель председателя редколлегии Книги памяти РК, заместитель председателя Коми отделения Российского фонда мира.

ленных обстоятельств не внесенных в первые тома. Некоторая, самая малая часть информации для 10-го тома была получена от Фонда «Народная память» (г. Москва). Существенную часть списков удалось составить после того, как появилась возможность ознакомления с ранее не доступными для исследователей документов УФСБ по РК (были опубликованы списки участников войны, реабилитированных в 2002 г. по заключению военной прокуратуры Ленинградского военного округа по уголовным делам, хранящимся в ГРАФ УФСБ по РК) и архива Военного комиссариата РК. Доступ к ранее засекреченным материалам республиканского военкомата предоставил возможность, кроме того, изучить личные дела офицеров и опубликовать списки офицерского состава, работавшего в военные годы во всех военкоматах республики. Это те люди, которые непосредственно на местах занимались мобилизацией, формированием команд и отправкой их на фронт.

В отличие от предыдущих томов, в десятом томе опубликованы небольшие очерки о тридцати пяти Героях Советского Союза, которые были либо уроженцами Коми, либо приехали, жили и работали в республике после войны. Кроме того, рабочей группой были выявлены новые имена Полных кавалеров ордена Славы, призванных военкоматами Коми АССР. К очеркам о 12-ти полных кавалерах, известных по данным девятого тома, после уточнения судеб названы новые выявленные имена: К.Н.Ивашевского, Н.К. Чечени и С.М. Сенькина. Имя одного из них выявилось после выхода девятого тома Книги памяти Республики Коми, когда в адрес рабочей группы пришло письмо от однополчанина С.М. Сенькина. Поисковик со стажем, проживающий в Дагестане, писал о том, что С.М. Сенькин часто упоминал в разговорах, что будто «родом он был из Ставрополя, а призывался из Печоры», а также то, что он с удивлением для себя обнаружил, что имя его сослуживца не значится среди Полных кавалеров ордена Славы. И действительно, имя С.М. Сенькина было увековечено в списках погибших, призванных Кожвинским райвоенкоматом (ныне – Печорский ГВК). Обращение к справочнику «Полные кавалеры ордена Славы трех степеней» подтвердило утверждения дагестанского коллеги. Члены рабочей группы сообщили о С.М. Сенькине в Ставрополе. К слову сказать, на его малой родине о нем, как человеке, награжденном орденами Славы всех трех степеней, не знали.

Традиционно, в десятый том Книги памяти вошла подборка очерков об участниках войны и тружениках тыла. На этот раз они были посвящены преимущественно женщинам. Из мобилизованных в Коми АССР в различных родах войск в годы Великой Отечественной войны служили 3450 женщин, в их числе свыше 700 женщин, в основном врачей и медперсонала.

К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне в республике была издана электронная версия Книги памяти Республики Коми (тираж дисков 1000 экз.). Она создана в 2005 г. и включает информацию о 171002 участниках Великой Отечественной войны, как призванных на фронт военкоматами Коми АССР, так и проживавших и работавших в республике после окончания войны. Их имена увековечены в десяти томах регионального мартиролога, изданного в период с 1993 по 2004 г. По содержанию списки воинов в Книге памяти РК подразделяются на три блока: «без вести пропавшие и погибшие», «вернувшиеся с войны», «призванные в армию, фронтовая судьба которых не установлена». Также в 2005 г. на официальном сайте Республики Коми (www.rkomi.ru) «Книга памяти Республики Коми» размещена для онлайн-доступа.

Применение электронных технологий позволило создать единый алфавитный список имен (ранее он был структурирован по районам, т.е. по принципу уроженства) участников войны. Как известно, в основу составления Книги памяти легли разные источники – от материалов Центрального архива МО РФ, данных местных военкоматов и органов соцобеспечения до сведений, поступавших от родственников воинов. Все они дополняли или уточняли имеющуюся информацию. С выпуском электронной версии Книги памяти РК рабочая группа редколлегии по данным алфавитного списка выявила многих, так называемых, «двойников». Сверяя списки «погибших» со списками «вернувшихся», списки «вернувшихся» со списками «с не установленной фронтовой судьбой» и так далее, оказывалось, что на многих участников войны из числа «без вести пропавших» и «с не установленной судьбой» имелась информация как на «погибших», и что особенно радостно – есть ряд примеров, когда люди находились в числе выживших в войну. Понятно, за три прошедших года электронная Книга памяти РК претерпела существенные изменения и в лучшую сторону. При этом стоит отметить, что каждодневная поисковая работа выявляет новые не увековеченные имена. Так, только на основе новых поступавших в рабочую группу данных об участниках войны за 2005–2006 гг. были составлены 11-й и 12-й электронные тома Книги памяти РК.

Книги памяти – это связь времен, связь поколений. Теперь уже в рабочую группу обращаются внуки солдат, погибших в годы войны, желая узнать, где воевали их деды, где погибли, где захоронены. К этой работе подключилась и общественная молодежная организация «Коми республиканского поисковое объединение «Северное Созвездие», которая предоставляет уточненные сведения о местах гибели уроженцев Коми республики, имена которых были установлены по солдатским медальонам погибших защитников Родины, обнаруженных рядом с останками во время поисковых

экспедиций различными поисковыми отрядами России. По выявленным местам гибели бойцов вносятся поправки в электронную версию Книги памяти. Таким образом сделаны уточнения по местам гибели на более чем 50 уроженцев и призванных военкоматами Коми АССР защитников Отечества.

Кроме работы над составлением списков имен участников Великой Отечественной войны, рабочая группа редколлегии Книги памяти РК осуществляет научно-исследовательскую и издательскую деятельность по другим периодам и военным конфликтам. Так, ею подготовлены специальные выпуски: в 2000 г. – «Книга памяти Республики Коми. Афганистан. 1979–1989», в 2006 г. – «Книга памяти Республики Коми. Советско-финляндская война», посвященные увековечению имен участников этих войн – уроженцев и проживающих в Коми республике, в 2007 г. – книга «Честь и слава Героям», в 2008 г. – электронный диск «Книга памяти Республики Коми. Женщины – участницы Великой Отечественной войны». За два года поисковой работы список женщин-участниц войны пополнился, на диске содержатся сведения о 3957 женщинах, а также очерки и статьи об отдельных из них.

В 2007–2008 гг. перед рабочей группой стояла задача сбора информации по одной из «белых пятен» истории войны, которой долгие годы оставалась тема военнопленных фашистских лагерей. Известно, что еще в 1995 г. президент России Б.Н. Ельцин подписал указ, полностью реабилитировавший всех бывших военнопленных и репатриантов. В силу различных причин судьбы уроженцев Коми – бывших военнопленных – не получили системного изучения, мало освещались в печати, а многие попавшие в плен военнослужащие на родине считались «без вести пропавшими». Следует отметить, что на некоторых людей, попавших в плен, в десятитомной Книге памяти РК имелись краткие сведения без дат, указывались лишь формулировки «умер в немецком плену» или «попал в плен». Поэтому была необходимость изучения трофейных немецких карточек, переданных УФСБ по РК в Национальный архив РК. По этим карточкам уточнялись время пленения, а в ряде случаев и место пленения, указывались дата и место захоронения воина, что весьма важно, прежде всего, для родственников этих воинов, не по своей воле попавших на чужбину и погибших в фашистских застенках. Кроме того, важным моментом является то, что на многих карточках бывших военнопленных имеются фотографии.

В настоящее время актуальнейшей темой в новейшей истории России становится борьба с фальсификацией истории. Значительное место в сохранении правдивой истории Великой Отечественной войны занимает деятельность государственных и общественных организаций в области

увековечения памяти защитников Отечества. Активная работа продолжается с целью сохранения национальной гордости об истоках Победы советского народа над фашизмом и воспитания патриотических чувств нынешних поколений россиян. «Символом народной памяти» называют мартирологи Книги памяти. Почти во всех регионах России созданы электронные Книги памяти, представляющие собой сканированные версии печатных изданий. Однако все они своеобразны, непохожи на своих собратьев ни по содержанию, ни по оформлению. С точки зрения обеспечения архивной информации (распечатки ВНИИДАТ) в конце 1980-х гг. все регионы были в равном положении, но в итоге изданные мартирологи имеют разную информативную насыщенность и полноту, к сожалению, имеется достаточное число неточностей и разночтений. Такое положение дел случилось из-за отсутствия директив и регламента по составлению Книг памяти: сотрудники редколлежий создавали их по своему видению, как понимали и что понимали. Преимущества информативной насыщенности имеются у электронной Книги памяти Архангельской области, в которой размещены сведения о павших воинах, основанные на различных документах, хранящихся в регионе. Электронная Книга памяти Архангельской области оживает в лицах, в ней размещаются фотографии погибших воинов, фотографии мемориалов, где они захоронены, а также наиболее полные сведения по военнопленным с указанием архивных источников. По сути, на современном этапе каждый регион по-прежнему имеет свои собственные подходы в работе по увековечению имен защитников Отечества посредством создания мартирологов. Например, Книга памяти Татарстана переведена на родной язык и в наши дни издается на татарском языке. Уникальность Книги памяти Республики Коми состоит в том, что здесь собраны и опубликованы списки не только погибших и пропавших без вести, но всех вернувшихся с войны фронтовиков, уроженцев и приехавших в Коми после войны, всех выживших, имеющих равные права на увековечение личного подвига защитника Отечества.

В 2008 г. в Республике Коми начата работа над проектом «Иллюстрированная Книга памяти РК». Инициаторами данного проекта являются авторы статьи. Задуманный формат Книги памяти «на выходе» подразумевает создание электронного банка данных, сопровождающегося документальными свидетельствами об участии призванных местными военными коматами и проживавших в Республике Коми граждан страны в Великой Отечественной войне. В «Иллюстрированную Книгу памяти РК» в электронном виде размещаются не только фотографии воинов, но и другие документы, связанные с фронтовым периодом в их биографиях. Сканированные копии заявлений добровольцев, извещения о гибели, наградные документы, газетные публикации и другие типы документов о ветеранах в

виде дополнительных файлов прикрепляются к персоналиям уже имеющегося сводного компьютерного списка. Цель проекта – информационное расширение справочно-биографических сведений об участниках войны на основе подлинных источников. Собранная в электронном виде информация вносится в главную версию Книги памяти Республики Коми, которая размещается на Портале Правительства Республики Коми в Интернете (www.rkomi.ru).

Проект «Иллюстрированная Книга памяти Республики Коми» осуществляется на основе трехстороннего договора:

1) Коми республиканское отделение Российского фонда мира организует работы по сбору информации, систематизации и размещению сведений в электронной версии Книги памяти Республики Коми;

2) Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН обеспечивает информационно-методическое сопровождение и научное консультирование на всех этапах реализации проекта;

3) Центр автоматизированных систем при Главе РК готовит программное обеспечение, размещает информацию в электронном варианте Книги памяти Республики Коми на сайте Правительства Республики Коми, совершенствует поисковую систему.

«Иллюстрированная Книга Памяти РК» как электронная база данных документальных свидетельств об участниках войны будет являть собой не только источник Памяти для потомков участников войны, но и послужит активизации гражданско-патриотического воспитания молодежи, поиску новых форм популяризации знаний о военном прошлом. Обращение к документам, размещенным в сети Интернет, по замыслу проекта даст дополнительную информацию, что важно из первоисточника, при разработке учебных курсов, сценариев мероприятий, что в свою очередь будет только способствовать расширению знаний общественностью по истории Великой Отечественной войны. За давностью событий и ветхостью бумажных носителей, в силу чего ограниченных для выдачи и хранящихся в музейных и архивных коллекциях, важное значение имеет сохранение документа в копийном электронном виде. За счет возможности распечатывания документов той поры, раскрывающие судьбы героев, в зависимости от индивидуальных запросов будут доступны широкому кругу специалистов, а также всем интересующимся гражданам.

За годы Великой Отечественной войны военкоматы Коми направили на фронт около 170 тыс. чел., из них фронтовые судьбы более 70 тыс. чел. остаются не установленными. В основном это люди, не являвшиеся уроженцами Коми АССР, в большинстве мобилизованные на фронт из мест заключения ГУЛАГа НКВД СССР, лагерей, располагавшихся на территории Коми АССР. Призывался данный контингент через Ухтинский, Железнодорожный

райвоенкоматы, Сыктывкарский горвоенкомат, а в массе своей бывшие заключенные с территории Коми уходили на фронт через Кожвинский райвоенкомат (ныне – Печорский). Чудом уцелевшая картотека этого военкомата передана на государственное хранение в историко-краеведческий музей г.Печора. Массив документов представляет собой более 55 тыс. карточек на призванных через Кожву с указанием Ф.И.О., даты призыва, места рождения, в ряде случаев – партийной принадлежности, а если человек был осужден – статьи уголовного кодекса, если нет – места работы. Также в тех карточках указано, куда человек был направлен – номера самих воинских частей или названия городов, где они формировались. Отметим, что в печатный, седьмой том Книги памяти Республики Коми, в котором опубликованы списки по Печорскому району, т.е. призванных Кожвинским военкоматом, кроме инициалов и года призыва мобилизованных на фронт, имеющиеся в выше обозначенных карточках сведения не вошли. В списках седьмого тома указаны лишь инициалы и год призыва. А это в свою очередь затрудняет поиск этих людей их потомками, живущими в других регионах (по месту рождения бывшего заключенного).

В рамках проекта «Иллюстрированная Книга памяти РК» сотрудники музея начали работу по сканированию призывных карточек бывших заключенных. Научными сотрудниками Печорского историко-краеведческого музея Е.В. Казаковой, О.В. Копытовой, студентом ПЛ-23 г. Печора И.В.Воробьевым в 2008 г. было отсканировано и предоставлено в редколлегиям около 33 тыс. сканкопий карточек, по плану, в 2009 г. они завершат объем работ по сканированию карточек. Отметим, что у коллектива музея, которым руководит опытный специалист, энтузиаст Ольга Васильевна Мирчук, есть весомый опыт мемориальной работы. С 2005 г. сотрудники музея собирают информацию о ветеранах, проживающих на территории г. Печора и Печорского р-на, создают электронный каталог «Архив памяти». В три части диска «Архива памяти» внесены коллекции 109 ветеранов войны и тружеников тыла. Эта информация также вошла в «Иллюстрированную Книгу памяти Республики Коми».

В перспективе, на наш взгляд, представляется целесообразным включение в ОБД-Мемориал данных Кожвинской картотеки Печорского историко-краеведческого музея в качестве дополнительного исторического источника, ибо каждый второй запрос о розыске военнослужащих, поступающий в республику, как к поисковикам-общественникам, так и в рабочую группу Книги памяти РК, касается не уроженцев республики, но призванных Кожвы. Размещение сканированных копий карточек на призванных Кожвинским райвоенкоматом в сети Интернет, как одного из разделов Всероссийского банка данных, позволит любому человеку, интересующемуся этой

темой, где бы он ни находился, нажатием кнопки на клавиатуре компьютера найти дополнительную информацию по своим родным и близким людям, исполнившим долг перед Отечеством в годы Великой Отечественной войны, и неважно, были ли они призваны из мест заключения, воевали в обычных частях или в составе штрафных батальонов.

В реализации проекта «Иллюстрированной Книги памяти РК» принимает участие Национальный архив РК. В 2008 г. сотрудниками архива И.В. Букиной и Л.А. Кызьюровым было отсканировано и предоставлено в рабочую группу на электронных носителях 600 архивных документов (или более 1000 сканкопий листов) по фонду Р-2121 «Коллекция документов периода Великой Отечественной войны» и по фонду Р-508 «Сыктывкарского горвоенкомата». Всего предоставлены документы, отражающие биографические сведения о 386 участниках войны. В 2009 г. наряду с Национальным архивом к работе по созданию «Иллюстрированной Книги памяти» присоединился Национальный музей РК. На основе своих архивных и музейных фондов по периоду войны, связанных с именами защитников Отечества, сотрудниками архива и музея продолжится отбор «читабельных» документов и их сканирование.

В последнее время электронные издания о ветеранах войны появляются во многих районах республики. Так, сотрудниками библиотеки с. Сторожевск Корткеросского района на основе собранных материалов выпустили диск «Сторожевск: прошлое и настоящее». Самостоятельным разделом диска выделяется блок информации о ветеранах войны и тружениках тыла это села и его округи. Сведения этого раздела, как и материалы других дисков, предоставленных из Удорского и Прилузского районов в виде собственных районных электронных Книг памяти, также переведены в республиканскую «Иллюстрированную Книгу памяти РК». В эту единую базу сводится информация о защитниках Отечества еще с одного диска, подготовленного в 2007 г. по итогам крупномасштабного республиканского проекта «Мы этой памяти верны». В этой акции, проведенной Коми региональным отделением партии «Единая Россия» и Коми республиканской организации «Союз ветеранов Афганистана», от жителей почти всех районов республики, а особенно активно от Сыктывдинского, Троицко-Печорского, Сысольского районов, городов Сыктывкар и Сосногорск, Эжвинского района г. Сыктывкара были собраны фотографии и заполнены анкеты с краткими биографиями почти на 1000 участников Великой Отечественной войны.

Общественная редколлегия Книги памяти РК с воодушевлением встретила инициативу Министерства обороны РФ по созданию ОБД-Мемориал (Всероссийского объединенного компьютерного банка данных о погибших военнослужащих периода Великой Отечественной войны), содержащего

информацию о погибших и пропавших без вести при защите Отечества военнослужащих в период Великой Отечественной войны и послевоенных конфликтов. Размещение в ОБД-Мемориал различных архивных документов позволяет «возвращать» имена из небытия, особенно по тем призванным, что по Книге памяти РК значились ушедшими на фронт, но о дальнейшей фронтовой судьбе никаких известий в военкоматы республики на них не поступало. Результаты бесплатного доступа к базе ОБД-Мемориал не замедлили ждать. Приведем лишь одну цифру: компьютерная поисковая работа через Интернет по сверке и сопоставлению базы данных ОБД-Мемориал и данных Книги памяти РК позволили только за один месяц (апрель 2008 г.) установить судьбу 120 воинов, призванных военкоматами республики и погибших на полях сражений. Следует отметить, что по результатам сверки и дополнению сведений о погибших воинах в Книгу памяти РК на основе содержащихся в ОБД-Мемориал сведений, приблизительно такая же цифра выводится практически в каждый отчетный месяц итогов работы рабочей группы редколлегии Книги памяти.

Таким образом, на протяжении 2008 г. продолжалось уточнение фронтовых судеб участников войны, уроженцев Коми АССР и других регионов, проживавших в республике, призванных в Красную Армию военкоматами Коми АССР в предвоенные и военные годы или проживавших в республике после демобилизации. В результате сформирован в электронном виде очередной, 13-й том Книги памяти Республики Коми, в список включены 2847 участников Великой Отечественной войны, в их числе 1498 погибших в боях, умерших от ран и пропавших без вести, 1314 вернувшихся с полей сражений. По традиции, в новый 13-й том включены очерки и фотографии, не вошедшие в ранние издания: о Героях Советского Союза В.А. Борисове, И.М. Воротынцеве, А.А. Демидове; об известном исследователе недр Республики Коми А.Д. Миклухо-Маклае; о первом Председателе Верховного Совета Коми АССР П.И. Размыслове; об участнике Парада Победы Н.А. Добровольском.

В уже имеющиеся списки защитников Отечества рабочей группой вносятся необходимые поправки и дополнения, которые кроме ОБД-Мемориал выявляются в издаваемых в районах и городах книгах, посвященных участникам войны. В их числе книги «Войной опаленные» (Кожвинский район Коми АССР, издана в г.Печора) и «Журналисты – фронтовики РК» (издана в г.Сыктывкар). Так, в 2008 г. на 161 участника войны были сделаны поправки в компьютерных списках, уточняющих фронтовую судьбу и биографические сведения об уроженцах и проживавших в регионе участниках войны.

Уточненные, вновь выявляемые сведения позволяют корректировать подсчеты о людских потерях Коми АССР по отдельным регионам РФ. Приведем некоторые цифры: в Сталининградской битве погибли 987 чел.; в Ленинградской обл. – 5810 чел., в том числе в Кировском р-не – 1978 чел. и в д. Синявино – 451 чел.; Белгородской обл. – 163 чел.; Орловской обл. – 324 чел.; Курской обл. – 253 чел.; Псковской обл. – 2849 чел.; Тверской (Калининской обл.) – 1242 чел.; Смоленской обл. – 1199 чел.; Карелии – 1759 чел.; Мурманской обл. – 759 чел.; Новгородской обл. – 2353 чел., в том числе в Старорусском р-не – 653 чел.

Ниже приведена таблица о некоторых итогах поисковой работы рабочей группы редколлегии Книги памяти РК в 2008 г.

Сведения о числе имен воинов	Увековечено имен защитников Отечества в 10-ти печатных томах Книги памяти РК по состоянию на 2004 г.	Увековечено имен защитников Отечества по данным на июнь 2008 г.	Увековечено имен защитников Отечества по данным на август 2008 г.
Всего занесено	179929	170629	170664
В том числе			
Павшие в боях, умершие от ран, пропавшие без вести	58577	51329	51545
Вернувшиеся с войны	45594	47254	47266
Фронтальная судьба не установлена	75758	72046	71853
Занесено женщин	3450	3940	

Поисковая работа по увековечению имен защитников Отечества в Книге памяти Республики Коми продолжается.

СОДЕРЖАНИЕ

Сметанин А.Ф., Жеребцов И.Л. Юбилей Академии	3
СТАТЬИ	7
Циркунов И.Б. Финский мир и стратегема Маннергейма	7
Тарасов Л.Л. По следам маршала Рокоссовского в Коми	16
Боле Е.Н. «Враждебные элементы» мобилизации	28
Бубличенко В.Н. Производственная деятельность детских трудовых колоний НКВД Европейского Севера России в годы Великой Отечественной войны	38
Игумен Александр (Карпиков). Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны	47
Маслов А.А. «Считать погибшими в войне»	51
Комаров Д.Е. Анализ архивных источников о событиях Великой Отечественной войны и их использование в исследованиях поисковиков (на примере Смоленской области)	57
Садовников С.И. Выявление и корректировка топонимических искажений в процессе поисковых изысканий	63
Ивлев И.И. К проблеме состояния источниковой базы в работе по увековечению памяти о павших защитниках Отечества	71
Агафонов Е.Н., Гуреев О.Н. «Книга памяти 332-й Ивановской имени М.В. Фрунзе стрелковой дивизии». Межрегиональный проект по увековечению памяти воинов-уроженцев Владимирской и Ивановской областей, погибших на Смоленщине	102
Бондаренко О.Е. «Сбылась мечта быть участником военных действий в защите интересов страны Советов с оружием в руках...»	106
ДОКУМЕНТЫ . МАТЕРИАЛЫ . ВОСПОМИНАНИЯ	112
Боле Е.Н. Учет безвозвратных потерь Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Свидетельствуют архивные документы	112
Кисляков М.Г. Человек-легенда	119
Ольхова А. Великая Отечественная война в судьбе моей семьи	131
Шахов И.Е. Под знаком рока: размышления о жизни (фрагменты из книги).....	141
Калинин Н.С. Удорские добровольцы в годы Великой Отечественной войны	204
ОБЗОРЫ . РЕЦЕНЗИИ . ИНФОРМАЦИЯ	212
Боле Е.Н., Соколов А.А. Помнить поименно. О работе редколлегии Книжки памяти Республики Коми	212

**ТРУДЫ КОМИ ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК**

Выпуск 6.

Научное издание.

Рекомендовано к изданию Президиумом Коми отделения
Академии военно-исторических наук.

Оригинал-макет – Н.К.Забоева

Компьютерный набор. Уч.-изд.л. 13,4. Тираж 120 экз. Заказ № 101.

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»,
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36.

